

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

№2
**РУССКОЕ
ПОЛЕ**
2010
ВЫХОДИТ С 2010 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

«Люди – главное!» 3

Пушкинская горка

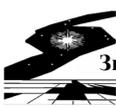
Николай Костыркин. Бессмертный подвиг... 9

Лидия Киреева. Стихи 17

Юрий Павлов. Стихи..... 49

Новелла Киселёва. Стихи 93

Юрий Гудумак. Стихи 126

Звезда над полем

Михаил Гологан. Память 26

Памяти Юрия Грекова..... 28

Один в поле – воин

Николай Савостин. Страницы истории 29

Поле притяжения

Оксана Мамчуева. Проза..... 35

Олег Панфил. Проза..... 61

Екатерина Тарлева. Проза..... 102

Сергей Узун. Проза 135

Зерна и плевелы

Александра Юнко. Критика..... 55

Casa mare

Александр Кабанов. Гость «РП» 65

Константин Кеяну. Перевод..... 73

Поли-АРТ

Александр Ковалов. Наш маэстро, наш лицей 108
 Виктория Алесенкова. Беседы о театре 113
 Галина Кочарова. Композитор Виктор Симонов... .. 121

Взлётная полоса

Мария-Эола Чеколтан. Голоса молодых..... 143
 Валентина Рындина. Три музы 146
 Антон Селененков. Спасибо, Селигер!..... 148

Поле зрения

Лучия Запорожан. Позиция..... 152

Учредитель и главный редактор – *Олеся Рудягина*

Редколлегия: *Валентина Костишар, Олег Краснов, Виктория Алесенкова,*

Сергей Пагын, Татьяна Орлова

Художник – *Сергей Сулин*

Авторы и разработчики сайта Ассоциации русских писателей РМ

Александр Чельшев, Михаил Полевой

<http://www.arprm.com>

E-mail: russkoepole-md@mail.ru

ISSN 1857-1301

Отпечатано в типографии SRL "Metrompas"

г. Кишинёв, ул. Фереедулуй, 4

«ЛЮДИ – ГЛАВНОЕ!»

24 сентября исполнилось 3 месяца, как в Молдову прибыл новый руководитель представительства Россотрудничества – Российского центра науки и культуры Валентин Евгеньевич Рыбицкий. С момента вступления его в должность культурная жизнь в столице Молдовы заметно активизировалась, словно обрела энергетическую подпитку. Юбилейный показ в День освобождения Советской Молдавии от немецко-румынских захватчиков фильма Николая Гибу о Яско-Кишинёвской операции «Кодовое название – «Южный гром»; концерт Михаила Казиника, потрясшего столицу лучезарностью и эрудицией; празднование 190-й годовщины приезда Александра Сергеевича Пушкина в Бессарабию – только три из числа состоявшихся необычных проектов, к которым причастен руководитель РЦНК. Открытое лицо, свободная, интеллигентная манера держаться и говорить, искренние заинтересованность и внимание, с которыми Валентин Евгеньевич относится к людям, притягивают и подкупают. «Русское поле» решило ближе познакомить своих читателей с человеком, от которого во многом будет зависеть «качество» интеллектуальной составляющей обширной программы деятельности Центра.

Олеся Рудягина: *Есть такой психологический тест, по которому можно выяснить самооощущение человека, чётко выстраивается система координат. Ответить надо всего на 5 вопросов – обязательно одним словом. И каждый из них звучит: «Кто ты?» Согласны ответить? Тогда Рыбицкий Валентин Евгеньевич, он – кто?*

Валентин Рыбицкий (после секундного размышления): Человек. Сын. Муж. Отец... И – «за Державу обидно» – гражданин. Я – державник, государственный. Потому, конечно, – гражданин. Но к осознанию этого однажды приходишь, ответив на четыре предыдущих вопроса.

О.Р.: *У Российского центра науки и культуры огромное поле деятельности...*

В.Р.: У РЦНК такое поле деятельности, какое хочешь возделывать! Это ведь так: нет

особого желания – будет узкая делянка, хочешь возделывать – будет поле. При большом желании этим полем может стать целая страна. Сейчас в Центре работает активная творческая команда, и желание есть – значит, так и будет!

О.Р.: *Но «не одна во поле дороженька», можно растеряться. Какое направление в этом поле Вы считаете наиважнейшим?*

В.Р.: «Во поле берёзонька стояла...» – всегда есть ориентир! Для меня это – люди. Люди -главное. Желание изменить для них мир к лучшему. Знаете, всегда обращаюсь к Богородице с молитвой, которая возникла в голове будто сама по себе: «Дай здоровья мне, моим родным и близким, моим друзьям!» Как-то задумался, а по какому праву прошу «дай МНЕ здоровья», для чего? Теперь обязательно добавляю: «Чтобы продлилась жизнь моя для служения во имя Господа нашего, моей семьи и людей». Во всём этом предложении для меня главное – «служение».

Вот, говорят, разные заряды притягиваются! С людьми, мне кажется, иначе. Не противоположно заряженные притягиваются – наоборот, положительные сближаются! Мне везёт на положительно заряженных людей. И здесь, в Молдавии, тоже.

О.Р.: *А какой в Вашем воображении представляла Молдова до прибытия сюда, и что совпало?*

В.Р.: Ну, Молдавию я немного приоткрыл для себя не сейчас, а ещё в студенческие годы. Со мной в Белорусском госуниверситете учились молдаване, которые приезжали по межвузовскому обмену. По этим людям и сложились первые впечатления о республике. Двумя-тремя курсами старше учился Дима Дьяков – «глобальный» такой, «зуброватый», где-то чуть высокомерный, крепко стоящий на этой земле и знающий себе цену. Миша Вырцану был на год старше меня. Мы год жили в одной комнате в общежитии. Очень старательно учился, немного отстраненный, больше сам по себе, но отзывчивый – положительный такой человек. И Валя Тихмановская, теперь Рошу. Мы её «Тишка» называли. Она, и в самом деле, была тихая, добрейшая, умничка. Когда мы сейчас встретились, то будто и не расставались вовсе. Сейчас постоянно в контакте с ней и с её семьёй. Они возят меня на этнографические праздники в сёла республики, водят в музеи и сами приходят на мероприятия РЦНК. Вот для меня три человека, которые изначально олицетворяли для меня Молдову. А был ещё Дима Брагиш, с которым мы давние знакомые по ЦК ВЛКСМ. Встретились с ним – обнялись. С Дьяковым – руки друг другу пожали. А с Валей – расцеловались!

О.Р.: *Но, наверняка, были и неожиданные открытия?*

В.Р.: Я открыл для себя русскую Молдавию. Здесь масса прекрасных людей, перечислить невозможно! Есть Валя Костишар, творчество которой меня покорило, – кстати, я о ней узнал благодаря журналу «Русское поле»; есть Виктор Кушнеренко, с которым мы обходили весь старый Кишинёв по пушкинским следам, – это незабываемо! Но символом русской Молдавии для меня стала Людмила Лашёнова. Это просто моя любимая женщина! Огонь, искромётность, русскость и – молдавский патриотизм. Для меня Людмила Алексеевна – символ, в идеале – отношений наших стран. На таких людях и принципах должна выстраиваться жизнь наша.

О.Р.: *А какое из мероприятий РЦНК Вы для себя выделяете как наиболее удавшееся на сегодняшний день?*

В.Р.: Всегда самое важное именно то, за что только берёшься! И если оно состоялось, некоторое время кажется самым удачным! Вот, например, первое мероприятие – дебют в Молдавии – «День Любви, Семьи и Верности», посвящённый новому государственному празднику России. Что может быть важнее семьи? С неё всё начинается. У меня получилось быть раскованным, быть самим собой, люди чувствовали себя комфортно, радостно – и были искренне благодарны за устроенный им праздник!

Следующим знаковым мероприятием стал кинопоказ и встреча с творческой группой к 30-летию фильма Николая Гибу «Кодовое название – «Южный гром». Были препятствия и были скептики, но тем приятнее результат. Ещё одна удача – приезд по нашему вместе с руководителем музыкально-хоровой студии «Рапсодия» Натальей Барабанщиковой приглашению в Кишинёв Михаила Казиника. Вы видели, что происходило на концерте, какой заряд добра получили люди! Важно, что нас во всех начинаниях активно поддерживает посольство Российской Федерации, лично посол Валерий Иванович Кузьмин. Это очень важно. Но ещё, знаете,

почему всё удаётся? Потому что есть подвижники, те, кто приходят с инициативой, с проектом, с проблемой. И мы поддерживаем, ввязываемся в борьбу, как в случае с Николем Гибу или инициативой Натальи Барабанщиковой.

О.Р.: *Но ведь это немалые затраты!*

В.Р.: Конечно. Ни у кого нет денег! Может, это безрассудство – немедленно бросаться поддерживать, жена меня ругает: «Как ты можешь обещать, когда ещё денег не получил!», но я-то понимаю, что пришел с нужным, добрым делом. Основываясь на личном опыте, знаю – нельзя отталкивать, говорить априори: «Это невозможно!». Стараюсь найти в каждом предложении рациональное зерно. Как говорил один прекрасный наш актер: «Какое счастье, что я не родился женщиной! Мне трудно отказывать» (смеётся). Исключение – когда я вижу наглость, злобу, напор. Со мной можно договориться, но на меня нельзя давить. Тем более – угрожать. Я сразу перестаю быть белым и пушистым. Но не было случая, чтобы мы не поддержали добрую инициативу. Кто хочет что-то сделать – ищет средство, кто не хочет – оправдание. Я боюсь времени, когда начну искать оправдание.

О.Р.: *Вы – журналист. За последние годы профессия эта очень изменилась, на противоположные поменялись приоритеты. Пресса стремительно желтеет. Один очень хороший человек и журналист сказал мне, что профессия деградирует, что сейчас он стыдится того, что принадлежит ей. Что Вы думаете по этому поводу? В чём, на Ваш взгляд, предназначение журналистики и журналиста?*

В.Р.: Трудный вопрос! Сейчас вот о ней говорят: «вторая древнейшая», говорят о продажности журналистов. У каждого издания – хозяин, и люди уже привыкли работать по принципу «кто кому платит, тот того и танцует». Сочувствую сегодняшним журналистам – одни уходят из профессии, другие принимают необходимость служить денежному мешку. Есть, конечно, великие журналисты. Они могут себе позволить не идти по этому пути. Сохранившие принципы. Их немного.

Я помню другие времена. Когда мы в большой степени сами были хозяевами своего творчества. Мы служили Советскому государству. Мы были продажны?! Нет! Я искренне работал в газете Белорусского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом «Голос Родины» (тут у меня «закольцовка» получилась: начинал биографию работой с соотечественниками и сейчас вернулся к работе с соотечественниками!). Так вот, я искренне писал для зарубежья о достижениях своей страны. Я не лгал. Ну, может, чуть приукрашивал. Я верил, что так и будет, что мы идём к лучшей жизни. Школа советской журналистики очень серьёзной была. В её основе лежала образованность. Настоящей журналистике ведь научить невозможно, в тебе должно быть что-то такое заложено. Вот это «что-то» плюс образование и практика! В то время, кроме того, что пресса была органом партии, существовала общая идея! А идея предполагает служение, а не услужение.

О.Р.: *Эта идея привела вас в журналистику?*

В.Р.: В журналистике я, можно сказать, с детства! Уже в шестом классе стал делегатом VII-го Всесоюзного слёта юнкоров в Артеке. А сначала хотел быть суворовцем, военным лётчиком. Это меня моя тётя вдохновляла, которая в то время была старшеклассницей. Говорит: «Гляди, какая красивая форма у суворовцев!» (смеётся). Она, кстати, для меня первую зарисовку написала, «Зимний лес», для детской радиопередачи «Весёлая почта». Она шантажировала меня тогда: «Ну, будешь подписываться, или отдам подписать сестре?». Сестре я уступить тогда не мог – повздорили! Но уже вторую заметку написал сам. После первых радиопере-

дач, а потом публикаций, стали ко мне приходиться взрослые со своими проблемами: «Валь, ты пропиши в газету!» И я писал. И проблемы решались! Было такое понятие в журналистике, как «действенность публикации»: государственные органы и учреждения обязаны были реагировать на просьбы о помощи, на сигналы о беде, несправедливости, недостатках. Редакции поднимали на ноги «ответственных лиц!» Помогали людям. Зло наказывалось. У журналистов надежда была – улучшить мир и служить добру.

О.Р.: *Сейчас таких надежд у молодых нет?*

О.Р.: Я считаю сегодняшнее платное образование, когда набирают всех, кто заплатит, убийственным! В профессии необходим отбор и творческий конкурс! Мы поступали, когда было 15 человек на место. Невозможно всем получать высшее образование! Это нивелирование, потеря профессионализма. Об этом мы говорили со студентами у нас в РЦНК на диспуте «Легко ли быть молодым?» Недоподготовленные преподаватели, купленные дипломы, обучение по учебникам, которые представляют собой «отрывки из обрывков». Вот потом и читаешь: «огромный мегаполис», или слышишь с экрана: «двухтысяча десятый год». Отсюда и неумение работать с фактом – подтасовка или явная фантазия. Воинствующая неграмотность захватывает всё. Журналистика очень резко отреагировала на случившиеся перемены, она не могла не измениться. Первые бизнесмены от журналистики сразу приватизировали – кто газету, кто – издательство, кто телевидение. Страшные были годы. Для кого-то время выживания. Для кого-то – бизнес: деньги-товар-деньги... Мне довелось поработать и политтехнологом, и пиарщиком. Теперь уже не о стране, о человеке нужно было писать лучше, чем он был на самом деле. Но это были в целом нормальные люди. Никогда не работал на бандитов и жуликов! Этого не было.

О.Р.: *Что же, на Ваш взгляд, сейчас могло бы всё-таки стать ориентиром для молодых людей, когда на дворе дикий капитализм?*

В.Р.: Очень много зависит от семьи. Главный пример – семья. Ведь плохое – липнет само. Хорошему нужно учить. Воспитывать. Учить добру. Моим дочерям Маше и Поле повезло. Что-то, наверное, на генном уровне передалось, очень повезло со школой, с классом, с учителями. Летом по 2 месяца проводили у бабушки в Белоруссии. Друзья у нас – отличные люди, которых не испортили времена. Люди ведь «подбираются» друг под друга. Понимаю, моим девочкам будет трудно. Но другими им быть не желаю. Есть теория малых дел. «Делай помалу». Не вижу ничего другого, никакого другого пути. Думая о близких, о семье, родных, друзьях, думай о стране своей. В контексте личного: от ее благополучия зависит и твое благополучие.

О.Р.: *Вы в начале разговора говорили о своей молитве Богородице. Вы всегда были верующим?*

В.Р.: Нет. Мама мою старшую крестила, не спросив, без меня. Я тогда в аппарате ЦК ВЛКСМ работал.

О.Р.: *Гремел, когда узнал?*

В.Р.: Собирался. Мама только сказала: «Сынок, потом скажешь, что я была права».

У меня нет слепой веры. Но есть осознание того, что должен быть высший закон, высший суд, высшее знание, есть осознание того, что ты не сам по себе, а стыдно может быть перед Кем-то. Раньше стеснялся креститься. Теперь – нет.

О.Р.: *За 3 месяца Вашего пребывания в должности в городе почувствовали Вашу неформальную заинтересованность, самоотдачу, заметили, что новый руководитель РЦНК всюду успевает, там, где он, дело ладится. Но это же большое напряжение духовных и физических сил! Как Вы отдыхаете?*

В.Р.: Спасибо за добрые слова! Честно говоря, последнее время, приходя домой, просто сразу ложусь спать – устаю. Зато и встаю рано. Читаю. Конспектирую. Это ещё с юности пошло – тяга к постоянному самообразованию. Тетрадей за жизнь уже масса набралась. Вот, смотрите, какие слова замечательные Елены Ямпольской, обозревателя «Известий», записал: «Как всё прекрасное, время это продлилось недолго. Что с ним стало? Подросло!»... В футбол играю! Мы подружились с ветеранской командой клуба «Дачия» и играем на их поле. Недавно проводили товарищеский матч. Посол РФ в Молдове Валерий Иванович Кузьмин играл в защите, я – на воротах стоял. После игры нас признали лучшими игроками. Приятно!

О.Р.: *До Нового года остались 3 месяца. Что запланировано РЦНК на это время?*

В.Р.: Вынашиваю проект «Светлый автобус». Мы купили автобус, видели во дворе? Загрузим его максимально литературой, кино– и видеоматериалами, киноустановкой и поедем в отдалённые районы. С нами будут ездить учителя, артисты, музыканты, писатели, которые будут давать мастер-классы. Мы будем встречаться с ребятами в школах, со взрослыми в клубах, Домах культуры. Тематика встреч будет самая разная! Например, в следующем году 20 лет СНГ, без которого наша жизнь, наверное, была бы сегодня ещё сложнее. Вот и тема: «Содружество государств – дружба народов». Пора восстанавливать человеческие отношения. Я вот получил заряд позитива недавно: посетил Форум молодёжи в УЛИМЕ «Узнаём друг друга». Каждый из представителей этносов Молдовы говорил на своём языке, но мне казалось, я понимаю всех. Желание понимать, узнавать друг друга огромно. Мечтаю открыть летний интернациональный молодёжный лагерь на берегу Днестра, где ребята будут общаться, учиться дружить, петь у костра, влюбляться. И, кто знает, может снова появятся интернациональные семьи. А что может сильнее привязать друг к другу, заставить понимать друг друга, чем любовь?!

О.Р.: *Кстати, о любви! Все обратили внимание на удивительную женщину рядом с Вами – жену Тамару. Она, кажется, излучает доброту и свет. И вы даже похожи. Как Вы нашли друг друга?*

В.Р.: Во время студенческой практики после третьего курса. На танцах. Мы как зашли с приятелем на танцплощадку, я сразу увидел длинноногую круглолицую симпатюлю – кровь с молоком! Она с подругой танцевала. Решил её пригласить. Но, когда танец окончился, пошёл почему-то приглашать не её, а её подругу. Иду. В последний момент свернул! Мы до сих пор все дружим, подруга смеётся: «Но ты же шёл ко мне!»

О.Р.: *Впечатление полной гармонии. Рецепт семейного счастья, он вообще существует?*

В.Р.: Не знаю. Я – Огонь: Овен и Лошадь. Мой путь пахать и лбом стены прошибать. Она – Вода: Скорпион. Заливает, остужает, осаживает меня. Но я бодаюсь! (смеётся.) Тома великолепная мать моим детям. В самом деле – моя женщина!

О.Р.: *По детям, по внучке маленькой скучаете?*

В.Р.: Конечно. Но я рад, что мы на время уехали. Тома немножко наседка, балует детей. А молодым нужно теперь самим родителями научиться быть.

О.Р.: И в заключение, Валентин Евгеньевич, если позволите, небольшой блиц: – Журналист, являющийся для Вас эталоном в профессии?

Инна Руденко, Василий Песков. Я ещё в университете написал научную работу по творчеству Василия Михайловича. Потрясающий журналист! А прошли годы – мы в издательстве «Молодая гвардия» рядом сидели на редсоветах.

– Ваш любимый фильм?

– «Судьба человека».

– Поэт, писатель, книга?

– Классику люблю, собирал книги неистово! Люблю Бунина. В поэзии – Серебряный век. Но чаще рука тянется к Пушкину.

– Ваш любимый театр?

– Честно говоря, не успеваю в Москве часто ходить в театр. Особых предпочтений нет. Вот, недавно в Кишинев приезжал «Современник» – сходили с женой на «Мертвые души»!

– Любимый афоризм?

– Сегодня: «Необходимо думать одно, а говорить...то же самое» – это Евгений Вестник сказал.

– Песня?

– Их много. Песни молодости моих родителей, напевные, добрые, поэтические. Не могли быть плохими люди, сложившие такие песни.

– Ваше любимое блюдо?

– Не поверите! Голубцы. С ударением на Ы. У нас их делают огромными. Мама готовила в русской печке. Больше нигде такие вкусные не ел! И вот, знаете, на Межэтническом фестивале попробовал голубцы у цыган. Показалось, вкус – маминых. А 8 Марта я обязательно готовлю моим девочкам белорусские драники. Это традиция!

– А был поступок в жизни, за который Вам стыдно?

– Был. Один раз струсил. У нас в округе пацаны-дошколята враждовали. Дрались. Команда того дома, команда этого. Однажды я шёл к «своим», меня перехватили «чужие» – им очень почему-то хотелось, чтобы я на их стороне был. И я бросил камень в сторону «своих». Ох, как же мне плохо после этого было! Я потом пришёл к «своим», говорю: «Простите гада!» С тех пор для меня самое страшное – предательство. Очень дорожу дружбой...

Но что-то я какой-то лубочно-положительный получаюсь. Я не такой! Бываю упрямый. Вспыльчивый. Правда, отхожу быстро – типичный Овен.

– Что Вы не любите?

– Не люблю 90-е годы, когда всё рушилось. Не люблю тех, кто приложил к этому руку. Я очень любил свою страну! Не люблю тупых и агрессивных. Не люблю игры без правил.

О. Р.: Что для Вас Россия?

В.Р.: Это – Вселенная. Это – мир, в котором я чувствую себя своим.

Сентябрь, 2010

Поле 65 славы

ПОБЕДИТЕЛИ

НИКОЛАЙ КОСТЫРКИН, «Новости-Молдова»

БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ ГЛАЗАМИ НАСЛЕДНИКОВ ПОБЕДЫ

В рамках празднования 65-летия Победы над фашизмом, которое будет продолжаться до конца года, РИА Новости был организован пресс-тур для представителей СМИ стран СНГ и Балтии. Вместе с коллегами из России, Украины, Белоруссии, Эстонии, Армении и Азербайджана нам, журналистам из Молдовы, удалось за несколько дней побывать в главных музеях Великой Отечественной войны в Москве и Волгограде, а также посетить город Ржев Тульской области, где в период Битвы за Москву велись долгие, ожесточенные бои.

Поклонная гора

В старину отсюда открывался живописный вид на столицу Русского государства. Путешественники останавливались здесь, чтобы поклониться Третьему Риму перед дальней дорогой, либо, наоборот, прибывая в город. Отсюда и название – Поклонная гора. Здесь же в 1812 стоял Наполеон, напрасно ожидая ключей от Москвы. Эхо той далекой Отечественной войны вплелось в расположившийся здесь мемориальный комплекс в память о еще одной, более значимой для нас, современных людей, Победы над двенадцатью языками – в 1945 году.

Для сооружения мемориала и парка в честь грядущей Победы сам маршал Жуков выбрал это место еще до конца войны. В 1958 году был установлен памятный камень, символизирующий место, где будет построен комплекс.

Парк Победы на Поклонной горе встретил нас мелко морозящим дождем, который совсем не помешал курсантам военных училищ репетировать церемонию смены караула у Вечного огня, находящегося прямо перед Музеем Великой Отечественной войны.

И музей этот являет собой как бы мемориал в мемориале. Его залы, кроме раритетных экспонатов, славятся и специально возведенными памятниками и скульптурными композициями. В Зале полководцев – бюсты кавалеров Ордена Победы. В противоположном его конце – Солдатская дорога в форме лестницы, увенчанной сверху Щитом и Мечом, преподнесенными в дар Музею мастерами города Златоуст Челябинской области.

В Зале Славы увековечены имена 11800 Героев Советского Союза, среди которых есть и имена наших славных граждан – Сергея Болгарина, Владимира Бочковского, Федора Жарчинского, Ивана Ковалю, Степана Колесниченко, Шабса Машкауцана, Михаила Павлоцкого и других – а также Героев Российс-

кой Федерации. Особо впечатляет стоящая в центре зала бронзовая скульптура «Солдат Победы» работы В.И. Знобы: на гранитном постаменте у подножия монумента лежит меч, изготовленный тульскими оружейниками, с надписью, стилизованной под древнерусский шрифт: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет!». Здесь, у этой композиции, ставшей символом мужества и негибаемого духа солдат армии, победившей фашизм, воины принимают присягу на верность идеалам своих дедов и прадедов, проводится посвящение в курсанты будущих выпускников Суворовского училища.

Наш экскурсовод водит нас из зала в зал, эмоционально повествуя о каждой экспозиции. Видно, что эта женщина, зная материал досконально, буквально живет музеем, его историей, предназначением, духом тех, во имя кого он создан и для кого сохраняет память о самых значимых вехах Великой Победы. Для нее музей – живой организм, и нам тоже все больше и больше начинает казаться, что все экспонаты вокруг наделены если не разумом, то уж душою точно, душою тех, кто прошел ад войны ради великого счастья мира.

В числе выставленных в одном из залов старинных знамен выделяются два флага, синего и небесно-голубого цвета, со схожей символикой, в корне отличной от классической российской геральдики: вверху – глаз, от которого исходит рука с мечом. Спрашиваю об этом у экскурсовода. «Это знамена Преображенского и Семеновского полков», – отвечает она. Сколько мы еще не знаем о собственной истории!

На разных этажах огромного здания музея находятся большие экраны, на которых идут кинохроники военных лет, современные тематические передачи и даже художественные фильмы о Великой Отечественной войне, которые может посмотреть любой посетитель музея. Невольно поразились простоте и эффективности идеи. Ведь если в музеях Кишинева также установить экраны с проекторами, сколько познавательных вещей можно будет показать нашим гражданам, большинство из которых крайне мало осведомлены об истории родного края. Даже элементарный фоторяд с закадровым текстом даст любому школьнику гораздо больше информации, чем справочник по истории, написанный сухим академическим языком и далеко не всегда точно изображающий подлинную суть исторических событий.

В числе экспонатов музея – самопишущее перо Жукова, которым он подписал Акт о капитуляции Германии, и даже труба знаменитого Агапкина, автора известного марша «Прощание славянки» и дирижера сводного духового оркестра, участвовавшего в параде 7 ноября 1941 года.

Шесть диорам, посвященных битвам под Москвой, Сталинградом, Курском, блокадному Ленинграду, форсированию Днепра и взятию Берлина, как бы сфокусировали в себе вехи самых тяжелых и славных событий тех лет. Особое впечатление производили записи военных лет, сохранившие страшную «музыку» авианалетов, взрывов бомб, стрельбы, бессмертный голос Юрия Левитана. В блокадном Ленинграде Шостакович написал свою Седьмую симфонию, фрагмент из которой, звучавший под сводами музея, напоминал о том страшном времени и о тех мирных людях, которые в тылу совершили не меньший подвиг, чем солдаты на войне.

Под открытым небом расположена выставка вооружения, военной техники и инженерных сооружений на Поклонной горе, импровизированные окопы и многое другое, что стало бытом солдат-победителей в этой страшной войне.

Город на Волге

Майский Волгоград жарок, тих и беспечен, но никак не производит впечатления сонного провинциального города. Исторический центр с его прямыми улицами, среди которых приезжий может быстро освоиться, отстраивался после войны практически заново.

На улицах Волгограда увековечена память многих людей, событий, явлений, о которых в других местах уже забыли. Здесь любой дом, камень или даже клочок земли может знаменовать собой память о чем-то или о ком-то. Так, например, на Аллее Героев стоит единственное пережившее войну дерево – тополь, в который во время боев попало множество осколков снарядов и который сам залечил свои раны в мирное время.

Тут же рядом, на Площади павших борцов, стоит 26-метровый обелиск, водруженный над братской могилой красноармейцев, которые сражались за город – тогда еще Царицын – в период Гражданской войны. В 1943 году в этой же могиле нашли свое последнее пристанище более ста защитников Сталинграда, люди разных национальностей, воспринимавшие себя как одно целое, сильное и могущественное, сумевшее преградить дорогу фашизму, спасти человечество от уничтожения. Перед обелиском – круглый металлический знак с изображением розы ветров. Это нулевой километр Волгоградской области. Здесь назначают свидание влюбленные, и, согласно местному поверью, встав на этот знак, можно загадать желание, которое должно обязательно исполниться.

Рядом с площадью – гостиница «Волгоград», где нас и поселили. Когда-то здесь останавливался Михаил Шолохов. За гостиницей – дом, где в сорок третьем капитулировал фельдмаршал Паулюс.

Кстати, с середины 80-х XX века в Волгограде действует единственный в России метротрам (метро, где вместо поездов – трамваи) протяженностью 13,5 км, пролегающий как под землей, так и на поверхности. Все здесь необыкновенно, о многом можно справедливо сказать «впервые». Видно, сила духа тех, кто оборонял город, поселилась в этих местах навечно.

Мамаев курган

Знаменитая Высота 102.0, Мамаев курган, известная любому человеку в мире, имеющему хотя бы малейшее представление о Великой Отечественной войне, – самая высокая точка Волгограда.

«Нынешнее свое наименование Мамаев курган получил в период Золотой Орды, так как еще в те времена эта возвышенность стала стратегическим пунктом – заставой, основанной, согласно преданию, самим темником Мамаем. Сотня личных телохранителей ордынского правителя охраняли здесь столицу государства – Сарай-Берке», – рассказывает нам экскурсовод по дороге к мемориалу.

Хотя у лингвистов на этот счет другое мнение: на языке волжских татар слово «мамай» означает бугор, небольшую возвышенность, откуда и до слова «глава» недалеко. Это, кстати, может породить дискуссии о том, что само имя великого ордынского темника было не чем иным, как его титулом.

Обычно экскурсии на мемориале начинаются с подножия холма – таков был творческий замысел его создателей. Но из-за того, что перед 9 Мая в нижней

части композиции строили сцену для праздничного концерта, нас, чтобы не затруднять эту работу, повели на экскурсию сверху, прямо к Родине-матери.

«Наши войска, защищавшие Сталинград, бились за Мамаев курган 135 суток. По подсчетам, на каждый квадратный метр высоты приходилось от 500 до 1250 пуль и осколков. Говорят, на следующую весну после войны земля здесь даже не покрылась травой», – продолжает рассказ экскурсовод.

После окончания Сталинградской битвы здесь хоронили погибших со всего города – около 34,5 тысячи человек. Теперь здесь высится гигантская по размерам и замыслу скульптура «Родина-мать» работы Евгения Вучетича, главная и самая известная часть современного Мамаева кургана.

Строительство мемориала началось в 1959 году. Прежде это место представляло собой искалеченный войной клочок земли с нарывами и язвами от разорвавшихся снарядов.

«В отношении монумента Родине-матери, – сообщила экскурсовод, – скульптор очень долгое время пребывал в творческом поиске. Ему хотелось создать нечто такое, что соответствовало бы величию подвига защитников города. Ведь именно здесь фашисты видели необходимый плацдарм для захвата стратегически важного пространства с целью продвижения в глубь страны, овладения ее сырьевыми базами, важнейшими для нужд фронта промышленными производствами. Скульптор хотел отразить подвиг народа, единения людей разных национальностей ради этой выстраданной Победы. Победы великой и горькой, тяжелой и оглушительно радостной. Образ женщины как Родины-матери, начала всех начал, был, по его мнению, самым точным отображением огромного свершения, которое стало по плечу каждому».

Чуть ниже памятника расположены надгробные плиты в память о павших защитниках Сталинграда, награжденных высшими государственными наградами. Среди них – могила Героя Советского Союза Ханпаши Нурадиева, выходца из Грозного, самолично уничтожившего 920 фашистов. Если перечислять все имена героев – это выльется в звездные вкрапления на этнической карте Советского Союза.

Даже зимой здесь лежат свежие венки от благодарных потомков. Увы, подчеркивают местные жители, в то же время власти города могли бы быть более внимательными к памяти тех, кто отстоял Сталинград от фашистов, внося неопределимый вклад в Великую Победу всего народа.

Памятник «Скорбящая мать», наверно, самый трагический монумент на всем мемориале. Немолодая женщина склонилась над телом своего убитого сына, чье лицо накрыто знаменем как знак высшей воинской почести. Замысел автора в том, чтобы каждая мать, потерявшая в этой страшной войне родного человека – сына, мужа, брата, отца – в скульптуре воина видела именно его и память, возданную ему благодарными потомками. Драматичность сюжета находила отклик в душах сотен тысяч людей, посетивших за все эти годы Мамаев курган. Даже птицы, казалось, чувствуют сопричастность к этим эмоциям и скорби и ведут себя особенно: два белоснежных голубя на наших глазах опустились на величественную в своем надрыве скульптуру и бесшумно сидели, не мешая людям отдавать почести погибшим.

Заходим в Зал Славы. Это высокая ротонда, на внутренней стене которой мозаикой выложены изображения алых знамен с именами всех участников Ста-

линградской битвы. Но историки и краеведы не оставляют своей кропотливой работы, и на искусно созданных знаменах продолжают появляться новые фамилии.

«Здесь есть и безымянный герой, – поясняют нам. – Когда однажды обнаружили останки советского воина, личность которого не удалось установить, в его честь сюда просто прикрепили красную звезду».

«И о неизвестных защитниках Родины мы тоже должны хранить память» – таков смысл этой традиции. Четверо солдат, вытянувшись во фрунт, несут караул у Вечного огня. Было видно, что у ребят это не первая вахта: они еле заметно для постороннего глаза раскачиваются, чтобы мышцы ног совсем не затекли.

«Главным военным консультантом мемориала, – рассказывают нам, – был маршал Советского союза Василий Чуйков, чей мужественный лик увековечен в памятнике «Стоять насмерть!», изображающем солдата с автоматом и ручной гранатой. Маршал Чуйков был похоронен здесь же, на Мамаевом кургане».

Спускаемся вниз по дороге. Навстречу – солдаты в камуфляже, репетирующие торжественный проход к 9 Мая.

А в 2045 году, на 100-летие Победы, здесь, на Мамаевом кургане, должна быть вскрыта капсула с обращением участников Великой Отечественной войны к потомкам. Ждать осталось 35 лет.

Дом Павлова

Напротив музея-панорамы «Сталинградская битва» в Волгограде стоит первое восстановленное после войны здание – так называемый «Дом Павлова», получивший свое название в честь гвардии сержанта Якова Федотовича Павлова. Подвиг защитников «Дома Павлова» увековечен мемориальной стеной площади.

Однако сейчас уже доподлинно известно, что Павлов, действительно героически сражавшийся в Сталинграде, не руководил обороной этого дома, а делал это совсем другой человек – лейтенант Иван Филиппович Афанасьев, под началом которого было двадцать четыре воина, представители девяти национальностей, удерживавших дом до начала контрнаступления советских войск.

Потери вермахта при попытках занять «Дом Павлова» превысили число погибших немцев при наступлении на Париж!

Одно из великих событий в их жизни

«Парад на 65-летие Победы для многих ветеранов может стать последним в их жизни ярким и величественным событием подобного рода. Президент России Дмитрий Медведев лично просил руководство всех субъектов федерации сделать все возможное, чтобы празднование Дня Победы в этом году запомнилось ветеранам надолго», – подчеркнул представитель администрации Волгоградской области.

«Наши ветераны прошли диспансеризацию. Тем, кто по состоянию здоровья не может присутствовать на Параде, были подарены телевизоры. Несколько ветеранов Волгоградской области были приглашены присутствовать на главном в стране Параде Победы – на Красной площади в Москве. В этом году ветераны совершили свой второй в жизни подвиг – они объединили вокруг Дня Победы граждан не только стран СНГ и Балтии, но и других государств, которых так или иначе коснулась война. Люди почувствовали единение друг с другом, общность одной на всех горечи потерь и радости Победы над фашизмом, и, наверное, в мире сегодня наберется очень мало людей, которые не помнят ратный подвиг солдат той войны. Подвиг – один на всех и один для всех – тех, кто живет сегодня на земле. Народы мира победили войну. Вечная им слава!», – сказал один из участников нашей встречи.

Родина поручика Ржевского

Ржев, маленький городок в Тверской области, расположенный недалеко от Москвы, являет собой классический пример уездного российского города. При въезде, глядя на старинные одноэтажные дома, никуда не спешащих прохожих и редкий транспорт, создается ощущение, что ты едва обогнал чичиковскую бричку, юркнувшую в ближайший переулок. Тихий, мирный, милый город.

Хотя местные жители, с которыми нам удалось побеседовать, утверждают, что близость Москвы и Твери очень ощущается – молодежи есть куда податься на учебу. Многие потом возвращаются обратно, принося с собой энергию больших городов и великой столицы страны.

Три года назад этому нешумному милому Ржеву присвоен почетный статус Города воинской славы. Это, кстати, первый по течению город на Волге. В верховьях она не так широка, и нам даже не верилось, что это и есть та самая бескрайняя, могучая Волга, которую мы видели накануне в Волгограде.

Город иногда рождает ассоциативный ряд, далекий и от нынешней его судьбы, и от героического боевого прошлого, но самое интересное, что и эти аллюзии сопряжены со всем высоким, что было в истории города. И связаны они, конечно же, с литературой. Вспомним всем известного героя пьесы Александра Гладкова «Давным-давно». Да, именно его, поручика Ржевского, феерически исполненного в фильме «Гусарская баллада» неподражаемым Юрием Яковлевым. Образ жизни удальца, уже не одно столетие рождающий анекдоты, шутки и... затаенную зависть обывателей. Вот так смешалось здесь великое и смешное, героическое и обыденное, искусство и история. Кстати, в украинском городе Павлограде даже стоит памятник поручику Ржевскому. Во Ржеве подобная инициатива – создать ему памятник – уже находится на рассмотрении городских властей. Так опять жизнь доказывает – историю нельзя переписать, она «выскочит» и докажет свое право на истину. Герои сражений и герои искусства у русских и украинцев – одни.

Но вернемся к Ржевскому. В многочисленных образцах городского фольклора он фигурирует рядом с героями романа «Война и мир» Пьером Безуховым и Наташей Ростовою, поэтому со временем поручика также интуитивно стали ассоциировать с этим бессмертным произведением Льва Толстого. Одна моя знакомая в детстве даже прочитала «Войну и мир» от корки до корки только для того, чтобы найти там хоть одно упоминание о поручике Ржевском.

Мирная жизнь – это чудо, которое дает нам такое разнообразие эмоций, великое и смешное – за это наше счастье здесь, на Ржевской земле, тоже воевали, совершали подвиги.

И тут неплохо бы вспомнить о том, что предки тех, кто живет сегодня во Ржеве, бились на Куликовом поле и отстаивали свободу Русского государства.

Учитывая масштабы города, памятников участникам и событиям Великой Отечественной войны во Ржеве – великое множество. На площади Мира находятся танк и пушка времен войны, а на аллее участников Ржевской битвы, ставших Героями Советского Союза, возвышается Обелиск и горит Вечный огонь. Самолет МиГ-17 установлен в центре города как дань памяти советским летчикам, а у местного Краеведческого музея расположились образцы военной техники.

«Ржевская мясорубка»

Обилие монументов, обессмертивших славу советских солдат, не удивляет. Ведь на территории Ржева и прилегающих районов с 8 января 1942 года по 31 марта 1943 года велись одни из самых ожесточенных сражений Великой Отечественной войны.

С некоторыми подробностями Ржевской битвы нас познакомили в местном краеведческом музее.

«Главной задачей было нанесение поражения группе армий «Центр» вермахта и освобождение ряда городов, в том числе и Ржева. За 15 месяцев советскими войсками были проведены четыре крупные наступательные операции, в результате которых в конце концов немец был выбит из так называемого Ржевско-Вяземского выступа, который был важной стратегической территорией», – рассказывают сотрудники музея.

«Здесь было место и подвигам. Так, гвардии сержант Никита Головня за полгода до Александра Матросова во время одного из столкновений с немцами закрыл своим телом боевое орудие противника, что позволило нашим солдатам прорваться к вражеским позициям. Ввиду многочисленных потерь и ряда неудач в битве данные о Ржевском сражении по идеологическим соображениям не особо придавались огласке в советское время», – признаются краеведы.

Стоит добавить, что боевые действия в районе Ржева по своей значимости стоят в одном ряду с событиями под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, Севастополем, Одессой, с боями за Кавказ. Ржевской операцией руководили маршалы Жуков и Конев. Однако в истории о тех событиях до сих пор очень много «белых пятен»...

Официальные данные свидетельствуют, что в августе 1942 года на Ржевско-Вяземском плацдарме в районе местечка Погорелое городище произошло одно из крупнейших танковых сражений за всю историю войны. С обеих сторон участвовало около 1500 танков. Позже, во время осенне-зимней операции «Марс» с советской стороны в ход было пущено 3300 танков.

Общие потери Красной Армии за весь период «Ржевской мясорубки» только по официальным данным превысили 1 миллион человек, а по неофициальным данным потери составили 800–900 тысяч убитыми и около 1,5 миллиона – ранеными! За 17 месяцев оккупации Ржев был полностью разрушен. Из 20 тысяч

жителей города на момент освобождения осталось всего 150, уцелели единичные здания. Первые годы после освобождения города оставшиеся в живых его жители ютились в землянках.

Историки до сих пор спорят, считать ли «Ржевскую мясорубку» частью Битвы за Москву или все-таки определить как отдельное сражение. Но эти дискуссии – удел историков и военных теоретиков, нам же, наследникам тех побед, необходимо, в первую очередь, чтить память сотен тысяч наших защитников, кто poleg и подо Ржевом, и в других сражениях, – только для того, чтобы мы появились на свет и не знали войны.

Те, кто хранит память о войне

Во Ржеве действует свой Поисковой клуб, основанный группой энтузиастов еще в 1989 году. Сейчас у клуба свой музей, расположенный рядом с двумя большими воинскими захоронениями, – советским и немецким. Последнее основано при содействии Народного союза Германии по уходу за военными захоронениями.

Здесь не сносят памятники прошлому и не разоряют могилы погибшим, свято берегут наследие былых времен. Генетическая память человечества спасает международное сообщество от потери того, что в борьбе и трудах завоевывали, хранили и передали нам, – вечную память об истинных ценностях.

Захоронения героев войны здесь продолжают: далеко не все участники Ржевской битвы найдены, далеко не всем отданы последние воинские почести. Поисковики утверждают, что зачастую попадают и смешанные братские могилы, где лежат бойцы разных национальностей.

С начала 2000-х усилиями Ржевского Поискового клуба перезахоронены 1103 советских солдата.

«Копаем в основном весной, когда сходит снег, а трава еще не вырастает, – рассказывает руководитель и один из ветеранов клуба Сергей Петухов. – Работаем преимущественно при помощи специального металлического щупа: втыкаешь его в землю и прощупываешь, есть ли что металлическое. Освоить этот способ удается не сразу, но со временем, когда еще и интуиция включается, процесс поиска облегчается. Нам активно помогает местная молодежь. Интересно наблюдать за совсем еще юными ребятами, у которых дыхание перехватывает и руки дрожат, когда они достают из-под земли свои первые находки».

Находки нашей истории и памяти – для нашей духовной зрелости!

НИКОЛАЙ КОСТЫРКИН родился 20 ноября 1985 года в Кишиневе. Образование высшее (МолдГУ, факультет журналистики и массовых коммуникаций). Литературные публикации: альманах «Лицей», журнал «Welcome», газета «Пульс». Лауреат республиканских поэтических конкурсов. Увлечения: история, мифология. Пишет стихи и прозу в жанре квазимифологии. Своими литературными «наставниками» считает Г. Л. Олди (Олега Ладыженского и Дмитрия Громова).

Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова (АРИ РМ).

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

ЛИДИЯ КИРЕЕВА

КОЛОДЕЦ ПАМЯТИ

В колодец памяти гляжу.
Гляжу. Не в силах наглядеться.
Я словно за руку держу
Свое подраненное детство.

«Не отпускай меня. Бери!» –
кричит мне кто-то из колодца.
И вот уже петух зари
В моих ладонях мокрых бьется.

Я снова там, на взлете лет,
И вновь живу среди удач я.
Со мною рядом сизый дед
И рядом мордочка собачья.

Я хворостиночку беру,
Скачу верхом на ней к ребятам.
А солнце – перышко к перу –
Сидит на ясене кудлатом.

О память! Память, помоги!
Хочу о детство уколоться.
Но только темные круги
Расходятся в глуби колодца

СНЕГ 41-го ГОДА

Мне не быть уже больше весёлым,
Не делить свою радость на всех.
Он в глазах моих – Черный поселок –
И затоптанный пепельный снег.
Он летит через времени своды,
Он ещё не угас, не ослаб,
Этот снег сорок первого года,
Этот пепел мальчишек и баб.

Где вы, женщины? Встаньте из праха!
Тётка Дарья, воскресни, приди!
Я с тобой до последнего шага,
Я с тобой на последнем пути.
Он нетленен. Он в памяти ожил,
Этот проклятый путь роковой.
Ты шептала: «Спаси его... Боже...» –
И меня прикрывала полой.
Тётка Дарья, во мне твои очи.
Боль моя посегодня остра.
Вижу дымный сарай среди ночи,
Вижу красные руки костра.

Где он? Где он, судьбы твоей берег?
За какую чертой огневой?

Как смеялся фашист-офицерик!
Как играл на гармошке губной!
По морозу. По наледи звонко
Громыхали его сапоги.
Из толпы вырывал он ребёнка
И солдатам кидал на штыки.

Выжил я. На воде. На картошке.
Не убит. Не сожжён на снегу.
Я живу. Только голос гармошки
Слышать я до сих пор не могу.
Тётка Дарья, со мной ты донине,
Мы с тобой – как один человек.

На земле ещё стонут Хатыни,
И летит ещё пепельный снег.

ЖИВИ

Пускай умрут мои слова
Со всеми их печальями,
Лишь только б ты была жива
За полевыми далями.
Где лес купается в заре,
Смеется воздух шелковый,
Где на сосновой на коре
Заплыло имя смолкою.
Где только вскинется трава,
Весна щедрей становится...
Пускай умрут мои слова
И сердце остановится,
Лишь только б ты жила светлей
Без боли, без страдания
В стране единственной своей,
Которой нет названия.

* * *

Худеет лес. Тускнеет синь.
Все беспокойней крик дроздиный.
Пора дождей. В такую стынь
Я слушал тихий плач калины.

Она стояла в полутьме
Среди мелькающего света,
Вся обращенная к зиме,
Давно покинувшая лето.
«Как рученьки мои тонки!
И как листва не удержиима!
И ягоды мои горьки –
И птицы пролетают мимо.

Сорви с меня цепочки бус
И уведи скорее в город!
Я замерзаю. Я боюсь.
Меня сломает белый холод».

Ну что мне делать? Я стою.
Стою и думаю в печали:
Как будто это дочь мою
В лес привели и потеряли.

* * *

Дохожу до отупения.
Хоть умри: пиши... пиши...
И живет стихотворение
В пасмурном лесу души.

Вся дождями заштрихована,
Тихо ветки вороша,
Ниткой света окантована,
Еле теплится душа.

И никто в нее не стукнется –
Ни в окошко и ни в дверь.
Даже эхо не аукнется,
Стороной проходит зверь.

И пишу я строки перышком,
Глыбе каменной под стать.
Есть причал у ветра с солнышком,
Мне же некуда пристать.

Разорвать узлы терпения,
Захлебнуться синевой.
И висит стихотворение,
Как петля над головой.

* * *

Поплачь, родимая, поплачь.
Меня ль впервой оплакивать?
Вся жизнь твоя – веселый мяч:
Туда-сюда поскакивать.
Поплачь, родная, потужи.
Не все тебе куражиться.
Как дождик в поле, покружи,
Глядишь, душа уляжется.
Другая плакала – не то!
Хоть криком исходила.
Ты говорила: «Ну и что?»
Что стоит ей», – твердила.
Теперь за изгородью дней
Рыдай, глаза сужая.
Своя слеза-то солоней,
Не то что там... чужая.

СВЕТ

В полях пустынных вспыхнул свет.
Звездами небо заиграло.
Глаза закроешь – света нет.
Исчез он. Словно не бывало.

Не будет больше света. Нет.
Все поглотила ночь глухая.
Глаза откроешь – вот он, свет,
Горит в полях, не потухая.

Вот так и я. Пучком огня
Свечу кому-то на планете.
Глаза закрою – нет меня
И не было на этом свете.

РОДИНА

Как я люблю твои равнины,
Люблю, когда твой лес игольчат.
Люблю зимы твоей седины,
На тройках чуткий колокольчик.
Люблю снегов волнистых гряды
И легкий дождь, в листве сквозящий.
Когда весна идет парадом,
Когда бушует лето в чащах.
Люблю, когда ложатся тени
Зелёным утром на крылечки.
И бабы, стоя на коленях,
Бельё полощут в темной речке.
Ты не умеешь жить вполсилы,
Ты словно песня на рассвете.
В твоих полях – отцов могилы,
В твоей крови – набатный ветер.

Любить – не значит жить в поклоне.
Любить Россию – радость строить.

Хотел бы я на горном склоне
Свой дух и тело успокоить.
Хотел бы я в лесу бессонном
Лежать и слушать голос дальний.
И быть с тобою неразлучным
В день торжества
И час печали.

И не слышится, кто там вдали:
Петухи ли горланят с насеста,
Или в лодки, в свои корабли,
Безвесельное прыгает детство!

Там и я молодой-молодой,
Я не тёртый ещё, не смолёный.
Словно весь по глаза налитой
Довоенной весной зелёной.

Нет. Страна моя, верю, жива.
Оттого так и радостно-горько,
Что видна мне её синева
И с низин, и с любого пригорка.

СТУПЕНИ

Каждый день мы живем умирая.
Ты да я. Только я не грущу.
По ступеням бегу, замирая,
И ступени считать не хочу.

Я – ничейный. Пока что ничейный.
Мир окрестный пока что не мой.
Я – тростник. Невысокий. Ручейный.
Под напористым ветром прямой.

У судьбы моей слабые руки,
Спят еще в колыбели враги.
Ни товарища нет, ни подруги,
А в глазах только солнца круги.

Этот мир принимая на ошупь,
Я по жизни бегу, торопясь.
И никто в мою белую рощу
Не бросает ни камни, ни грязь.

Вот он, снег. Вот он, белый котёнок.
Тёплой варежкой снег ворошу.
Он, как я, и податлив и тонок.
В этом вихре живу и дышу.

Лист упал. Не тетрадный. Кленовый.
Есть в нём что-то от красной звезды.
Это лес облетает суровый.
Время осени. Мокнут мосты.

Что мне осень! Я в детстве шатаюсь,
Как шатается в речке камыш.
Я ещё формируюсь. Ломаюсь.
Я – двуногий зверёныш-глупыш!

Слышу маму: «Сыночек... сыночек...
Не балуй. Отряхни-ка штаны...» –
Для меня она вяжет чулочек,
А на спицах – клубок тишины.

Я покуда довольствуюсь малым:
Леденцы, кисели, калачи.
Под субаревым сплю одеялом,
Утопаю в пуховой ночи.

Ах! Не жизнь, а сплошное везенье,
Словно я родился в раю.
Нет ни страха, ни опасенья
За непрочную душу мою.

Жизнь меня ещё выдубит крепко,
Всколыхнёт меня вьюги вытьё.
Но души продолжается лепка,
И характера длится литьё.

КНИГА ЖИЗНИ

Я жизнь не хочу перелистывать.
Да будь она лучшей из книг!
Да будь она тысячелистою!
И что ни строка – золотник.

Мне легче над речкой Сурою
В снегу одиноко стоять,
Синичье читать многоточие,
А прошлое не вспоминать.

Мы азбуке жизни научены.
Трезвеют с годами юнцы.
Сполна мной награды получены:
На теле и в сердце рубцы.

Я сам пред собой исповедаюсь,
Я сам приговор оглашу.
Я как-нибудь в детство наведуясь,
На лавочке дней посижу.

Не здесь ли под окнами охали,
Глядели на мир без труда,
Бежали. Копытцами цокали
Мои зоревые года!

ЛИДИЯ КИРЕЕВА родилась в селе Засурье Чувашской АССР в 1953 г. Закончила факультет журналистики МГУ. В Молдавию приехала в 1989 г. Работала в центральных журналах и газетах Молдавии. Впервые опубликовала свои стихи в 1980 г. Член АРП РМ. Из-за тяжёлой болезни много лет прикована к постели.

ПАМЯТЬ

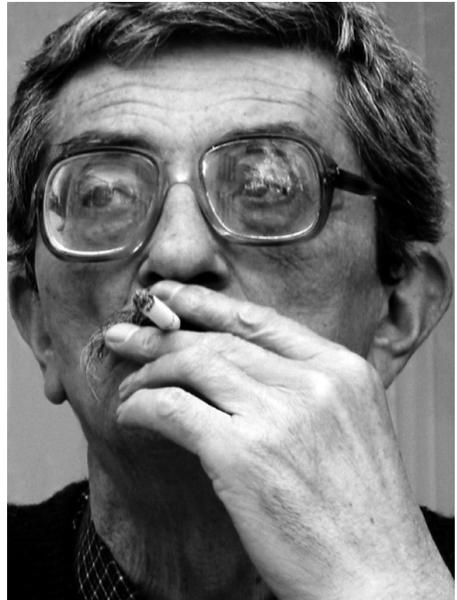

Звезда над полем

НА СМЕРТЬ ПИСАТЕЛЯ

Умер Греков.

Обычно в таких случаях пишут: «Культура Республики Молдова понесла тяжёлую утрату. 19 августа не стало Юрия Грекова – выдающегося писателя, философа, человека энциклопедических знаний, на протяжении последних 20 лет бессменного главного редактора, а в последние годы – единственного сотрудника старейшего литературного журнала Молдовы «КОДРЫ». Но кто эта «культура», которая понесла тяжёлую утрату? Утрату понесла жена, потерявшая мужа, дочь, потерявшая отца, близкие люди... А кто это – «культура»? Может быть, это равнодушная циничная девка... Когда она успела стать такой распутной и бесщедочной? Может быть, «отряд не заметил потери бойца»? А может быть, весь отряд – это всего один боец, который был не в состоянии заметить собственную утрату... Все-таки культуру формируют и выращивают отдельные личности, а пользуется весь народ, не отдавая себе в этом отчета. Что-то странное происходит в обществе. Ему (обществу) нет дела до этих личностей. Спросите своих знакомых, слышали ли они, кто такой Греков. Спросите про старейший литературный журнал Молдовы «КОДРЫ». Вот так. Что это значит «единственный сотрудник старейшего литературного журнала Молдовы «КОДРЫ». Почему единственный?

Мы сидим в маленьком кафе напротив «Чехова». Давно это было. Он берет щепотку соли и привычным движением сухих пальцев укладывает ее на край бокала. Глоток. Пена на усах. Улыбка на лице. Солнце. Тихим голосом он говорит. Говорит о бритве Оккама, рассматривая данный термин как принцип самодостаточности. Да, он был самодостаточным человеком. Но все-таки за этим скрывалась определенная нищета. Нищета не духа – материальная. Любой японский студент может на свою стипендию слетать в Молдову. Самый выдаю-

мый выдаю-

щийся писатель Молдовы Юрий Федорович Греков не смог бы позволить себе ничего подобного в течение всей жизни. Вывод прост – «а мне это и не надо». В духовном же смысле ни о какой самодостаточности не могло быть и речи! Он умудрялся пропускать через себя колоссальное количество информации. И вся она была нужна. Мир так и не увидит его последнее творение «Семейный портрет человечества». Позже, уже когда он был смертельно болен и стал похож на Махатму Ганди, вдруг нашлись деньги на лечение. Нашлись люди, которые сказали: «Господи, а на что же еще их тратить?» И эта неожиданная благотворительность продлила ему жизнь... ненадолго, но продлила.

Как-то в споре он возражал: «Но я же печатаю тебя в журнале...» И в ответ: «Но ты же денег за это не платишь». Он был оскорблен. Оскорблен до глубины души. Если ты писатель или поэт и слышишь бога, твоя цель донести это до тех, кто не слышит... Бесплатно. Ты и не можешь жить с этим. Тебя переполняет. Такова миссия. Вот журнал – выплесни. Но откуда деньги? Культура на костылях, сбита мерседесом, ковыляет в больницу, да и полиса у нее нет. Нельзя творить и содержать кабак. Или – или. Кто проследит за умирающей культурой, кто обратит на нее внимание? Она осталась всего в нескольких лицах. Обратили. Дали орден. За культурный вклад. Ну, думал, хоть пятьсот лей в месяц – прибавка к пенсии... Ан нет. Оказалось, надо писать заявление. А пару месяцев уже прошло. Так и умер.

С чего все началось. Может быть, с рождения в Кагуле в 1938, может быть, с похода в булочную в 2009... «Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже и разлила». Программа запустилась. Сделать ничего не удалось. Смерть, мы все знаем, что она придет, но все равно не отдаем себе в этом отчет. Где-то всегда теплится надежда: «Меня пронесет».

У него был специфический юмор. Многие этот юмор не воспринимали и шарахались в недоумении. Он никогда не кадрировал фотографии. Считал, что только в оригинальном виде они представляют историческую ценность. Он был филателистом. Но мало кто знает, что собирал он только персоналии. А интересовали его не марки, а персоны, и знал он про них все. Он любил сладкое и много курил. Он говорил, что не понимает людей, которым бывает скучно в одиночестве. Он пытался донести до мира то, что его потрясло. Но мир был глух. Он был высоконравственным человеком, которого волновала судьба мира и человечества в глубоком брахманическом смысле... Человеком, который влиял своей нравственностью на культуру народа, под которого прогибался мир. Он каждый день улыбался и повторял, как молитву: «ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА».

МИХАИЛ ГОЛОГАН

Август, 2010

*ЮРИЙ ПАВЛОВ***ПАМЯТИ ЮРИЯ ГРЕКОВА**

Вот и ты, не веря в Бога,
В суть предвечного суда,
Предпочел другим – дорогу
В никуда и в никогда.

А от сотен километров,
Что тебя к себе влекли,
Уцелели пару метров
Развороченной земли.

Разорвав навывлет сети
Внеземного бытия,
Знаешь ты теперь о смерти
То, чего не знаю я.

Нам бы радоваться лету,
Возвратиться в дачный дом,
Где дымились сигареты
Над писательским столом,

Где с закатом по участку
Ты наматывал круги –
К молодой лозе причастен
В ранге верного слуги...

Мне до боли стало ясно,
Почему на склоне лет
Повторял ты: «Жизнь прекрасна!»,
Как агитку из газет.

Мы стоим, склоняясь низко
Непокрытой головой:
Где-то рядом, очень близко
Смерть проходит стороной...

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Один в поле воин

НИКОЛАЙ САВОСТИН

«А СЧАСТЬЕ – НЕ В ЗАБВЕНЬЕ»***К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ТВАРДОВСКОГО***

Что значил Александр Трифонович Твардовский для общества нашей страны – это даже трудно переоценить. Это был мощный поэт государственного и исторического масштаба, создатель по существу народного эпоса «Василий Теркин», не имевшего аналога в мире, так как создавался не на досуге, не о чем-то былом, а «без отрыва от колес», одновременно с развитием событий, то есть синхронно с жизнью героя. «С первых дней години горькой» началась эта «Книга про бойца», сразу ставшая своей, желанной, в окопах войны, и закончилась с последними залпами Великой Отечественной. Общепризнано – это лучшее, что написано про войну. Лучше всего о «Теркине» сказал лауреат Нобелевской премии Иван Бунин, вообще-то скептически относившийся к советской власти и нашим писателям: «Это поистине редкая книга. Какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный, солдатский язык, – ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, то есть литературно-пошлого слова». Все так, лучше не скажешь. Так вот, помимо всего, это был авторитетнейший мыслитель, этическое и эстетическое мерило, к его взглядам прислушивались все, в том числе и политики, – одни с симпатией и любовью, другие с раздражением, подчас со злобой. Помимо замечательных поэм «Страна Муравия», «Дом у дороги», «За далью – даль» и других, а также проникновенной лирики, он оставил глубокие суждения о литературе и общественной жизни, такие, как внушительная речь на торжественном заседании в Большом театре, посвященная 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина, как выступление на Всесоюзном съезде учителей, как речь на XXI съезде КПСС (о значительнейшей роли литературы в жизни народов), как статьи о Михаиле Исаковском, Иване Бунине, о поэзии Самуила Маршака, как множество его писем. Эти и другие его выступления в печати – неоценимый вклад в науку об искусстве слова. Широта его взглядов не укладывалась в рамки казенной политики по культуре. Он подчас поддерживал далеких от его вкусов поэтов, в частности, в письме редактору известной серии «Библиотека поэта» авторитетно требовал издать в этой серии очень «чужого» ему по поэтике и взглядам Осипа Мандельштама. Он не замыкался на своем творческом опыте.

В особенности личность Твардовского проявилась в период, когда он редактировал «Новый мир». Взыскательность главного редактора была вызывающе

неординарна. Смотрю, в воспоминаниях Константин Симонов об Александре Трифоновиче пишет, что, несмотря на дружеские отношения, Твардовский отобрал для журнала из предложенной им большой поэтической рукописи, озаглавленной «Друзья и враги», всего два-три стихотворения, остальное отверг. А ведь это был самый известный, самый приближенный к Сталину поэт. Симонов! В то время любимец публики. Эта его книга «Друзья и враги», из которой я помню наизусть немало строф, получила сразу же после публикации, кажется, в журнале «Знамя», Сталинскую премию первой степени. А Симонову хотелось напечататься именно в «Новом мире» и получить одобрение его редактора. Время показало – Твардовский был прав. Но Симонов действительно большой талант и крупная личность, он не озлобился. Написал сердечные воспоминания об Александре Трифоновиче, полные почтения к нему. А как реагировали на критику Твардовского менее даровитые, но «забронзовевшие» средненькие сочинители, как бы «назначенные» «классиками» и имевшими большую власть, – это надо окунуться в то время, когда имелось немало идейных ловушек, позволявших расправиться с неугодными. И Твардовскому мстили...

Надо сказать, что его имя не было, что называется, у всех на устах. Чаше мелькали другие знаменитости. Характерно, будучи у нас в Чите в 1949 году на писательской конференции, основавшей забайкальское отделение Союза писателей СССР (я участвовал в ней, будучи еще солдатом, прошел его семинар, отличавшийся особо серьезной взыскательностью), он в частном разговоре, между прочим, рассказал, что по дороге к нам в вагоне-ресторане разговорился со случайным спутником и в ответ на вопрос, кто он, представился: «Поэт». «А как фамилия?» Твардовский назвал. «Первый раз слышу вашу фамилию, – разочарованно сказал спутник. – А что ты написал?» – тут он уже покровительственно перешел на ты. «Василия Теркина», – был ответ. После этих слов собеседник вскочил и стал обнимать поэта, восклицая, как он счастлив, что увидел автора любимой книги. Это очень характерно для истинной ценности в литературе – книгу знают, она живет как бы в отрыве от автора. Скорей помнят мелькающего в периодике, на экране и по радио какого-нибудь «балалаечника».

Истинный художник не может не быть в конфликте с властью. Подчас и не желая этого. Будучи убежденным коммунистом, Твардовский написал немало такого, что выводило из себя официальных «идеологов». Долго и трудно проходила в печать остро-сатирическая поэма «Теркин на том свете», где ядовито высмеивались негативные, так скажем, черты советской действительности – догматизм, бюрократизм, казенщина, карьеризм, приспособленчество и прочее. Время показало – именно эти беды и погубили нашу великую страну...

Когда он умер, я, с юности покоренный его личностью, как бы входивший в круг «твардовцев», собрался лететь в Москву, на похороны. Надо знать то тяжкое для вольного слова время. Твардовского буквально травили, всякие ничтожества старались задеть его своим копытом. Власти демонстрировали свое неуважение к великому поэту, и похороны обставили так, чтобы они не превратились в народную манифестацию. Понимая, какое место он занимал в литературе и, естественно, в политической жизни, они не могли как-то затенить это событие, придать ему частный, так сказать, семейный характер: похоронили на почетном Новодевичьем кладбище рядом с могилой Н. С. Хрущева. Мне рассказывал

Михаил Луконин, в то время один из секретарей Союза писателей СССР, что ему было поручено высшим начальством, чтобы не дай бог у гроба во время гражданской панихиды не появились «нежелательные лица», но они каким-то образом появились – видные писатели, не устраивавшие идеологов со Старой площади. Кстати сказать, и ныне в России его не очень-то жалуют. Года два назад было принято решение поставить в центре Москвы ему памятник, да что-то не слышно, чем все это кончилось. Два года назад я участвовал в Международной конференции русскоязычных писателей (были представители двадцати пяти стран, в том числе США, Франции, Германии, Китая). И там с гневной речью в адрес российских деятелей культуры выступил киргизский писатель, критиковал их за то, что они предали забвению автора «Теркина», столь любимого не только в России, но и в Средней Азии. Он, в частности, предлагал учредить главную премию страны в области литературы – имени Твардовского.

Так оно ведется, известно, в своем отечестве нет пророков... Крупные художники ненавистны всем властям, их не обойдешь сиюминутной выгодной ложью. Это показала история. Власти жалуют лишь угодливых составителей муляжей, лишь внешне напоминающих что-то «художественное». «Они любить умеют только мертвых». Но эти слова Пушкина надо толковать шире: мертвых – не просто ушедших из жизни, а уже неспособных влиять на читателей. А Твардовский-то жив-живехонек – своими произведениями, мощно влияющими на умы и души. Почему предается забвению великий русский поэт? Потому что он не устраивает ни левых, ни правых, подобно самому привлекательному образу литературы XX века – герою «Тихого Дона» Григорию Мелехову. Наследники КПСС не могут ему простить одного «Теркина» – сатирического, а враги России пытаются доказать, что другой, главный, рожденный на войне «Теркин» – не больше, чем лубок, агитка. Что в СССР деятелями литературы вообще не было создано ничего значительного, и лишь диссиденты, приветливо встреченные в «свободном мире», являются главной духовной ценностью нашей страны.

Так вот, побывать на похоронах мне не удалось – жена воспротивилась: «Ты там что-нибудь ляпнешь такое, что я потом тебя не увижу лет пять-шесть...». «Да не ляпну! Я же его ученик». «Вот именно, не удержишься!...». В общем, спрятала паспорт. А без него не купишь билет. Мне ничего не оставалось, как написать сочувственное письмо семье Александра Трифоновича... Спустя полгода я получил письмо от жены Твардовского Марии Илларионовны: перебирая письма той поры, она больше всего была тронута моим посланием. В конверте с письмом ко мне была вложена фотография поэта со строчкой, из его сочинений, написанной на обороте: «А счастье – не в забвенье». Вот с этого началась наша переписка с Марией Илларионовной, длившаяся два десятилетия, – до ее смерти. Целая папка ее писем хранится у меня... Часть из них, те, которые содержали общезначимые суждения, я опубликовал под заголовком «А по весне тянет земля...» в журнале «Кодры» (№ 6 за 1991 год).

Это была замечательная женщина, не отмеченная никакими государственными отличиями, но представлявшая общезначимое народное достояние, после смерти поэта ставшая как бы его продолжением. При ее воистину подвижническом участии были опубликованы запретные и полузапретные произведения Александра Трифоновича, она выпустила большой том писем поэта, который

в те времена явился своеобразным «бестселлером», – такой успех имела эта книга. Она подготовила материалы «Летописи» его жизни, проделала много другой работы, которая была бы под силу только целому коллективу ученых. И недаром ее кончина была замечена всей прогрессивной печатью страны. Иногда приходят письма от ее дочерей. Одно из последних – от Валентины Александровны Твардовской – кончается таким словами: «Я пользуюсь случаем сказать Вам, как мама ценила Ваши письма, с какими хорошими чувствами ждала их. Ей переписка с Вами была нужна, – у нее была особая интуиция на людей интересных, доброкачественных. Писала она Вам – как сами можете увидеть – с открытой душой, находила время ответить, когда гора почты лежала у нее на столе. Вот за все это низко Вам кланяюсь и благодарю». Это я цитирую, чтобы передать атмосферу, окружавшую поэта и сопровождающую его память по сей день, – обязательность, уважение к окружающим, высокая интеллигентность и доброжелательность. Существует как бы сообщество «твардовцев», и я получаю по почте новые книги о Твардовском и письма от их авторов.

Ну, а если о похоронах, то было там немало красочных эпизодов, например, Кайсын Кулиев стоял на коленях и горько рыдал, его снимали на кинокамеры многие корреспонденты из-за рубежа. Твардовского, подлинного интернационалиста, любили писатели братских республик, такие, как знаменитый дагестанец Расул Гамзатов, как татарин Мустай Карим. Кстати сказать, писал о своей дружбе с ним и наш Емелиан Буков. Были там писатели со всех концов страны, верные традициям «Нового мира» времен Твардовского. Похороны все же вылились в народную манифестацию.

В то время я написал коротенькую заметку-воспоминание о нем, коснувшись лишь одной речи, произнесенной им в 1949 году в Чите на упомянутой конференции, образовавшей областную писательскую организацию. Кто помнит осень 1949 года, тот отметит, что общественная жизнь проходила под знаком предстоящего празднования 70-летия Иосифа Виссарионовича Сталина. В ней я рассказал вот что. Твардовский начал свое выступление с того, что спросил присутствующих: что бы произошло, если бы вся наша матушка-печать, вся партийная пропаганда стала бы утверждать, что глина полезнее исторически устаревшего хлеба. Наверняка некоторые дисциплинированные дураки с утра пошли бы в магазин, чтобы купить глиняный кирпич вместо обычного хлеба. Но и они, обломав зубы, уже на другой день поспешили бы за обычной буханкой. Нечто подобное, по его словам, происходит у нас в литературе. Сталинскими премиями зачастую награждаются неудобоваримые произведения, так сказать, глиняные муляжи, в то время, когда подлинные достижения литературы предаются забвению... Зал замер – так задеть Сталинскую премию! Конечно, дальше в своей речи он говорил о горизонтах, открывающихся для молодых писателей, о встречах с замечательными людьми Забайкалья, о нашем крае, который восхитил его. Но расходились все с неким напряженным ожиданием расправы над ним. Однако эта острая речь прошла «незамеченной». Все сделали вид, что не слышали его слов. Кстати сказать, тогда-то, видимо, и затевалась его эпопея «За далью – даль», публикация которой растянулась на десятилетие. Она печаталась в центральных газетах. Как ждали очередную главу читатели!

Надо сказать, отношения со Сталиным у него были непростые. Вождь ценил Твардовского. До войны еще молодой человек, студент (!) Твардовский получил редкий в то время орден Ленина, а вскоре и Сталинскую премию. При всем том поэт не мог кривить душой, он был носителем правды, «правды сущей, правды, прямо в душу бьющей, да была б она погуще, как была бы ни горька...»

Естественно, мою заметку никто не захотел опубликовать, хотя и «культ» давным-давно развеялся, и времена настали другие. Тогда я вставил ее почти целиком в повесть (она называлась «Иглица»), и, чтобы не прослыть лгуном, послал главку с вкрапленным в нее этим воспоминанием в Читку, в областную газету «Забайкальский рабочий», – там еще помнили ту самую конференцию и не дали бы мне соврать. Так вот, главка не только появилась в газете, но и тут же была перепечатана в столичном академическом журнале «Вопросы литературы» – со ссылкой на областную газету. А вскоре появилась в книге «Воспоминания об А. Т. Твардовском». (Москва. Советский писатель, 1978).

Не забывают Твардовского и его литературные враги. Однако не убывает и рать его верных друзей. Недавно в «Литературной газете» появилась обширная статья писателя Михаила Хазина, бывшего нашего кишиневца, ныне живущего в Бостоне, и, естественно, имеющего больше возможностей читать западную прессу, – он доказательно, с привлечением документов, развеял наветы на Твардовского, которого большей частью западные недоброжелатели в печати обвиняют во множестве надуманных грехов. Если бы поэт не представлял и ныне значительную величину, чего бы стали на него возводить всю эту ядовитую напраслину? И я был рад этой публикации еще и потому, что мы с Хазиним давние друзья

Мастерство поэта Твардовского удивительно. Как просто, естественно, с «натуральным вкусом жизни» (его выражение) звучат его строки. Ну, вот косьба: «Покос высокий, как постель, // Ложился, взбитый пышно.// И не просохший сонный шмель// В покосе пел чуть слышно». Обычно цитируют Тургенева, чтобы продемонстрировать музыкальные возможности художественной строки. А тут? Произносишь стихи, купаясь в звуках. Эти стихи я взял просто наугад, первое, что пришло на память. Да любая его строка полна свежего смысла, выразительности, красоты, произносится естественно, свободно. Вот осень: «Была еще не та пора, //Что входит прямо в зиму. // Еще с картошки кожура // Счищалась об корзину». Или ночлег в степи: «И звенел во тьме комар// Тоненько, знакомо, // Как остывший самовар // После бани дома». А какие живые портреты простых людей вышли из-под его пера. Как всесторонне изучен характер и внешность того же Теркина. Мы узнаем и вес, и рост персонажа, и его вкусы, и его взгляды, – все это растворено в потоке поэзии. Какая-нибудь мелочь, на которую бы не обратил внимания посредственный художник, застревает в твоей душе, придавая объемность, значение изображаемому предмету. Его угощает яичницей хозяйка хаты, где он починил часы. Он поел «и платочек к подбородку // Ровно сложенный поднес». Это очень воспитанный, чистоплотный, по-народному опрятный парень, каких я во множестве видел на войне. После вала современных «правдивых» кинокартин, которые заполнили телевидение, где победители с уголовными повадками отталкивающе душевно неряшливы, злобны, с благодарностью перечитываешь Твардовского, прошедшего почти всю войну на фронте. И перед лицом сотоварищей по войне не смел хоть в чем-

то покривить душой. Теркин не просто шутник-балагур, бесстрашный воин. После немислимых испытаний, перенесенного горя, после долгих мучительных фронтовых дорог он встречается с родными местами, но не ликует, что ожидалось бы, а плачет...

...Как быстро летит время! Вот уж сегодня было бы 100 лет Александру Твардовскому, наиболее полно выразившему основные черты русского характера. Можно добавить – советского характера: «Горевать горделиво, не клоняся головой, ликовать не хвастливо – в час победы самой». Много в мире изменилось за почти четыре десятилетия после его ухода. Сменился и государственный строй. Но никак не удастся новым политикам, бьющим поклоны золотому тельцу, вытеснить, выжечь память о былом, о том великом, чему мы, старшие поколения, были свидетелями. В стихотворении Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом», которое я не могу читать, чтобы не перехватило дыхание, есть строки, которые не вычеркнуть новоявленным толкователям и очернителям нашей победы в Великой Отечественной:

*И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу,
Чтоб за дело святое,
За советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.*

И не выходит из головы эта его строчка: «А счастье – не в забвень».

НИКОЛАЙ САВОСТИН родился в 1926-м году в селе Тетеревино на Белгородщине. Отец – прораб, поехал на стройки в Забайкалье. Так будущий писатель оказался в Читинской области, где закончил школу, затем поступил в Иркутское художественное училище, откуда семнадцатилетним призван в армию, участвовал в Великой Отечественной войне, отслужил солдатом шесть лет.

Печатается со школьных лет. Окончил Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Автор свыше сорока книг в разных жанрах, вышедших в издательствах Москвы, Иркутска, Читы и Кишинева. Заслуженный деятель искусств Молдовы, награжден несколькими орденами, лауреат Международной литературной премии имени великого князя Юрия Долгорукова, а также премий Международного книжного салона.

ПРОЗА

Поле притяжения

ОКСАНА МАМЧУЕВА

ДИФФУЗИЯ

Давным-давно я не была у Катьки в гостях, давным-давно не видела ее маму – тетечку Алечку, и даже самой себе боюсь признаться в том, что в мыслях своих давным-давно имею дело только со своими воспоминаниями, с реальными персонажами не имеющими уже никакого сходства. Да и вообще, давным-давно уже я имею весьма отдаленное представление обо всем, что происходит вне моего мирка, ограниченного семьей, работой и непрекращающимся ремонтом.

Откуда взялось во мне столько высокомерия, которое высоченной стеной отгородило от меня этих и других людей? Когда и почему я вдруг решила, что могу без всех обойтись? Это и называется, что ли, «кризис среднего возраста»?

Много лет мы дружили с Катькой, очень тесно и вполне бескорыстно. Роли наши распределились как-то сами собой: я все больше была серым кардиналом, ну а Катька – двигателем прогресса. Насколько я была зажата в каких-то внешних своих проявлениях, настолько Катька была робка внутренне, и, наоборот, поэтому большая часть ее развязных и бесшабашных выходок была обусловлена моими подленькими подзуживаниями.

Уже много лет спустя, познакомившись с такой дисциплиной, как соционика, мы обнаружили, что Катька – Наполеон, а я – Жуков, и долго прикалывались с того, что наши соционические типы полностью отражают особенности наших характеров. Я, как настоящий главнокомандующий, сидя в штабе, двигаю войсками, в то время как Катька прет напролом и предпочитает брать препятствия лично, нахрапом и грубой силой, чем, как известно, и был славен Буонапарт.

Вот и сейчас, остепенившись и наконец-то устроив свою личную жизнь, зарегистрировав брак и обретя свою Империю в двухкомнатной хрущевке, мятежная Катька, судя по всему, отнюдь не собиралась становиться домашней хозяйкой. Позвонив, дабы по традиции поздравить ее с днем рождения, я с удивлением узнала, что она на работе, а дома хозяйничает ее великовозрастный супруг, шансонье Метелин – повар, кинолог и цветовод-любитель по совместительству.

О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух!..

По тому, сколь много подробностей личной жизни, побед, надежд и даже нереализованных планов обрушил на меня сразу этот, в общем-то, совершенно незнакомый человек, я поняла, что имею дело с личностью незаурядной, талантливой, а, может быть, даже непризнанным гением. Ибо именно непризнанные гении всегда искренне уверены в том, что их персона интересует решительно

всякого встречного-поперечного. Неважно, что мы никогда в жизни не виделись и никогда не говорили друг с другом, друг моей жены – мой друг, и, конечно же, не может не разделять жениного восхищения искрящейся поэтической гениальностью...

Мне оставалось лишь тихонько сунуть ноги в предложенную, как тапочки, роль очередной восторженной слушательницы. «Ничего-ничего, – думала я, расхаживая взад и вперед по своей кухне и слушая льющиеся из телефонной трубки красивые рулады. – Так тебе и надо, послушай и хорошенько запомни свои ощущения в этот момент, потому что сама ты тоже этим частенько страдаешь, и вот тебе наглядный урок того, как НЕ надо делать...». А что еще мне оставалось в этой ситуации, как не превратить ее для себя в бесплатный урок хороших манер?

Результатом этого разговора, а точнее, моего десятиминутного слушания явилось соглашение о приходе в гости на следующий день, потому что у Катьки как раз выходной, тетечка Алечка на пенсии, а у мсье Метелина радикулит.

Катька встретила меня на остановке, как обычно, «держа во рту бычок многодымный». Худая и высокая ее фигура, ничуть не изменившись с момента нашей последней встречи, лишь украсилась прямоугольными узкими очками и рвущимся с поводка питбультерьером тигрового окраса. И если первое украшение меня ничуть не удивило, то второе заставило приоткрыть в изумлении рот.

Катька всегда боялась собак. Вот такая вот была у этого Наполеона особенность. Провести на спор ночь на Армянском кладбище, драться с гопниками и ходить после работы через темный парк домой – сколько угодно, а вот самая малюсенькая шавка пугала ее до умопомрачения. Собаки отвечали Катьке взаимностью. Никогда не забуду, как мой смиренный и доброжелательный щеночек Гром буквально зверел при виде Катьки и каждый раз норовил разодрать ей в ключья колготы и другие детали туалета. Поэтому Катька пребывала у меня в гостях, опустив ноги в железный тазик, которого уже Гром боялся до самозабвения. Однажды, когда Катька весь вечер держала ноги в ненавистном тазу и даже в туалет не вылезала, мой мстительный кобелек капитально погрыз каблук ее новых белых сапог и на том надолго успокоился.

Тигрового питбуля звали Таран. И подобно тарану он мчался впереди нас с Катькой, указывая дорогу к дому. В общем, дорогу я прекрасно запомнила, в следующий раз смогу найти сама. «Разумеется, если он будет, этот следующий раз», – между прочим подумалось мне. Весь скепсис этой мимолетной мысли заключается в том, что я, будучи спесивой и довольно высокомерной особой, не ожидала от предстоящего визита никакой особой приятности, а точнее, делала то, что делают обычно все идиоты на планете Земля – сочиняла сценарий того, что должно было произойти.

Катька мне рассказывала что-то из собачьих будней, а я вежливо улыбалась, семена рядом на каблуках, и воображала, что скажет мне сейчас тетечка Алечка по поводу моих увеличившихся габаритов. В общем, как и всякая дура, я была полна только собой, оттого и пропустила мимо уха большую часть того, что рассказывала мне Катька, незаметно перейдя от будней Тарана к своим трудовым и житейским будням.

Взобравшись по узкой лестнице на четвертый этаж и переведя дух, мы хнули в полутемную прихожую. Мой подленький скорпионий глаз сразу

отметил и непрезентабельность входной двери, и дешевенькие обои на стенах. Да-да, это несмотря на то, что у меня в доме вечный несусветный бардак и вообще никаких обоев в прихожей не наблюдается по причине перманентного ремонта и отсутствия на него средств. Ну а кто ж на свое-то бревно внимание обращает!..

А тетечка Алечка ничуть не изменилась, только осеребрилась прическа, а улыбка осталась такой же жизнерадостной и веселой. Я сразу вспомнила, как всегда поражала меня в ней эта постоянная готовность смеяться, смеяться искренне и вполне беззаботно. Наверное, именно так смеялась юная первокурсница Алечка Маркова, когда за ней толпами ухаживали самые завидные кавалеры факультета. И если верно, что с возрастом характер человека отражается на лице, то значит, тетечка Алечка была ангелом, ибо выглядела она, как ангел.

Мсье Метелин был на кухне и выходить ко мне не торопился, что сразу же настроило меня против него и стало первым пунктом материализации моего придуманного негативного сценария. Вторым пунктом стало известие о том, что поджидается в гости еще кто-то, некая Танька, фанатка Метелинского таланта и личный парикмахер.

Надувшись, как индюк, которому вовремя не дали... чего там не добавляют индюкам? – ну, в общем, которому просто не дали, я прошла в комнату и водрузилась в кресло, заняв самую стратегическую позицию по всем правилам фэн-шуй. Слева от меня находился зеленый дракон в виде супружеской Катькиной кровати, справа «белым» тигром мерцал экран телевизора, за спиной была стена, а перед глазами – отличный вид на входную дверь. Жуков приготовился к нападению.

Мне заочно и уже давно не нравился Метелин. С самого дня встречи выпускников нашего филологического факультета. Катька явилась на него совершенно другая, незнакомая: яркое платье и высокие каблуки, а не черные джинсы с линялой майкой «Creator»; изящные золотые украшения и безупречный мейкап вместо цепей и подглазиев, вымазанных жженой пробкой; даже перевернутый крестик – и тот золотой. И все наши филологини в один голос – ах! ох! как ты, Катенька, изменилась! Какая ты женственная (наконец-то!), какая ты нарядная (наконец-то!), и даже замужем (вот уж чего никак не ожидали!)!!! И я тоже вместе со всеми ахала, охала и округляла глаза. Вот только Катькины метаморфозы мне совершенно не нравились, потому что миниатюрность ей категорически не шла и казалась болезненной, взгляд был слегка затравленным, а косметика не скрывала смертельной усталости. И когда она через часик отклонялась, ссылаясь на бесконечную занятость, но на самом деле повинувшись многочисленным звонкам супруга, я громко сказала филологиням:

- Лучше бы она была толстая!
- Почему? – хором изумились они.
- Да потому что это – не Катька!

И дело было даже не в толщине и смене имиджа, что-то главное в Катьке пропало, что-то такое, что всегда выделяло ее в любом коллективе, то, что делало ее Наполеоном.

Когда дело касается Кати, я всегда чувствовала, если ей плохо. И сейчас ей было плохо, она была несчастлива – знакомое тянущее чувство в области солнечного сплетения безошибочно говорило мне это и призывало на помощь.

Пять долгих лет мы были одним целым, практически не расставались и понимали друг друга без слов. И существующая между нами связь мнилась мне чем-

то гораздо, гораздо большим, чем дружба. Как назвать эти отношения, свободные от мелочных обид, ревности, ссор и неискренности? Мы и не называли их никак, все без слов было ясно. Иначе как бы я, эгоистка, деспотка и ревнивица, могла терпеть всю эту ораву Катькиных «подруганов», «подруганок» и «дружбанов»? Они все без конца ей звонили, караулили у подъезда и зазывали в гости. И для всех-то она была лучшим другом и душеприказчицей, советчиком, защитником, собутыльником и жилеткой. Как могла бы я мириться с их существованием, если бы не была свято уверена в том, что я для Катьки безоговорочно стою на первом месте? И она, она тоже была для меня номер один, и это не только не обсуждалось, но даже никогда и в мыслях не подвергалось сомнению.

Мы настолько были близки, что, когда я рожала, Катька обрывала телефон в дежурном покое, и молоденькая медсестра, замученная ее хриплым контральто, наконец облегченно сказала: «Успокойтесь, папаша, у вас мальчик!...» Каким словом могу я назвать эту связь? Это щемящее чувство слияния и взаимопроникновения?

И вдруг эта Катька, моя Катька – человек-факал и человек-Наполеон – молча сидит в уголочке стола и застенчиво улыбается нашим филологиням, и ковыряет ноготком салфетку, и опускает ресницы... а глаз у нее потухший! У молодой-то жены, всего полгода как отслушавшей Мендельсона во дворце бракосочетаний!

Как могла я еще отнестись к этому неведомому Метелину, пятидесятилетнему разведенному мужику, временно нигде не работающему? Зачем, зачем она вышла за него замуж?! Он представлялся мне злобным вампиром, выпивающим Катькины силы, Катькину живость, здоровье, молодость, красоту. И вот сейчас я наконец решила с ним встретиться, потому что мне действительно надо понять, имеет ли моя неприязнь хоть какое-то основание.

Катька внесла тарелку с сыром и апельсины. Подстриженный фанаткой, Метелин откупорил вино и плеснул нам на донца пузатых бокалов, заботливо протертых тетечкой Алечкой. Мы звякнули стеклом и выпили за долгожданную встречу, а потом неспешно стали обмениваться вопросами и ответами, приглядываясь, вспоминая, осваиваясь.

Безусловно, мы с Катькой рады были друг друга видеть. Но в силу наших дурацких скорпионьих характеров и в силу забытого и утраченного доверия избавиться от некоторой натянутости в общении нам все никак не удавалось. И тот факт, что мы вроде бы как уже сто лет друг друга знаем, и кобениться нам вроде бы друг перед другом нечего, ничего не менял абсолютно.

Все равно мы изменились, все равно невольно друг друга оценивали, все равно все это чувствовали, и всем нам было от этого чуть-чуть неловко. Зато, заседа в этом фельдмаршалском кресле, я неожиданно поняла о себе нечто важное, раскрыла своего рода тайну и объяснила себе одну, до сих пор необъяснимую, вещь.

Наличие пристрастий к чему бы то ни было человек обычно склонен себе объяснять. Мы легко объясняем привычку спать до обеда, курить натошак, грызть ногти и объедаться куриной лапшой. Причем в нашем собственном исполнении эти, в общем-то, дурные пристрастия перестают быть таковыми и превращаются в милые особенности.

Примерно так я и объясняю себе пристрастие к крепким напиткам, а вот как объяснить свое пристрастие к крепким духам? Дефектом ли обоняния,

дурным вкусом или простым подсознательным желанием самки привлечь к себе внимание самцов?

Так или иначе, но через всю свою жизнь я шествую, благоухая, как парфюмерная лавка. Пачули, сандал, бергамот и сирень, лилия, амбра, ваниль и мускатный орех – я умираю от счастья, ощущая, как при каждом движении от меня волнами исходит густой и сладкий, пряный и просто-таки сногшибательный аромат. И не важно, что у одного моего чувствительного знакомого всякий раз от меня начинается мигрень, а на работе начальство по запаху легко определяет, есть я на работе или снова опоздала на час, главное – это великолепное ощущение душистого и как бы сверкающего облака вокруг.

Так вот, сидя напротив Катьки, Метелина и тетечки Алечки, я вдруг кое-что поняла относительно своей любви к термоядерной парфюмерии. Обоняя исходящий от себя аромат и ощущая, как он смешивается со своеобразным запахом Катькиной квартиры, с запахом Катьки, Тарана, тетечки Алечки и Метелинской радикулитной мази, я чувствую себя все свободней и непринужденней. Этот процесс помогает мне встроиться в окружающее пространство, интегрирует мою энергетику в энергетику этого дома, притом не особенно раздражая присутствующих. Ну, подумаешь, дурная привычка к тяжелым духам, с кем не бывает? Зато, принявшись к моему парфюму, собеседник символически принимает меня. О какой неловкости может идти речь, если мы уже и так дышим друг другом?

И будто в комнате стало светлей, и мои уши открылись. Непонятные ватные звуки, назойливо бьющие в мое невнимание, превратились в песню:

*Ем немывтые яблоки с ветки, пью коньяк, самогон и вино.
Я агент португальской разведки, но живу я здесь очень давно,
Потому разложился морально и работать совсем не хочу,
Эй, продайте какую-то тайну, я клянусь, хороши заплачу!*

*Молдаване, – взываю к вам снова, – ну продайте хотя бы секрет,
Как еще существует Молдова, если в ней ничего больше нет?
Нет колхозов, селяне не пахут, нет металла, заводы стоят,
Молдаване поют лишь и пляшут, что-то пьют и чего-то едят...*

И молодой, но немного усталый голос, горько и иронично повествующий о буднях португальского разведчика, не сразу соединился в моем мозгу с пожилым рубленным фасом мсье Метелина. Он продолжал что-то рассказывать, жестикулируя и сверкая зубами, а я сидела и думала о том, что теперь все понятно, ведь именно за этого молодого, ироничного и несогласного, чей голос раздавался из динамиков, она и вышла замуж. Пусть никогда ему не будут рукоплескать стадионы, а седая голова не украсится золотом лавров, свой безусловный триумф он уже обрел в этом верном и упорном моторе – Катькином сердце, ставшим для него единственным и непреходящим пьедесталом.

– А ведь она – жена декабриста, – кивнула я на Катьку тетечке Алечке. И тетечка Алечка мне кивнула в ответ, и я не разобрала, грустно или счастливо. И от этого дурацкого сравнения мне вдруг захотелось плакать, потому что я сразу увидела разделяющую нас пропасть.

Нам было по двадцать в те лихие девяностые. Мы учились на филфаке университета и обожали готовиться к сессиям вместе. Четыре здоровые халды на

неделю поселялись у Катьки учить, а тетечка Алечка нас безропотно кормила. «Безропотно» – это я сейчас придумала такое слово, потому что, став взрослой теткой и оглядываясь назад, снимаю шляпу перед этой женщиной, практически из ничего сочинявшей нам первое, второе и даже десерт. И никогда ни единого слова упрека, ни одного даже намека, совсем ничего! А ведь мы прекрасно видели все эти приметы жесткой экономии на всем, но нам и в голову тогда не приходило, что мы можем быть в тягость, – таким гостеприимным и радостным был этот дом.

Теперь я уже знаю, что это и есть истинное благородство – умение сохранять лицо, даже в самых стесненных обстоятельствах. Не ныть «денег нету, денег нету...», а вставать в пять утра, делать всю грязную работу по дому, а потом переодеваться и целый день в образе леди встречать гостей. И быть нам общей мамой, и читать вслух «Вечера на хуторе близ Диканьки», и декламировать «Иорданскую голубицу», и вместе с нами безудержно хохотать над «Душенькой» Богдановича.

И в свете этих позабытых воспоминаний моя собственная жизнь, вроде бы такая успешная и наполненная событиями, вдруг кажется мне бедной и серой, бесцельной и глупой-глупой. И моя привычка судить людей – не более чем выглядыванием из-за забора высокомерия, где я отсиживаюсь в тщетных попытках оторвать толстый зад от газона.

Катька не стала другой, это мне показалось. Ее похудевшее лицо, избавленное от бывшего выражения нагловатой решимости, от выезжающей вперед упрямой челюсти и самолюбивого блеска в глазах, приобрело мягкость и даже некоторые черты покорности судьбе. Она стала похожа на тетечку Алечку. И ее жизнь, в этой малогабаритной квартире, бок о бок с непризнанным гением, с неведомыми мне заботами, надеждами, радостями и огорчениями – это ее жизнь которую Катька, и это я четко сейчас поняла, проживает правильно, в соответствии со своими принципами, достойно принимая все последствия сделанного выбора. Ее дом открыт и гостеприимен, здесь все также читают вслух, декламируют и горячо спорят на отвлеченные темы. И хозяйка, как настоящая жена декабриста, делает вид, что ее подвиг – ничто по сравнению с величием супруга. Она принимает его тяжелый характер, поддерживает в муках творчества и мирится с нехваткой денежных средств, и всегда-всегда выдвигает его на первое место.

А когда я в последний раз гордилась тем, что мой муж – талантливый режиссер и профессиональный флэшер? Когда у меня в последний раз были гости?

Я, как Кошей, трясусь над своим благополучием и мечтаю запихнуть его источник в утку, подальше от любопытных глазенок, не понимая, что тогда мне всю оставшуюся жизнь придется носиться с этой уткой как с писаной торбой. Я разучилась верить. Разучилась радоваться и удивляться. Моя интеллигентность небольшой кучкой сусального золота лежит на полочке в ванной, рядом с батареей термоядерной парфюмерии. Я иногда золочу ею свою мещанскую сущность, когда мне становится особенно грустно от того, что мир вокруг не соответствует моим ожиданиям. Даже сейчас я сижу и молчу, но все равно не слышу никого, кроме себя, потому что я и слышать-то давно разучилась.

Катька с Метелиным вышли на балкон покурить, а я заерзала в своем стратегическом кресле. Тетечка Алечка смотрела внимательно и заинтересованно, как будто все про меня уже поняла и пожалела. А я решила прийти домой и

тут же написать рассказ об этих чистых и светлых людях, одно общение с которыми способно сделать человека лучше, чище и благороднее, чем он есть на самом деле.

И ничего из этого не вышло, потому что я, как обычно, написала рассказ о себе.

РАДИАЦИЯ

Гендир и Оксана

Я в очередной раз иду к нему в кабинет «разбираться» и требовать прибавку к зарплате. Ну да! А что за фигня-то такая? Все шишки мне, все пинки и моральные вливания мне! И никакой благодарности! Уйду, уйду, надоело! И опаздывать хочу и буду, я творческая личность, в конце концов!

– Ты, кроме всего прочего, еще и личность административная, ты об этом помнишь? – отвечает генеральный с порога на мой мысленный вызов. Я спотыкаюсь об его зеленый волосатый ковер и роняю свой мобильник (поцарапанный и триста раз уже замотанный скотчем).

– Садись, у меня к тебе разговор.

Ну нифига себе! Это у меня к нему разговор! И серьезный причем разговор! Падаю в ненавистное кресло напротив его необъятного стола и рассматриваю японскую живопись на стенах.

– Ты в котором часу пришла?

– Как проснулась, так сразу пришла.

– И что у тебя на этот раз?

– А что? Клиенты в очередь стоят? – перехожу я в нападение. Опоздания – это единственное мое больное место. – Я же делаю всю работу вовремя, какая вам разница когда? Что я задерживаюсь вечером, вы не видите, а что опаздываю – сразу, пожалуйста?!

– Знаешь, если тебе что-то не нравится – уходи, а если работаешь – то работай, как положено.

– Во! Увольте и дайте расчет. Муж меня на радостях в ресторан сводит.

– Да что ты сразу – увольте.... На комплимент нарываешься? Ты знаешь, я когда в Москве был....

И все. Доверительно и чрезвычайно доходчиво мне излагаются грандиознейшие планы ближайших великих свершений, пути расширения деятельности холдинга, обещаются огромные прибыли в недалеком будущем и масса новой и интересной работы. Попутно обрисовывается тяжелая финансовая ситуация, душливые проценты за кредиты, кидосные клиенты, налоговая полиция и тройная бухгалтерия. Испрашивается совет по какому-то глобальному вопросу, причем так, что я на миг чувствую себя особой, приближенной к императору, одобряется моя работа и рвение, обещается награда и великодушно выдается позволение приходить на работу на час позже....

– А теперь иди и работай, я занят.

Стою за закрывшейся дверью его кабинета и не могу понять, зачем я туда, собственно, шла? Как я вообще могла требовать чего-то у этого великодушнейшего человека, который всеми силами своими удерживает на плаву весь

«наш» холдинг, который уже лет пять как работает в убыток? Как я посмела даже думать о прибавке к зарплате, когда мы на пороге великих свершений, и сейчас единственное, что требуется от каждого – это работать, работать и еще раз работать? Как я могла говорить об увольнении, которое сейчас будет просто равносильно предательству???

– Поговорила? – спрашивает Оксана, секретарь генерального директора, с усмешкой вглядываясь в мои офигевшие глаза. – И как?

– Да никак, – отвечаю я сущую правду и растерянно развожу руками. – Ты что, сама не знаешь как?

Мы многозначительно переглядываемся и начинаем хохотать, как две дуры.

О, ее нельзя назвать секретаршей. Когда она мило, но официально говорит в телефон – холдинг такой-то, здравствуйте, – сразу понятно, что имеешь дело с СЕКРЕТАРЕМ. Не с блондинкой там какой-то с ногами и маникюрами. Хотя ноги у Оксаны тоже имеются. Впрочем, как и маникюр.

Неизменно вежлива. Внимательна. Строга. Она тысячу раз на дню соединяет всю нашу шайку-лейку с внешним миром. Узнает по голосу мое настроение и обязательно интересуется: ты чего сегодня ТАКАЯ? И я каждый день ей отвечаю: да за...ло все, вот чего! Она вежливо хихикает.

Я прихожу на работу и, расписавшись на рецепции, обязательно заглядываю в приемную. Это, разумеется, если я опаздываю не больше чем на час, иначе я просто тихо шмыгаю по коридору в глупой надежде не нарваться на гендира.

Здоровуюсь с ней так – привет, Ксю! И милая Оксана мне кивает, склоняя свою царственную шею, и обязательно делает какой-нибудь комплимент. Она замечает все изменения в моей внешности вплоть до колец, серег и цвета помады. И отмечает это.

Я хожу к ней по утрам за порцией внимания.

Потом без конца таскаюсь за кофе, чаем, ложечкой для йогурта, за ключами от подсобки. Только тогда она уже СЕКРЕТАРЬ, а не милая Оксана. Милая Оксана она только по утрам.

Радио

– Здравствуйте, господа радиация! – каждый день я так захожу в редакторскую, и каждый день они все ржут с этой фразы. Три программных директора, отдыхающие между эфирами диджей и новостейщики. Почему эта длинная комната называется редакторской? Единственный у нас редактор, Вероника Валерьевна, ушла с работы год назад, запарившись играть в косынку, сапера и гадать онлайн по китайской книге перемен. Да и сидела она вовсе не здесь, а комната все равно почему-то – редакторская. Не знаю, надо спросить. Может, потому, что они там всем скопом эфир редактируют?

Таня – программмер номер один. Она всегда сидит в наушниках и бесконечно мониторит эфир своей радиостанции. И все равно никогда не успевает предупредить диджейских лаж, а ругать их постфактум ей жалко.

– Ну да, – говорит она на все мои замечания, – они идиоты, конечно, но что поделать?

– Наехать! – всегда говорю я, обуреваемая жаждой мести. – Наехать и раздолбать, чтоб неповадно было! Твои идиоты текст с листа не могут прочесть нормально, а я потом перед клиентами отдуваюсь. Ты можешь объяснить им, что текст каждой

начитки утвержден и обеими сторонами завизирован? Буквально каждое слово? – Да говорю я, – Танька закатывает глаза и каждой чертой своего лица показывает, что ее тошнит от диджейского тупоумия. – Только без толку все. О чем говорить, если я огромнейшими буквами написала Саше на листе: «Саша, у тебя спонсорская погода! Начитка там-то», повесила на стену прямо напротив пульта, а он все равно не увидел? Так и не вышел этот спонсор погоды со своим открытием спортзала. Я на него ужасно наехала. Так он с перепугу эту начитку до сих пор читает! – Как, до сих пор? – изумляюсь я. – Они ведь всего на три дня зашли, перед открытием этого спортзала!

– Ну, вот так. Один день лишний прочел, я у него эту начитку отобрала и выкинула, так на следующий день он ее откопал где-то, в мусорке, что ли, и опять читал. Я опять отобрала и выкинула. Теперь он читает по памяти.

Мне остается только развести руками. Саша – это уникал в своем роде. Он приходит на эфир в семь утра, а уходит в десять, как раз тогда, когда все контролирующие органы начинают только подтягиваться на работу. Если не застать его в десять, потом найти его практически невозможно. Можешь восемьсот раз обклеить всю эфирную лозунгами: «Саша, у тебя спонсор! Начитка там-то, ролики спонсора там-то», он все равно ничего не увидит, а если и увидит, то вряд ли сделает.

Однажды четыре дня он объявлял, что спонсор программы – минеральная вода такая-то и ставил ролик автоцентра, а вовсе не воды, пока возмущенная вода не позвонила мне и не вставила по первое число. Ну а что? Какой дурак будет вставать в семь утра и слушать Сашин треп? Правильно, никакой. И вода-то сама только на четвертый день сподобилась... Вот что меня действительно поражает, так это слушатели. Ведь куча народу слушает Сашино утреннее шоу, и не просто так, а активно! Они звонят, отвечают на вопросы, выигрывают подарки, передают приветы... Может, это какая-то особая категория людей? Вот вам, например, приходило когда-нибудь в голову звонить на радио? И мне нет. А они вот звонят! Да еще как!

Однажды у Саши игрушка была в утреннем шоу, «Фильмы» называлась, там тебе ставили музыку из какого-нибудь кинофильма, а ты должен был угадать название и ответить еще на пару вопросов по содержанию, про героев там, или еще про что, и за правильные ответы получить два билета в кино. Так вот. Дозванивается парень. Не очень умный парень, судя по всему, Саша еще по телефону за эфиром это понял, поэтому и поставил ему самую легкотню, такое, чего не угадать просто нельзя.

Прозвучал отрывок из песни Фрейндлих «У природы нет плохой погоды», и Саша радостно спрашивает:

– Ну, и как называется кинофильм?

Парень молчит.

Саша:

– Ну, Василий, ну?!

Парень мычит нечленораздельно.

Саша:

– Служебный... Служеее-бный... Служебный что?

– Я забыл, – говорит горемычный Василий. – Все время знал и вдруг забыл.

– Ладно, – Саша не хочет затягивать розыгрыш. – Я вам помогу. Это – «Служебный роман».

– Да! – вопит Василий. – Точно! «Служебный роман»!

Но не все так просто. По правилам Василию надлежит ответить еще на один вопрос по фильму, и Саша, уже предчувствуя недоброе, осторожно спрашивает:

– А скажите, Василий, в кого влюбился Новосельцев?

Тишина в эфире привлекает внимание всех, кто сидит в редакторской, времени уже около десяти, и народ уже практически весь на работе. Все затихают, и прислушиваются к радиоприемнику.

– Ну, не знаю, – тянет Василий. – Наверное, в солдата?

Еще пять секунд паузы в эфире и молчания в редакторской. «Ахренеть!» – говорит кто-то, и комната взрывается сумасшедшим хохотом, заглушив Сашин ответ Василию.

Ой, да что этот Василий! А тот слушатель, который позвонил однажды и сказал, что из зарубежных актеров ему нравится Ван Дамм, потому что дерется хорошо, а из наших – Алферова, потому что она в «Д.Артаньяне и трех мушкетерах» так красиво умерла!!!!

Про дурацких слушателей я могу рассказывать вечно, потому что я их всех тайно ненавижу. Я ненавижу, когда они приходят за призами и отвлекают меня от работы. Я только успеваю написать первую строчку сценария, только начинаю воплощать очередную свою бредовую идею, как тут же мне звонят с рецепции и сообщают, что такой-то пришел за призом, и я подрываюсь, ищу его фамилию в бесконечных бумажках, исписанных корявыми диджейскими почерками, выуживаю из своего шкафа заветный приз (сидюк, майку или какие-нибудь пригласительные билеты в очередную ж...) и вручаю довольному слушателю. Иногда я им улыбаюсь, иногда просто молча сую в руки приз и так же молча ухожу.... Стоп. Это уже другая история.

В каждой бочке затычка

Это я. Чем я занимаюсь в этом прекрасном заведении, не знает никто, и я в том числе. Потому что я занимаюсь всем.

Я пишу сценарии аудио- и видеороликов – раз. Я ненавижу это делать. Каждого клиента, который заканчивает беседу со мной словами «мне нужен сумасшедший креатив» или «мне нужна фишка», я готова удушить на месте. Но вместо этого всегда мило улыбаюсь и обещаю очень постараться. Только ничерта я не стараюсь! Уже давно. Моя голова полна штампов типа «какой же Новый Год без подарка», и родить что-то действительно стоящее я уже просто не в состоянии. Когда я, едуци в маршрутке, слышу свои ролики по радио, я мучительно краснею и просто счастлива, что никто не знает, кто автор всей этой бездарности. Я наводняю город мерзопакостью, которая есть отрывка моего пережеванного мозга. И я твердо уверена, что попаду в ад именно за свои ролики, и буду там лизать горячие сковородки.

Я делаю медиапланы – два. Все «блатные клиенты» висят на мне. Клиенты, которыми не хочет заниматься никто – мои клиенты, потому что они либо друзья гендира, либо те, кто расплачивается с нами бартером. Они-то как раз и есть самые вредные и нудные. Самый противный клиент – это клиент «блатной»,

который платит мало или не платит ничего. Медиапланы и этих клиентов я тоже ненавижу.

Я придумываю сценарии всяких акций на радио. Если учесть, что радиостанций у нас три, то можете представить, какой рак мозгов я имею регулярно, потому что праздников всяких сейчас развелось немерено – и День рыбака, и День моряка, и еще какого-нибудь чудака День. И к каждому желательно придумать акцию со спонсорами и подарками, потому что только так можно в наше время удержать высокий рейтинг радиостанции. А как еще? Двадцать радиостанций на наш небольшой город – это слишком много. А самое обидное то, что наши диджеи способны испортить любую акцию! Даже супер-пупер интересную!

Не надо далеко ходить, недавно было ДР одной из станций, так мы с Танькой такую акцию замутили – пальчики оближешь! Сами ухохатывались, пока расписывали. И что? Стоило невыспавшемуся Андрюше прочесть замогильным голосом условия первого розыгрыша, как бедный дозвонившийся тут же в ужасе отсоединился.

– Твою мать! – заорала я на весь свой кабинет и понеслась в редакторскую. – Таня, ты слышала, как твой Андрюша это читал? Как будто он всю жизнь только некрологи читал!

– Слышала, – обреченно вздохнула Танька и принялась вызванивать Ладу, чтобы та сменила Андрюшу и спасла нашу чудесную акцию. – А что ты еще хотела? – спросила она у меня, так никуда и не дозвонившись. – Он же сегодня работает последний день!

– Ну и правильно, так ему и надо! – продолжаю орать я. – Будет знать, как умничать, звезда недорезанная!

Эта звезда неделю назад в прямом эфире обозвала генерального директора одного из крупнейших операторов сотовой связи подхалимом. В прямом эфире! В передаче, заказанной и оплаченной им же самим. Да они там всей своей корпорацией слушали тогда этот эфир! Юрист клиента обратился к нашему генеральному директору с нотой протеста и потребовал увольнения зарвавшегося диджея.

– Ну и пожалуйста, – невозмутимо ответил Андрюша-звезда, – я и сам хотел в Москву ехать, надоело мне здесь прозябать!

– Вот и пусть едет, гад! – злобно шипели мы с Танькой после испорченного розыгрыша. – Может, Москва-то ему рога пообтешит!

Акции писать я тоже уже ненавижу. Потому что всегда хочешь, как лучше, а получается, как всегда, – ...

Еще я выдаю призы дозвонившимся дятлам. Это я ненавижу больше всего остального. Когда я в очередной раз вижу на бумажке, принесенной диджеем, фамилию какого-нибудь Манакова или Ильиной – меня просто хватает кондратий!

Манаков этот, скооперировавшись со своей маменькой, регулярно выигрывает в утреннем шоу все призы подчистую. По моим скромным подсчетам они уже раз сто сходили на шару в кино, выиграли себе годовой запас чая «Челтон», а также сами и все их родственники поголовно одеты в футболки, кепки и майки с логотипами Гуд Иер Сервиса, Мивины и самой радиостанции.

А сколько пива, минеральной воды и компакт дисков выиграла Галочка Ильина! Ни словами сказать, ни пером описать! Если Манаковы порядочно выставляют на призы одну станцию, то умненькая Галочка не мелочится и рубит

призы сразу на трех. А что? Все равно за призами идти в одно место, почему бы и нет? Респект тебе, девочка Галочка! Вот только глаза б мои на тебя не глядели!!! Бич всех радиостанций на свете – эти постоянные слушатели! Только из-за них одних нормальные люди никогда не могут дозвониться ни в игрушки, ни в программы по заявкам! Хотя о чем это я? Какие такие нормальные? Если вам пришла в голову мысль позвонить на радио – вам пора к психиатру! Это мое глубокое внутреннее убеждение.

Еще я делаю всякую другую фигню, как-то: пишу рекламные статьи в газеты, собственноручно вырезаю обложки для наших «фирменных» компакт-дисков, пишу рекламные предложения спонсорам, оформляю заявки и контролирую процесс изготовления аудио– и видеопродукции, начисляю зарплату и делаю все то, что больше никто не хочет делать. Это все я тоже терпеть ненавижу!

А называюсь я – исполнительный директор.

ХА-ХА.

Только плюньте мне в глаз, если я директор!!!

Радио (продолжение)

Они все там звезды. Даже моя институтская подруга Катечка. Даже в ней периодически проглядывает Саша или Андрюша. Кошмар! Стоит нормальному вроде бы человеку попасть за пульт и начать вещать, как он тут же начинает раздуваться и переполняться сознанием собственной значительности. Я не понимаю, как можно забыть прочесть спонсорскую начитку (которая, заметьте, приносит доход радиостанции), но при этом десять раз в час не забыть сообщить, что «с вами в студии такой-то»?!

А слушатели! Не лень им таскать ведущим конфеты, торты, цветы и водку? И каждый диджей любовно коллекционирует и окучивает своих поклонников. Иногда кажется, что они только этим и живут, учитывая нашу зарплатную нерегулярность.

На Нелькиной (программер номер два) станции работают всего три ведущих. Сама Нелли, Катечка и Макар. Объявилась у них поклонница под романтическим ником Сандра Женщина Дождя. Эта Женщина Дождя засыпала их стихами, факсами, письмами и звонками. Но вот Катечку она невлюбила. Не понравился ей Катечкин голос, «голос стареющего некрофила», как выразилась уважаемая Сандра.

Однажды она принесла розы, не помню уже, какой был тогда праздник, но, подло принеся только два букета, попросила на рецепции передать их только Нелли Игоревне и Макару Викторовичу лично. Катерина Сергеевна побородилась и гордо не обратила на это внимания, но пачку на Женщину Дождя надула огромную.

Потом пришло письмо с фотографиями. На асфальте желтыми кленовыми листьями красиво было выложено имя – Нелли. На другом фото любовно шишечками выложено – Макар. Фотографии с именем Катя не было. Женщина Дождя оставалась себе верна. Тогда я увидела слезы в глазах железной Катерины Сергеевны, злые слезы досады. «Маразм крепчал», – подумала я и спросила:

– Ну что тебе эта Сандра? Пошла в ..., подумаешь!

– Ну и пускай! – подхватила Катечка. – Зато смотри, что мне с зоны пишут! Смотри, сколько у меня факсов! Меня любят!

– Любят, любят, – согласилась я, – конечно, тебя любят. Еще как! Моя Катерина Сергеевна сквозь слезы счастливо улыбнулась.

Не знаю. Может, нам не понять, мы не любили. Может, потому, что из-за своего писклявого голоса мне никогда не светит сидеть у микрофона, но не понимаю я этого и понимать не хочу!

Программер номер три – прекрасная Николетта. Третья радиостанция – это Ника и ее зондеркоманда. Как мучительно долго она собирала свою команду! Люди приходили на прослушивание, их отбирали, приглашали на стажировку, а потом с ними начинались инвалидские чудеса.

Один подающий надежды парень сломал себе чего-то и угодил в больницу на четыре месяца. Другому набили лицо в случайной уличной драке. С третьим произошло что-то непонятное, и он поломал ногу.... Ника только разводила руками и начинала верить в карму.

Казалось, что сама судьба противилась открытию новой радиостанции. Но нет. Самые стойкие инвалиды остались и продолжают развлекать собою многочисленные уши нашего города. И не важно, что один ходит на работу на костылях, а у другого не вянут краски на лице, потому что ему регулярно его бьют. На качество эфира это абсолютно не влияет. Их слушают, их любят, они счастливы.

Еще в редакторской сидят Света и Федор. Они делают новости. Света – прекрасная фотомодель и звезда телеэкрана, что она потеряла на радио, я вообще не понимаю. И Федор ей под статью – высоченный широкоплечий мачо с офигительным басом. Я всегда ему говорю:

– Федор, вы прекрасны, как сама любовь!

Только для того, чтобы он томно положил мне руку на плечо, погладил и сказал:

– Эй да!

Федор у нас дамский угодник.

Видеоотдел

Этих уродов я вообще ненавижу! У меня к ним стойкая антипатия, проверенная временем. Хотя один из них – мой бывший друг, а второй – большая любовь Катерины Сергеевны, они все равно уроды! Я никогда им не прощу сотни моих искалеченных роликов на телевидении! Как я их писала! Я мучительно рожала и расписывала каждый план, каждый кадр, каждую картиночку облизывала до зеркального блеска! Для того, чтобы они ее тут же испортили! А потом еще долго, со знанием дела, делали из меня дуру, объясняя, что ничего я не смыслю в эдобовских программах и что так, как я придумала, сделать невозможно. Что на бумаге мне это легко написать, а им вот невозможно сделать. А я только хлопала варежкой в справедливом и немом возмущении: как это невозможно?! Ведь мой муж это может делать как-то, в тех же программах? Я каждый день вижу, что это возможно!

Ну, ладно. Это еще цветочки. И не стала бы я их так ненавидеть только за то, что у них руки растут не оттуда. В прошлом году они вместе с еще одним

Василием Витальичем капитально испортили мне один праздник и чуть было не послужили причиной моего развода. Как? Не важно. Только на следующее утро я готова была придушить их, но ограничилась тем, что сказала все, что думаю об их работе, их личностях, их внешнем виде и умственных способностях. А на Василия Витальича, который пришел позже, я даже орать не стала (уже не могла), просто на его приветствие ответила полновесным матом: пошел ты туда-то и туда-то и за тем-то, урод!

Понятно, что после таких эксцессов и они ко мне особой любви не питают, поэтому работа у нас идет из рук вон плохо. Видеоролики получаются все хуже и хуже, передачи все никакее, и я пытаюсь обвинить во всем их, а они меня.

Остальное

Есть еще бухгалтерия. Их я люблю, потому что они мне выдают деньги. Есть технический отдел, который вечно всем составом без конца налаживает на крыше наши многочисленные антенны и передатчики. На них плевать, я их почти не вижу.

Есть продюсер телеканала, тот самый Василий Витальич (см. выше).

Есть юристы и коммерческий директор.

Есть мой любимый, сидящий рядом, медиапланер Александр.

Да много кого и чего еще есть.

Четыре долгих года я это все очень сильно любила. Любила так, что не смогла, наконец, не возненавидеть.

Теперь я ухожу.

И уважаю себя за это!

Потому что я **НЕНАВИЖУ РАДИО!!!**

ОКСАНА МАМЧУЕВА родилась и живёт в Кишиневе. Окончила филологический факультет Молдавского Государственного Университета. Работала менеджером в рекламном агентстве и сценаристом на радио. Сейчас занимается семантикой сайтов, контентом и поисковым продвижением. Жена и мама двух замечательных мальчишек.

Опубликована в сборнике рассказов «Белый Арап» (2010 г.).

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

ЮРИЙ ПАВЛОВ

В АВГУСТЕ

Август – месяц трагедий, точней, заказчик:
 Бьются Боинги, в шахтах трещат опоры,
 Сохнут реки. Заметьте, свой черный ящик
 Он скрывает от нас, как сундук Пандоры...
 Что-то, видимо, есть в круговерти года,
 Осень, палки вставляя в колеса лету,
 Опрокинуть стремится любую подводу,
 Эх, дороги... Ухабы сведут со света.
 Ближе к ночи всемирного ждешь потопа,
 Когда чопорный диктор с телеэкрана
 Возвещает, что тонет в дождях Европа,
 А Израиль повязан чалмой ислама...
 Можно где-то с друзьями начать попойку
 На полтинник, а толку-то в ней – с полушку.
 Лучше выключить свет и прилечь на койку
 Потушить сигарету... Обнять подружку...

ТЕНЬ ДРУГА

Памяти поэта *К.С. Семеновского*

Мне повезло, я занял столик
 в одном из залов «Бечул век»,
 где старины молдавской облик
 модернизирует наш век.

Резная мебель. По старинке
 в чекан оправлена стена,
 при входе отдает кислинкой
 перебродившего вина.

Тараф без устали играет...
 Чего ж еще? Но вот беда –
 мне так фатально не хватает
 того, кто рядом был всегда.

Однажды, помню, днем осенним
мы запланировали впрок
по грузным каменным ступеням
спустится в этот погребок.

Но я один пришел. Так вышло,
спустя тому, пожалуй, год.
А друг единственный, давнишний,
с небес на встречу не придет...

Я бы прочел ему с охотой –
стихи... И, душу теребя,
подумал: «А ведь нужен кто-то,
чтоб молча выслушал тебя...»

И оглянулся. Люди ели.
Тепло, уютно было им.
Подсветы радужно горели,
располагая на интим.

Напротив пустовало место...
А тот, по ком тоска скребла,
казалось, с артистичным жестом
сидел за краешком стола.

Потом, простившись с тенью друга,
я вышел в парк, где соловьи
слагали солнечные фуги
о счастье, дружбе и любви,

как будто в мире превращений
иной галактикой дыша,
мне посылала отпущенье
его мятежная душа.

БЕСПОКОЙНАЯ ОСЕНЬ

...а в городе нашем, где каждый фасад
украсил улыбкой своей кандидат,
пора перевыборов. Каждый виток
предвыборной гонке подводить итог.
Мы власть выбираем. Её же клянем,
но к алчущим урнам идем, как в наем,
доверившись фатуму иль на авось
по самую шляпку забиты, как гвоздь,
назойливой прессой. Судить не хочу,
коль эта морока пришлась по плечу,
и веру в спасительный разум вождей
ты выстрадал – это в порядке вещей...

На улице дождь. Вот и осень, мой друг,
замкнулась в себе. Обозначился круг
предзимних забот, тех, что ты наяву
навряд ли сотрешь, как с подошвы листву,
у двери входной перед тем, как рука
вонзит указательный в кнопку звонка.
Ты дома. Неважно бардак иль уют
тебя донимают, важнее, что тут
благой Вездесущий, как тот антиквар,
хранит твою душу от порчи и свар.
Пройдись по передней. Нырни в зеркала.
Понравься себе, если даже дела
на фоне былых донжуанских проказ
мелки, как ручей, что умыл унитаза...
Закутай в халат исхудавшую плоть,
но, в кресле пригревшись, обшивку не порть,
поскольку она визуально хранит
присутствие тех, кто тобою забыт...
За мокрым окном по-сиротски ничей
висит небосвод, и не слышно грачей,
как видно, устали в небесном быту
крылом бесприютным крошить пустоту.
Далече до звезд. Настают холода.
Могли б улететь, но не знают куда...
И эта свобода, коль выбора нет,
все та же неволя...

ДАВАЙТЕ ПИТЬ ВИНО

Давайте пить вино,
Бокалы сдвинем звонко,
Пока спит окно
Небесная поземка,
И мнется старый год
Под елочкой нарядной,
А молодой грядет
За стрелкой циферблатной...

Давайте пить вино,
Забудем все проблемы,
Глядишь, покажут дно
Изношенные темы,
А там любимых рук –
Одно прикосновение
В тебе развеет вдруг
вчерашние сомненья...

Давайте пить вино,
 Справляя годовщины, –
 За долголетье, но
 Без всякой чертовщины,
 Чтоб поднимая тост,
 Под музыку Лундстрема,
 Уже надравшись в лоск,
 Добраться до Эдема....

Давайте пить вино,
 душой вернемся в юность,
 Ведь затаилась в нем
 И наших предков мудрость.
 Налейте им глоток,
 Чтоб там, за облаками,
 Гуляли, сбившись с ног, –
 Без нас.... А после, с нами...

Давайте пить вино!

* * *

Мысли рассеяны. Ночь в городке сутулом.
 Вряд ли надумаешь то, что Господь придумал...
 Не различить, сколько зрачком не целясь,
 точку отсчета, что взял за основу Цельсий,
 утверждая шкалу от таянья до кипенья, –
 то же творится в мозгу. Предчувствие стихотворенья
 вряд ли зависит от времени, тем более от подспудной
 мысли, что стать норовит доступной
 для всех. В том числе и для той, что рядом
 в платье нарядном иль с голым задом....
 Чушь, что знахарки порчу наводят сглазом, –
 нас контролирует высший небесный разум:
 то ли луна побуждает ходить взад-вперед по паркету,
 то ли звезда, у которой в достатке света,
 чтоб ты склонился над белым листом, освоюсь,
 и узаконил присутствие в мире, то есть
 окинул округу почти первобытным взглядом
 и обернуться поляной, рекой, листопадом...

* * *

На Родине моей прошли дожди косые,
 На выгонах стада лесам осенним в масть,
 Я бросил бы курить, коль воздухом России
 Хотя бы на часок мог надышаться всласть...

Я помню рельсов гул. Наш поезд мчался мимо
Забывших деревень, и надо бы начать
С того, что их печаль почти необъяснима,
Но именно она кладет на них печать.

Вблизи березняка я встал бы на колени,
Воздал поклон стогам, церквушке на бугре,
И принял бы душой ее благословенье,
Под робкий перебор пернатых на заре.

Когда б открылся путь, любой, хотя бы млечный
Я б на него ступил, смиряя в сердце дрожь...
Любовь к родным местам светлей и безмятежней,
Чем к женщине.... От них взаимности не ждешь...

ЛЮБОВЬ

Любовь опаздывала, маялась, томилась,
в ночных такси по городу носилась,
ладонями глаза из-за спины
мне прикрывала. Шла на уговоры,
сдавалась.... Тут же пряталась от взора.
Что ж было это? Наважденье, сны?

Она роптала. Стала ношей тяжкой.
Была капризной неженкой, монашкой,
кроссвордом, где понятия смещены,
оказывались по горизонтали:
всего шесть букв – мы их не разгадали.
Что ж было это? Наважденье, сны?

Потом клинком обид вонзалась в тело.
Смертельно? Нет. Но все-таки задела
плечо (чуть ниже) с левой стороны...
И не было на случай трав целебных
боль притупить, собрать я не успел их.
Что ж было это? Наважденье, сны?

А если так, зачем же в ад кромешный
я поспешал с улыбкою безгрешной
и проявлял упрямство сатаны,
когда вступал с ней в роковую схватку
с наивной целью разрешить загадку:
Что ж было это? Наважденье, сны?

* * *

...и вот предощущенье пустоты
 сомкнулось, как тяжелые кулисы,
 доказывая истину, что ты,
 примерив роль удачливой актрисы
 не лучших дарований, но притом,
 сорвавшая восторг с ладоней зала,
 в той сцене, где надежд твоих садом
 напоминал невнятицу вокзала,
 уже остановилась за чертой,
 где не взимают пошлину за ревность,
 с намеком, что погоня за душой,
 твоей душой – наивная нелепость
 воображенья, взявшего в прицел
 мишень неуловимую для глаза,
 что эта ностальгическая цель –
 одна из форм животного экстаза...
 Прости, не упрекай меня, прости
 за проявленье варварского эго,
 за пепел, что до боли тлел в горсти
 на перепутьях сгинувшего века.
 Ведь даже то, что существуешь ты
 реальной, чем глоток, другой хмельного,
 есть произвол грядущей пустоты,
 в которой не предвидится иного...

КОГДА – НИБУДЬ

Когда-нибудь и я скажу: – Увы,
 жизнь обольстила, но не состоялась,
 пора и нам переходить на вы,
 теперь пора – не за горами старость.

А сколько было горьких «почему»,
 прямого не дождавшихся ответа...
 При всех раскладах вряд ли я пойму,
 зачем во тьму ты пряталась от света?

Зачем? Ты и сама не объяснишь
 у прежних заблуждений на примете,
 но верю, что когда-нибудь простишь
 мою любовь еще на этом свете...

ЮРИЙ ПАВЛОВ родился в г. Москве 23 марта 1938 г.

С 1964 г. проживает в Кишиневе. Член Союза писателей СССР и Молдовы с 1974 года. В свет вышли 10 стихотворных сборников: «Солнечные часы», «Дерево у дороги», «Октава», «Чаша сия» «Ночные бдения», «Заблудившийся бумеранг» и др.

КРИТИКА

Зерна и плевелы

АЛЕКСАНДРА ЮНКО

**КОМУ ЖЕМЧУГ МЕЛКИЙ, ИЛИ
НАДЕЖДА НА ВЫЖИВАНИЕ**

Нелегкая задача выступать в роли оценщика новых ворот – сразу же обзвут бараном. Тем более трудно писать о прозе, не являясь прозаиком и располагая лишь многолетним читательским стажем. И все же приходится ступать на этот опасный путь в условиях, когда в республике, по сути, отсутствует литературная критика. В свое время этот неблагодарный труд взвалил на себя прекрасный поэт Валентин Ткачев (Царство тебе Небесное, Валя!). Правда, в поле его рассмотрения попадали преимущественно стихи. Вдохновляясь таким примером, хочется не упасть лицом в грязь. Но не ждите хладнокровного и профессионального анализа с использованием высоколбой, но неудобоваримой и малопонятной терминологии. Или блестящих стилистических пассажей, вызванных желанием себя показать и покрасоваться на фоне несчастных прозаиков, в кои-то веки получивших возможность издаться. Перед вами скорей простодушная попытка внимательного чтения произведений, написанных в нашей стране за последний год.

Позвольте напомнить, о чем, собственно, речь. Вот уже во второй раз в Молдове была присуждена первая независимая литературная премия «Серебряная подкова», учрежденная фондом «Белый Арап» и предназначенная для авторов, пишущих малую прозу. Инициатор и главный движитель этого начинания Олег Краснов в свое время нашел возможность публиковать более или менее регулярные литературные странички в молдавском выпуске «Аргументов и фактов». Первый итоговый сборник – «Толстый журнал» – вышел в 2008 году. Между прочим, редактор совсем другого журнала (не к ночи будь помянут!), купившись на это название, так до сих пор и думает, будто «ТЖ» – периодическое издание. Однако перед нами книга, в которую вошли лучшие образцы короткой прозы из опубликованного в «АиФ». Выбор, на мой взгляд, был все-таки довольно ограничен, и немудрено, что претензии к сборнику предъявлялись разные. Упомяну опубликованную в газете «Русское слово» свою же рецензию «Толстый и тонкий, или Куда податься бедному прозаику», где, в частности, говорилось:

«Что касается текста, здесь нет ни одного, который отвечал бы жанру крепкого рассказа с хорошо прописанным сюжетом. Это скорей туманное и водянистое «нечто с чем-то» – зарисовки с редкими элементами... журналистского репортажа. Еще одна неприятность связана с идейным, извините за выражение, содержанием. Какое-то оно однобокое и узкое. За то, что

некоммерческое – уже спасибо. Но! Спектр тем и сюжетов – исключительно городской и «околоискусственный». Описываются преимущественно среднеинтеллигентские страдания, притом порой кажется, что, независимо от имени, в одной-единственной устало-иронической интонации. Никто из прозаиков не пытается вникнуть в хоть какую-нибудь мало-мальски значимую проблему реальной жизни и глубже асфальта поэтому не копает. В оглавлении – сплошь «предопределения» да «предчувствия», «ангелы энд абсенты», «эффекты сфумато» и «лица одиночества». Короче говоря, одни только списанные с себя, любимых, «гении», полеживающие «на диване» и попивающие «черный кофе». После такой вредной для здоровья диеты хочется – в противовес – навернуть кусок серого хлеба с брынзой и помидориной в придачу».

Тогда, помнится, между автором этих строк и Олегом Красновым разгорелась хоть и заочная, но оживленная литературная дискуссия. В результате мы познакомились лично и сошлись на почве любви к прозе и двум кавалерам «Серебряной подковы» – Олегу Панфилу и Александру Попову, для которых и Нобеля было бы не жалко.

По техническим причинам рассказ первого лауреата «Морфий и морфин» в «Толстый журнал» войти не успел. Его можно прочесть во втором сборнике (названном по имени фонда – «Белый Арап»), в создании которого Олег Панфил принял участие не только как прозаик, но еще и как составитель, редактор и автор предисловия. В сборник вошла примерно четверть представленных на конкурс опусов, а всего за «Серебряную подкову» состязались около восьмидесяти рассказов. Претендентов на публикацию оказалось и того больше. По откровенному признанию составителя, значительная часть этой продукции, как бы это выразиться помягче, никуда, скажем так, не годилась. Отбирая произведения для сборника, Панфилу пришлось перелопатить груды «сырья», а при попытке мало-мальски отредактировать тексты не удалось избежать столкновения с непомерными писательскими амбициями и непостижимым отстаиванием собственных слабостей. Поэтому перед составителем стояли две задачи: определить «плинтус», ниже которого опускаться просто нельзя, и соединить несоединимое, то есть найти для сборника если не сквозной сюжет, то хотя бы контрапункт. В принципе, сделать это удалось, поскольку многие вещи благодаря расположению (и тому свету, который они отбрасывают друг на друга) заиграли новыми гранями и получили дополнительные смысловые и художественные обертоны.

Нужно сказать, что по части содержания и разнообразия авторских манер «Белый Арап», в сравнении с «Толстым журналом», ушел довольно далеко. Сюда вошли конкурсные вещи шести финалистов: «Бег на длинные дистанции» Александра Попова, «Кто ты?» Сергея Узуна, «Клон» Марии Жозефины Кушнир, «Слава и позор» Екатерины Тарлевой, «Шелковица» Олега Краснова, «Море» Татьяны Орловой, другие произведения этих же авторов, а также малая проза еще десятка отечественных писателей и серьезно-иронические заметки гостя сборника, россиянина Алексея Серова, – «Как писать рассказы».

И пусть на этих страницах не случилось ни одного крупного открытия, и пусть здесь не найти следования модным течениям и школам, но, тем не менее, прогресс налицо. По тонкому наблюдению Олега Панфила, под обложкой «БА» можно обнаружить «отсталый натуральный литературный жемчуг». Он родится только от боли и только «в магнитных полях этой земли», где на

протяжении столетий интереснейшим образом взаимодействуют и дополняют друг друга Восток и Запад, Север и Юг, природная благодать и фатальное невежество, славянские, романские и прочие культуры (список при желании можете продолжить сами). В результате процентное соотношение талантливых людей и бездарей резко меняется в пользу первых (впрочем, графоманов, как всегда и везде, хватает и у нас). Положительное влияние можно найти даже в некоторой изоляции Молдовы от мировых тенденций. Это привело к тому, что молодая поросль, созревшая за последние два десятилетия, сохранила свою свежесть и непосредственность, хотя и не без веяний нового времени с его технологиями. А более взрослые литераторы, вынужденные большей частью писать «в стол» и обойденные тотальной коммерциализацией искусства, обрели абсолютную творческую свободу.

Тем и утешимся. Даже если кому-то этот жемчуг покажется мелковатым. Но тут уж не до жиру: чем богаты, тем и рады. Зато формы оригинальной, да и расцветки нескучной.

Своеобразным открытием для составителя (да и для читателей тоже) стала короткая проза Михаила Поторака, которого до недавних пор окружающие воспринимали главным образом как поэта. Не случайно сборник открывается его пронзительным «Заклятием». Оно резко и больно сдирает коросту со всех органов чувств и обостряет восприятие последующих текстов. «Заклятие», «Мышь» и особенно «Корова» Поторака, при всем своем крохотном объеме, обладают такой художественной точностью и психологической глубиной, словно это – в брикет спрессованные повести.

Но всеобщее внимание приковано, разумеется, к Александру Попову, который много лет пишет отменные стихи и прозу, однако литературную премию получил впервые. В миру лауреат закончил факультет журналистики МолдГУ, служил в Афганистане. Именно в этот непростой период в соавторстве – и переписке – с Олегом Панфилом была написана повесть «Песни туземцев и пляски с черной собакой». Затем, также совместно, они некоторое время издавали журнал «Современная книга». Сейчас Саша Попов занимается информационной архитектурой социальных сетей.

Лауреат «Серебряной подковы» 2010 года предложил в сборник два рассказа: конкурсный «Бег на длинные дистанции» и «Доктор и река любви». Первый из них уже не раз и не два называли медитацией. Хотя, на мой взгляд, с таким же успехом можно подыскать еще несколько определений, и все они передадут ощущение от текста лишь более или менее приблизительно. Это тот самый случай, когда интонация адекватна дыханию. Внешне вроде бы ничего особенного не происходит: ну, бежит человек по глинистому проселку на окраине Кишинева, без всякой цели бежит, совершает утреннюю пробежку, размышляя по ходу о том о сем. Но где-то на клеточном уровне все наше естество откликается на происходящее и вместе с бегуном начинает двигаться в правильном ритме и в правильном направлении.

Второй рассказ обречен на успех, хотя бы потому, что о любви и сексе читать всегда интересно, особенно когда написано талантливо, раскованно и с большим тактом. Но от чьего, собственно, лица ведется повествование? То ли это психоаналитик, то ли его пациенты, выворачивающие нутро на кушетке и в письмах, то ли лирический герой, таким отстраненным образом исследующий собственный сексуальный опыт, во многом сформировавший его как личность. И уж совсем

немногие заметят, что, по сути, речь идет о попытке преодолеть одиночество, взаимное непонимание, облегчить гнет неизбежных потерь и разочарований.

В принципе, оба рассказа Александра Попова, как «Горе от ума», можно разобратить на цитаты и пустить гулять по свету в качестве крылатых выражений. Но ограничусь лишь одной выдержкой, которая, уверена, попадет в болевую точку любого читателя, кому не безразлично, что происходит в Кишиневе: «...В ту зиму по опустевшему дну озера ездили грузовики с илом. Урчали экскаваторы, собирая ковшами слой земли с бывшего дна. Все это я видел издали, сквозь ветки сосен... И вы знаете, доктор, после нескольких часов, проведенных в этом морозном воздухе, полном свежести и запаха сосен... я не то чтобы вспоминал, зачем и куда стремился вчера... не то, чтобы чувствовал, что кто-то издали пришел и спас меня... нет, никто не пришел и никто не спас... Мне кажется, что само тело вспоминало, что хочет жить, хочет выжить, хочет дышать свежестью этого парка, когда озеро снова наполнится водой. Поэтому я приходил сюда снова и снова, чтобы вспомнить это желание, чтобы не забыть его, чтобы оно снова приходило из ниоткуда и, может быть, однажды стало совсем моим».

Озеро, как мы знаем, к жизни не вернулось. Но в данном случае важен не факт, а надежда, которая и дает силы выжить.

В отличие от стихов, для которых характерна спонтанность выплеска, проза – методичный непрерывный процесс (лучше всего описанный Хемингуэем), который я сравнила бы с каторжными работами в каменоломне. У поэтов – короткое дыхание, и проза их написана чаще всего именно по алгоритму рождения стихов. Полистайте, к примеру, цветаевские повести. (Кстати говоря, Панфил и Попов также начинали стихами, да и сейчас являются действующими поэтами, и только лета склонили их к суровой прозе, но на этом поле они сумели выработать именно прозаический стиль).

Вот и «Ах, мой милый Августин» Олеси Рудягиной отличается повышенной экспрессивностью (что, впрочем, вполне оправдано сюжетом) и насыщенной метафорами. И все же в этом случае у поэта получилась хорошая проза – благодаря плотности текста, его туго сжатой пружине, нарастающей динамике и захватывающей интонации.

В «Море» Татьяны Орловой любовная история разворачивается под шорох прибоя, при неоднократных попытках автора этот самый шорох воспроизвести. Конечно же, делает она это совершенно поэтической звукописью. Второй рассказ, «Одаро-Массандр», так же нарядно-приподнят и романтично красив. Вот только почему-то кажется, что избыточная патетика, цветистость, многочисленные многоточия и Прописные Буквы тормозят движение, сильно разжижают ткань повествования и, отнюдь не добавляя художественности, увеличивают размер.

Оксана Мамчуева, напротив, оказалась нечаянной радостью. Хорош ее почти аллегорический «Ловец». Небанально задуман и тонко прописан рассказ «Украшать свой дом», которому не вредит даже легкий налет «перевода с иностранного»: героя зовут Йонатан, к нему обращаются «пан» и т.п.

Вообще в «Белом Арапе» женская, так сказать, проза поразительно многолика. Слава Богу, это определение не жанровое, а скорей гендерное. Практически для всех произведений характерно общее ощущение тревожности мира, его дисгармонии, балансирования на неком краю.

«Забывтая роскошь невидимых аристократов» Анжелы Енаки – любопытная попытка воспроизвести пренатальные ощущения еще не родившегося существа

и передать его нежелание покидать родной и обжитой дом ради неведомого и опасного будущего.

«Клон» Марии Жозефины Кушнир являет собой антиутопию в сослагательном наклонении: а что было бы, если?.. В данном случае – если бы ученые создали клон Гитлера и дали ему возможность развиваться в так называемой нормальной семье. Читается, доложу я вам, как увлекательный детектив, и развязка почти неожиданная. Но к концу чувствуешь некоторое разочарование. И дело не в нескрываемой сконструированности сюжета, нет. Просто то, что так феерически начиналось, потихоньку сходит на нет, как будто автор сам внезапно потерял интерес к своему повествованию, да и петарды для фейерверка за вечер отсырели.

«Паша и веревочка» Марии Павловой с первого взгляда воспринимается почти как прикол. Однако и в этой абсурдно сдвинутой реальности герою не удастся обрести вожденный запах «децтва», а веревочку, как некую пуповину, придется отрывать от себя и выбрасывать в мусорное ведро.

Сюжет рассказа Светланы Ивановой «Чтобы не снился» почти пародийно следует канонам «дамского романа». Учеба, смена мест работы, само течение жизни для героини – лишь череда малозначительных событий, только способ избавиться от безденежья и гнетущих воспоминаний о погибшем возлюбленном. Кончается все, как и положено, свадьбой, но этот «хэппи-энд» с грустным оттенком, поскольку и жених – Федот, да не тот, и счастья как не было, так и нет.

Наталья Камбур даже название к своему рассказу подобрала интригующее – «Время телесериалов». Но эта отсылка к мелодрамам – ложный след. На самом деле автор повествует не о «заветном девичьем», а о пробелах в связях с внешним миром, «когда мозг перезагружается» и происходит некая паразитная жизнь: «Меня нет. Меня просто нет. Ни в этом городе. Ни в этой стране. Есть мой виртуальный образ, доступ к которому тоже можно ограничить».

«Арабика с ложечки» Натальи Тарлевой развивается как стремительная музыкальная фраза – от детства с «вишневым компотом и абрикосовым вареньем» к взрослению, от токкат Баха к «Реквиему» Моцарта. А в промежутке – судьба.

Далеко не новичок в прозе Игорь Мухудинов отдал в сборник «Белый Арап» свой рассказ «От и до». Он исполнен в свойственном автору пародийно-каламбурно-многозначном стиле, но на удивление одухотворен каким-то подспудным сердечным теплом.

Есть в сборнике загадочные вещи, которым я затрудняюсь давать оценку как читатель, хотя нутром чувствую: что-то в этом есть. К примеру, «Славу и позор» Екатерины Тарлевой составитель считает многообещающим началом. Я же пребываю в озадаченности. Для меня эта вещь распадается на несколько слабо связанных фрагментов. Зачин, выдающий литературные пристрастия автора. Затем – чисто драматически выстроенный диалог вообще без ремарок. После этого – стихи, еще один «голый» диалог, отрывок из прочитанной героиней книги, размышление о картинах на выставке, где она встретила другую героиню, и диалог номер три. Все, финал. Нет, на мой взгляд, объединяющего начала, хотя готова согласиться, что просто его не вижу.

Есть примеры прямо противоположные. «По дороге к...» Андрея Тасманского занимает всего полстранички, но это далеко не эскиз к ненаписанному, а именно рассказ с сознательно незавершенной, разомкнутой структурой.

В рассказе Сергея Узуна «Кто ты?» некая безликая и бездушная сила играет с отдельно взятой человеческой особью, и несмотря на то, что герой сопротивляется изо всех сил, итог этого единоборства заранее предрешен. Еще значительней «История одной благой идеи», повествующая, как движение Вежливых постепенно оформляется в одноименную Партию. Действие начинается в прокуренной пивной, затем переносится в огромные залы, где главный герой выступает наподобие современных проповедников разного толка. В результате победы на выборах начинается новая диктатура. С преследованием пишущих на заборах, с запретом на показ классики кино и сожжением на кострах книг, признанных «похабными». Не обходится и без детей, которые отрекаются от отцов. Очередной тоталитарный режим терпит, как и следовало ожидать, полный крах. Теперь герой оправдывается в международном трибунале, где главный судья... ковыряет в носу. Наконец, разнузданная пьяная толпа жизнеутверждающе честит сторонников старого и требует от них плевать на пол...

От автора требуется филигранная точность, чтобы удержаться на острие художественности и не соскользнуть в сторону памфлета или фельетона. Эта антиутопия свободно выдержала бы объем романа, но здесь существует в очень сжатом виде. Между прочим, работать на таком ограниченном пространстве – высший пилотаж. Как утверждают знающие люди, крупные формы создавать куда легче, чем миниатюрные.

О жесткости и жестокости невольно задумываешься, читая «Заклятие» Михаила Поторака и «Шелковицу» Краснова. Страшноватенько, однако! Обе вещи рассказывают о том, как насилие вторгается в нашу жизнь, затрагивая и детей, а может быть, рая их в первую очередь. Кого-то такое чистолюйски покоробит, но упаси Господи винить в этом авторов! Как Румата Эсторский у братьев Стругацких, мы являемся лишь наблюдателями, не имеем права вторгаться в этот мир с его жестокими законами, и выносить приговор тоже не в нашей епархии. Но зафиксировать увиденное, не подменяя реальность слащавыми картинками, – художественная задача и профессиональный долг писателя.

Парадокс, но в «Морфии и морфине» Олега Панфила, самом, пожалуй, трагедийном рассказе сборника, выходящем даже за привычные литературные рамки, жесткости и тем более жесткости нет. Читатель испытывает то, что древние греки называли катарсисом, а христиане – очищение страданием. Так что традиции классической русской литературы продолжают. Не случайно свою родословную претенденты на «Серебряную подкову» возводят к Пушкину – поистине «белому арапу» отечественной словесности. Так что не зря именно такое название крупно вынесено на обложку нового сборника.

Правда, говорят, что уже упомянутый «редактор другого журнала» по этой причине уже спутал книгу современной прозы с избранными сказками Иона Крянгэ. И очень злопыхательски отозвался о сборнике и его авторах, когда ему указали на оплошность. Ну да фиг с ним. А мы будем пыхать по-доброму и надеяться, что конь Белого Арапа был все же не о двух ногах, а минимум о четырех. И пусть он порой спотыкается, но худо-бедно продолжает везти в правильную сторону и по пути роняет с копыт подковы из драгметалла. И пусть достанутся они самым достойным.

ПРОЗА

Поле притяжения

ОЛЕГ ПАНФИЛ

ИЗВЕСТНЯК НА ЗАКАТЕ

1

Известняк – это не обязательно каменоломни.

Но для меня он начался с каменоломен.

Мы живем на дне моря, но известняк начался ещё раньше.

Раньше моря.

Известняк, возможно, единственное Вещество, которое террористы забыли отнять у нас на входе. По недосмотру? Известняк – наше всё. Он – единственное *точно* такое же вещество, как и там, откуда нас взяли в заложники.

Две недели назад я ездил в Драгинич – каньон на реке Реут.

Я поехал найти – что развяжет язык – рассказать об известняке. Но известняк древнее языка.

Было июньское полнолуние.

Серебристые маслины, истекающие светом в глубокой тени на слоистом пологом холме – как перевернутая пиала – с множеством узких террас – волны фосфоресцирующего ковыля и трав – и я поплыл вдруг прямо на известковые скалы на том берегу реки. Они загорались то тут, то там почти белым млечным светом: как пальцы, на ощупь, свет изнутри бродил по ним – и вдруг остановился, высветив очертания огромного корабля. Корабль-город.

Плавание на этом корабле происходит странно: корабль всегда стоит на месте – миллиарды миллиардов лет. Но в его вместилища и пещеры, гроты, лазы, кельи прибывают рябь золотая на темноте – и эти блики света в корабле становятся существами. И начинают искать Вещества, выходя из корабля сюда, где цикады полифонические, луна, земля, вещества, проселочная дорога по гребню холма, село над рекой, птица, кричащая, как каратист, и птица, поющая как синтезатор, лес, тюрьма, где заключенные на исправительных работах добывают в подземных шахтах известняк и распиливают его на котелец, и асфальтовая дорога, по которой к экам приезжают по выходным и праздникам родные и любимые с чайной заваркой, сигаретами, сладкой водой истошных цветов, колбасой, сыром, мясом и другими веществами, поля, озера, телевышка, трасса в столицу.

В столицах дома теперь все реже строят из известняка, больше из бетона, и горожане все чаще чувствуют себя пленниками бессмысленности. Как будто террористы оставили и забыли их в этих растущих городах, будто они не нужны даже террористам. Но хорошо, что опять стали строить, хоть и из бетона. А из известняка теперь в основном строят дома для богатых – виллы, особняки.

Совсем плохи для жизни те дома, в которых нет ни грамма разновидностей известняка – известки, мела (хотя бы в составе краски), алебаstra или хотя бы

глины – наиболее расхожей, но и ослабленной его разновидности, или самой рафинированной и оттого несъедобной его разновидности – мрамора.

Из всех Веществ только известняк не вызывает зависимости и болезненного пристрастия.

Это происходит по двум причинам: известняк – единственное Вещество, в составе которого есть вещество милосердия. К заложникам. И в состав известнякового милосердия входит в равных частях забвение и напоминание. Эта ровность того и другого делает значение известняка настолько незаметным, что об истинных его свойствах можно догадаться только в ситуациях из ряда вон выходящих: иногда беременные, дети и сумасшедшие испытывают непреодолимое желание есть мел и известку. И они едят. Раздирая ногти и пальцы, соскребают тайком штукатурку и – едят. И выздоравливают, или хотя бы успокаиваются. С веществами милосердия в составе известняка связано то странное обстоятельство, что как только вы начинаете задумываться о значении известняка и его свойствах, нечто уводит вас все дальше и дальше от этого. Но происходит это не по той самой простой и незыблемой модели человеческого познания, в которой ум начинает собирать по одному внешнему признаку все известное ему, и затем сваливает в кучу в надежде понять, что же эти вещи соединяет. В случае с известняком это происходит по-другому. И связано это, вероятно, со второй причиной, по которой известняк, как мне кажется, не вызывает ярко выраженного пристрастия. Причина эта относится к области тайны. К той тайне, в которой заложники и террористы равны. Это действительно очень странно, да. Потому что единственно близкое известняку по своим глубинным свойствам Вещество – это морфий.

2

Она родилась в городке Каменка. На берегу Днестра. Я не родился там. Мы переехали туда, когда мне было одиннадцать лет. Но я понимаю, что значит – родиться в городке на берегу реки.

Центральная улица вдоль реки и одноэтажные известняковые дома. Тополя, тополя, тополя. От родительских застолий оставался тревожный и чуть стыдный запах винегрета, спиртного и табачного дыма. Но это для меня так. А для Оли – может, этот запах был другим?

На краю города – сплошные отвесные склоны холмов, осыпи известняка и каменоломни.

Однажды в пятом классе их везли на осенние школьные работы.

Грузовик выезжал из чаши городка, поднимаясь на холмы. Оля вдруг оглянулась и меж одноклассников на деревянных лавках в кузове – увидела – что? Увидела городок внизу. И что-то еще, она так и не могла вспомнить что.

В следующий раз, когда оглянулась, была в таком же городке, но ниже по течению Днестра. Городок назывался Григориополь, и она работала медсестрой в военном госпитале, ей тридцать шесть, у нее сын. Мужа увела цыганка.

И я на пороге нашла выложенный из зерен и семечек крест.

В Григориополе каждая знает что это.

Встретила на почте эту цыганку, к которой он ушёл, попросила её не делать больше и сказала, что мне он не нужен, и пусть забирает его себе. И цыганка забрала. Муж прожил с цыганкой одиннадцать лет. С сыном он ни разу не поговорил: как только видел его – переходил на противоположную сторону улицы. А как только переписал дом на цыганку – умер.

Сына забрали в армию. Он воевал в Чечне и стал героем, стал военным и попал на Дальний Восток. Тогда она усыновила солдатика из госпиталя. Да,

взяла и усыновила, он такой голодный был, ну, не по документам – а стал как сын, она ему и свадьбу сыграла. Чтобы было о ком заботиться.

И вот в тот вечер, когда оглянулась, в маминых подушках нашла семь ржавых гвоздей и один новый, семечки, зёрна, петушиный клюв и заостренную деревяшку, как колышек. А после этого, утром из горла, где врачи подозревали опухоль, вдруг выкашляла что-то себе в ладонь – смотрю, а это то ли палочка с загогулиной, то ли рыба косточка, потом ещё покашляла – несколько петушиных перьев, гной, а на следующий день – несколько камешков разноцветных выкашляла, вот они – видите, я их на бумажку приклеила.

Оля разворачивает две бумажки – достав их из пакета с фабричным зелёным оттиском конопляного листика – в одной бумажке перо, на другой – мелкие цветные камешки. Бумажки она сложила как раньше в аптеках порошки в ручном отделе.

Когда она оглянулась в третий раз – она все там же, медсестра в гарнизонном госпитале на берегу Днестра, только уже недавно вышла на пенсию. «И я почувствовала вдруг, – говорит, – что теперь я буду счастлива, что у меня светло впереди». И я спросил Олю: «Так ты же не мужа любила ведь, правда?». Оля говорит: «Правда». «А того, кого ты на самом деле любила – ты ведь его до сих пор любишь, да?». «Да».

«И он же тоже тебя до сих пор любит, да?» «Да, – говорит Ольга. – Но стыдно же! Ой, как стыдно!». «А что стыдного?!» «Да я же уже бабушка! Мы с ним недавно встретились. На берегу Днестра, возле каменоломни. Закат такой красивый. И он рядом сидит, я на него смотрю – и не понимаю – тридцать лет же прошло, а я вроде и не жила ещё, как будто только начинается жизнь. И такие отсветы на известняке красивые, что я заплакала. Вот как в юности мы с ним на камнях у реки встречались, так и теперь эта река, и на могиле, госсподи, на могиле моей этот камень будет, и – что была я, что не была... Знаешь, вся жизнь позади, а и впереди – вся».

3

Вещества путешествия в составе известняка чаще всего так и действуют: ты просто видишь его, не замечая, или касаешься ежедневно, или живешь в известняковом доме и не замечаешь, как уже годы ты, оказывается, совсем в другом месте и другом времени, а очнешься – а все вроде так, как и всегда должно быть.

И только известняк или мрамор на закате знает, что все было, ничего не было, все повторяется и ничего не повторяется, и ничего не кончается, но это не ты – тот, кто не кончится.

То, что роднит вещества известняка с морфием – чувство, что у тебя все уже есть. Все, что. Уже некуда и незачем. Все здесь. Незачем дергаться. Покой. Можно уснуть. Ничего не будет мучить.

Ничего. Нерастворимая основа и защищенность – как скорлупа окружает того, кто был без кожи. Сворачивание потребностей.

Не спать, млятьть!

Для меня все каменоломни, известняковые каньоны и скалы, которые я знал, кажутся одним плато – местами поросшее лесом, с родниками и ручьями. Они сообщаются между собой. Я могу быть в Драгиниче, пройти несколько шагов, и за моей спиной горизонт сворачивается и разворачивается, кренюсь – и я знаю, что там, за спиной – уже скальный монастырь Цыпово или известняковый каньон в Руди. Вот скальный монастырь в Цыпово, все спят, потому что второй

день накрапывает дождь, я сижу наверху, в самом верхнем ярусе келий, в нише. Я чувствую, что мы наконец будто бы добрались до какого-то острова родной земли, все в безопасности, все уцелели навсегда. Дождь накрапывает, сквозь него виднеется река внизу, пара черных лодок рыбачьих, изумрудные камыши.

Вещества известняка, на который я опираюсь спиной, вливаются в ток моих мыслей. Известняк – корабль, транспортное средство. Мы прибыли на нем, ещё когда были огромными кеглеобразными существами.

Или как круглоголовые птицы со сложными крыльями. Или как матрешки. Без лиц. Мы прибыли в саркофагах, за много миллиардов лет до того, как появились здешние моря, мы... Стоп. А почему эти матрешки – мы? С чего я взял? А, может, это как раз и есть – террористы? Я пытаюсь проверить, с чего это я чувствую известняк таким родным... Ну да, я понимаю, он выделяет реликтовое излучение каких-то правильных изначальных времен. Это факт. Но это реликтовое излучение – уж явно не доисторических морей: когда были рыбы и земноводные, нас не было. Хоть убейте, не было. Несмотря на фазу жабры у эмбриона. Может, это мы потом захватили этих существ из вещества? Да и что мы знаем о мире? Библейское творение мира – как минимум второе. Память о первом сотворении сохранили лишь дагоны. И они считают, что от всего первого сотворения мира осталось только странное дерево акация. А сколько творений всего было? Значит, мы были до. И излучает он – из до.

Но и террористы, как известняк, нам кажутся родными. А, может, они наши родители и есть? Мы не можем отвязаться от родителей, и хотя их отношение к нам преступно, они кажутся нам лучшими на свете. И худшими.

А, может, мы сами и есть террористы? Но это тоже не мысль известняка. Он – лишь корабль-инкубатор.

Наиболее таинственные вещества известняка соответствуют его запахам. Свежепобеленные школьные коридоры, и особенно запах и шорох мела, пустой класс, в окне бьется пчела. Солнце прогревает сквозь стекла. Мел – другие уроки. Без учителей. В городке Каменка весна. Носят джинсы, и некоторые ездят на мотоциклах. У некоторых будет оставаться все меньше времени. Мы не успеем состариться. У страны странный подход. Река будет похожа на сон, на незагорелую полоску на её животе. Запомним мел твоих уроков, рассветов череду, очередность пастухов.

Запомним, что первой школой была каменоломня. Мы сбежали туда на перемене в первом классе. Она была видна со школьного двора в низине. Все показывали на три вертикали изломанных скальных профилей и говорили, что они похожи на Ленина, Маркса и Энгельса. Нам, первоклашкам, это ни о чем не говорило. Но очень захотелось посмотреть вблизи. Вблизи каменоломня оказалась огромной. Но очень уютной. Мы, как замороженные, лазили там несколько часов, забыв об уроках и Энгельсах. Забыв обо всем. Золотисто-белый известняк, пару ржавых вагонеток и куски металлических конструкций. Все подсказывало, что здесь есть какой-то вход. Но это не напоминало руины. Известняк на закате – это совсем не руины, понимаете?

ОЛЕГ ПАНФИЛ – прозаик, поэт, переводчик. Родился в 1962 году в Приднестровье. Окончил Кишиневский Госуниверситет. Книги прозы «Песни туземцев и пляски с чёрной собакой» (1992), «Дорога сновидений» (на румынском языке), «Школа сновидений», «Пиромания» (2006), «Ты-ы! Давай сбежим отсюда вместе» (2008). Премия журнала «Горизонт» за лучший поэтический дебют (1986). Премия фонда «Белый арап» (2008). Премия журнала «Tiuk!» за лучший перевод с румынского (2009). Живет в Кишиневе.

ГОСТЬ «РП»

Casa mare

АЛЕКСАНДР КАБАНОВ

ЛУКОВИЦА ОГНЯ

СТИХИ (1989–2010 г.г.)

МОСТЫ

1

Лишенный глухоты и слепоты,
я шепотом выращивал мосты –
меж двух отчизн, которым я не нужен.
Поэзия – ордынский мой ярлык,
мой колокол, мой вырванный язык;
на чьей земле я буду обнаружен?
В какое поколение меня
швырнет литературная возня?
Да будет разум светел и спокоен.
Я изучаю смысл родимых сфер:
пусть зрение мое – в один Гомер,
пускаяй мой слух – всего в один Бетховен.

2

Слюною ласточки и чирканьем стрижа
над головой содержится душа
и следует за мною неотступно.
И сон тягуч, колхиден. И на зло
Мне простыня – галерное весло:
тяну к себе, осваиваю тупо.
С чужих хлебов и Родина – преступна;
над нею пешеходные мосты
растают в землю с птичьей высоты!
Душа моя, тебе не хватит духа:
темным-темно, и музыка – взашей,
но в этом положении вещей
есть ностальгия зрения и слуха!

АБАЖУР

Аббу слушаю, редьку сажаю,
август лает на мой абажур.
Абниматься под ним абажаю,
пить абсент, абъявлять перекур.

Он устроен смешно и нелепо,
в нем волшебная сохнет тоска...
Вот и яблоки падают в небо,
и не могут уснуть аблака.

Сделан в желтых садах Сингапура,
пожиратель ночных мотыльков.
Эх, обжора моя, абажура!
Беспросветный Щедрин-Салтыков!

* * *

Какое вдохновение – молчать,
особенно – на русском, на жаргоне.
А за окном, как роза в самогоне,
плывет луны прохладная печать.
Нет больше смысла – гнать понты, калякать,
по-фене ботать, стричься в паханы.
Родная осень, импортная слякоть,
весь мир – сплошное ухо тишины.
Над кармою, над Библией карманной,
над картою (больничною?) страны –
Поэт – сплошное ухо тишины
с разбитой перепонкой барабанной...

Наш сын уснул. И ты, моя дотрога,
курносую вселенную храня,
не ведаешь, молчание – от Бога,
но знаешь, что ребенок – от меня.

* * *

Мой милый друг! Такая ночь в Крыму,
что я – не сторож сердцу своему.
Рай переполнен. Небеса провисли,
ночью в перевернутой арбе,
И если перед сном приходят мысли,
то как заснуть при мысли о тебе?
Такая ночь токайского разлива,
сквозь щели в потолке, неторопливо
струится и густеет, августев.

Так нежно пахнут звездные глубины
подмышками твоими голубыми;
Уже, наполовину опустев,
к речной воде, на корточках, с откосов –
сползает сад – шершав и абрикосов!
В консервной банке – плавает звезда.
О, женщина – сожженное огниво:
так тяжело, так страшно, так счастливо!
И жить всегда – так мало, как всегда.

* * *

Я отдыхал на бархате шмелей
еще гудящим от дороги взглядом,
Земля крутилась ночью тяжелей,
вспотев от притяженья винограда.
И пастухом рассветный луч бродил,
приподнимая облако бровями,
Но тишина не ведала удил,
и травы не затоптанные вяли.
Я по привычке не вставал с земли,
как тень недавно срубленного сада,
и пахли медом сонные шмели,
и капал яд с ужаленного взгляда.
Я слово недозревшее жевал, –
не опыленный шарик винограда,
И счастлив был, и оттого не знал,
что счастье – есть посмертная награда,
и гусеница медленно ползла,
как молния на вздувшейся ширинке,
наверно миру не хватало зла,
а глазу – очищающей соринки.

* * *

Напой мне, Родина, дамасскими губами
в овраге темно-синем о стрижах.
Как сбиты в кровь слова! Как срезаны мы с вами –
за истину в предложных падежах!

Что истина, когда – не признавая торга,
скрывала от меня и от тебя
слезинки вдохновенья и восторга
спецназовская маска бытия.

Оставь меня в саду на берегу колодца,
за пазухой Господней, в лебеде...
Где жжется рукопись, где яростно живет
на Хлебникове и воде.

УЖИН СНА ТУРЩИЦЕЙ

Лая белая собачка, пива темный человек.
 Вот вам кружка, вот вам пачка с папиросами «Казбек».
 А теперь, садитесь рядом, вот вам слово – буду гадом,
 обещаю, только взглядом...
 Душный вечер, звон в ушах,
 Всюду – признак божьей кары. Например, в карандашах.

К нам бросается набросок – андалузская мазня:
 ...сонный скрип сосновых досок, мельтешение огня,
 балаганчик, стол заляпан чем-то красным... - Вот и я!
 Будет вытащен из шляпы женский кролик бытия!

Без сомнений прикажите Вам зарезать петуха:
 вудуист и долгожитель, он – исчадие греха.
 Чесноком и красным перцем пусть бока ему натрут
 золотого иноверца – в винный соус окунут!

Ведь внутри себя ужалясь, как пчела наоборот,
 Смерть испытывает жалость, только – взятку не берет.
 В красках – СПИД не обнаружен, будет скомканой постель.
 А покуда – только ужин. Уголь, сепия, пастель.

* * *

Бахыту

Над Марсовым полем – звезды керосиновый свет,
 защитная охра, потерянный вишневый вельвет.
 Идешь и не плачешь, не плачешь, не плачешь, не пла...
 ...из холода, солода и привозного тепла.

Еще Инженерного – дынный не виден фасад,
 и жизнь одинока, и это она – наугад
 меня выбирала, копясь в кошачьем мешке,
 без всяческих выгод, не зная об этом стишке.

Когтистая музыка, книжное перевранье,
 попробуйте, твари, отклеить меня от нее!
 Попробуйте звукопись, летопись, львиные рвы,
 салат Эрмитажа, селедочный отблеск Невы!

Нас может быть трое на Марсовом поле: пастух,
 и мячик футбольный, в кустах испускающий дух.
 Забытый, забитый – в чужие ворота, и тот,
 который звезду над воинственным полем пасет.

Петром привезенный, с Кенжеевым накоротке,
 пастух-африканец, сжимающий пряник в руке.

На Марсовом поле – трофейный горчит шоколад,
и смерть – одинока, и это она – наугад,
ко мне прикоснулась, и больше не тронула, нет.
А лишь погасила звезды керосиновый свет.

* * *

Луковица огня, больше не режь меня,
больше не плачь меня и не бросай в Казань.
Ложкою не мешай, ложью не утешай,
память – мужского рода: чешется, как лишай.
Окунем нареки, вот мои плавники,
порванная губа, вспоротые стихи.
Вот надо мной проходят пьяные рыбаки.

Все на земле – мольба, дыр и, возможно, щыл.
Господи, Ты зачем комменты отключил?
Всех успокоит Сеть, соль и лавровый лист,
будет вода кипеть, будет костер искрист.
Будут сиять у ног – кости и шелуха...
Как говорил Ван Гог: «Все на земле – уха...»

* * *

Лесе

Кривая речь полуденной реки,
деревьев восклицательные знаки,
кавычки – это птичьи коготки,
растегнутый ошейник у собаки.

Мне тридцать восемь с хвостиком годков,
меня от одиночества шатает.
И сучье время ждет своих щенков –
и с нежностью за шиворот хватает.

А я ослеп и чуточку оглох,
смердит овчиной из тетрадных клеток...
И время мне выкусывает блох,
вылизывает память напоследок.

Прощай, Герасим! Здравствуй, Южный Буг!
Рычит вода, затапливая пойму.
Как много в мире несогласных букв,
а я тебя, единственную, помню.

* * *

А мы – темны, как будто перекаты
ночной воды по свиткам бересты,
и наш Господь растаскан на цикады,
на звезды, на овраги и кусты.

Затягиваясь будущим и прошлым,
покашливает время при ходьбе,
поставлен крест и первый камень брошен,
и с благодарностью летит к Тебе.

Сквозь вакуум в стеклянном коридоре,
нагнав раскосых всадников в степи,
сквозь память детскую, сквозь щелочку в заборе,
невыносимо терпкое «терпи».

Вот море в зубчиках, прихваченных лазурью,
почтовой маркой клеится к судьбе,
я в пионерском лагере дежурю,
а этот камень все летит к Тебе.

Сквозь деканат (здесь пауза-реклама),
сквозь девочку, одетую легко,
сквозь камуфляж потомственного хама,
грядущего в сержанте Головки.

И облаков припудренные лица
в окладах осени взирают тяжело,
я в блог входил – на юзерпик молиться,
мне красным воском губы обожгло.

Остановить – протягиваю руку,
недосягаем и неумолим
булыжный камень, что летит по кругу:
спешит вернуться в Иерусалим.

* * *

Длинная лапка у божьей коровки,
я поднимаюсь по ней без страховки,
цельную вечность готовился взлет,
слышу, как божья коровка поет:

«Крайний человечек, полети на небо,
дам тебе за это неразменный грошик,
две бутылки водки и осьмушку хлеба,
зажигалку «Zippo», сигарет хороших.
Полети на небо к своему прорабу,
поинтересуйся: «Как вы тут живете?»,
дам тебе за это – надувную бабу,
«Робинзона Крузо» в твердом переплете.
В память о полете, красные коровки
будут плавать брассом, бегать стометровки,
белые коровки в память о России,
сочинят поэму для коровок синих.

Мы своих артистов и своих ученых
выдадим по капле из коровок черных.
На земле у счастья – никакого шанса,
улетай на небо и не возвращайся!»

БЭТМЕН САГАЙДАЧНЫЙ

«Новый Lucky Strike» – поселок дачный, слышится собачий лайк,
это едет Бэтмен Сагайдачный, оседлав роскошный байк.
Он предвестник кризиса и прочих апокалипсических забав,
но, у парня – самобытный почерк, запорожский нрав.
Презирает премии, медали, сёрбает вискарь,
он развозит Сальвадора Даля матерный словарь.

В зимнем небе теплятся огарки, снег из-под земли,
знают парня звери-олигархи, птицы-куркули.
Чтоб не трогал банки и бордели, не сажал в тюрьму –
самых лучших девственниц-моделей жертвуют ему.
Даже украинцу-самураю трудно без невест.
Что он с ними делает? Не знаю. Любит или ест.

* * *

Крыша этого дома – пуленепробиваемая солома,
а над ней – голубая глина и розовая земля,
ты вбегаешь на кухню, услышав раскаты грома,
и тебя встречают люди из горного хрусталя.

Дребезжат, касаясь друг друга, прозрачные лица,
каждой гранью сияют отполированные тела,
старшую женщину зовут Бедная Линза,
потому, что всё преувеличивает и сжигает дотла.

Достаешь из своих запасов бутылку «Токая»,
и когда они широко открывают рты –
водишь пальцем по их губам, извлекая
звуки нечеловеческой чистоты.

* * *

Аццкий аффтар, вещей Баян, не много ль
мерзлых букв и мраморной крошки в твоих мечтах?
Посреди зимы проклонется редкий Гоголь,
очарованный, утконосый птах.

Снегопад, и ты живьем замурован в сказку,
где, на всех – для плача и смеха – одна стена,
и слепой художник вгоняет эпоху в краску,
а его бросают – любовница и жена.

Остается сирые книги в потемках трогать,
 браконьерствовать – водкой глушить тоску,
 и торчит звезды в заусеницах желтый ноготь –
 время штопать носки, уезжать в Москву.

Что Москва? Не зря Долгорукий в пьяном
 пароксизме взялся за этот труд:
 дальновиден был – потому, что даже славянам
 на погосте нужен свой Голливуд,

точка сборки, дворцовый ответ Бараку,
 вот и едем мы сквозь заснеженную страну –
 расстрелять поэта, отправить на Марс собаку,
 по большому счету выиграть войну.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ПИШ. МАШИНКИ

На лице твоём морщинка, вот еще, и вот...
 Засыпай моя машинка, ангельский живот.
 Знаю, знаю, люди – суки: прочь от грязных лап!
 Спи, мой олджэ. Спи, мой йцукен. Спи, моя фывап.

Терпишь больше, чем бумага (столько не живут).
 Ты – внутри себя бродяга, древний «Ундервуд».
 Пусть в Ногинске – пьют непальцы и поют сверчки,
 ты приляг на эти пальцы – на подушечки.

Сладко спят на зебрах – осы, крыльями слепя,
 вся поэзия – доносы на самих себя.
 Будет гоевая паста зеленеть в раю,
 западают слишком часто буквы «л» и «ю».

Люди – любят, люди – брешут, люди – ждут меня:
 вновь на клавиши порежут на исходе дня.
 Принесут в свою квартиру, сводят в туалет,
 и заправят под копирку этот белый свет.

АЛЕКСАНДР КАБАНОВ родился в г. Херсоне в 1968 г. После окончания факультета журналистики, живет и работает в Киеве. Автор восьми книг «Временная прописка» (1989), «Время летающих рыб» (1994), «Ласточка» (2002), «Айловьюга» (2003), «Крысолов» (2005), «Аблака под землей» (2007), «ВЕСЬ» (2008), «Бэтмен Сагайдачный» (2009) и многочисленных публикаций: «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Континет», «Арион», «Литературная газета», «Смена», «Зарубежные записки», «Волга», «День и ночь», «Радуга», «Рубеж», «Дети Ра», «Сетевая поэзия» и др.

Лауреат Международной премии им. Юрия Долгорукого (2005), журнала «Новый мир» (2005), литературной премии «Планета Поэта» им. Л.Н. Вышеславского (2007), Международной Волошинской премии (2009), «Русской премии» (2010).

Александр Кабанов – главный редактор журнала культурного сопротивления «ШО» (www.sho.kiev.ua) и один из фундаторов украинского слэма. Его стихи переведены на украинский, грузинский, английский, немецкий и нидерландский языки.

ПЕРЕВОД

КОНСТАНТИН КЕЯНУ

В КОНТЕЙНЕРЕ

Действующие лица:

Игор, 21 год

Серджиу, 29 лет

Виорел, 32 года

Донатас, Мама, Ион

Первый голос. «Молдова должна следовать ирландской модели», – говорит наш президент.

Второй голос. Вот почему молдаване хотят попасть в Ирландию.

Первый голос. В Ирландии нет рабочих мест для молдаван.

Второй голос. Поэтому молдаване работают в Ирландии нелегально.

Первый голос. Молдаване, желающие работать нелегально, не могут попасть в Ирландию.

Второй голос. Поэтому молдаване, которые работают в Ирландии нелегально, попадают туда в контейнерах.

Первый голос. Молдаване, которые попадают в Ирландию в контейнерах, перестают быть молдаванами.

Второй голос. Молдаване, которые попадают в Ирландию в контейнерах, становятся литовцами.

Серджиу. «Мано вардас Витаутус Вижус, есу иш Каунас, гивену Гидеминас гатвейе трисдешимт кетвиртас намас, бутас – шештас. Мано тево вардас Брониус, мама – Рената, туриу ду бролиус: Аруна ир Повила».

Виорел. И что ты сейчас сказал?

Серджиу. Да так, слова.

Виорел. Я понимаю, что «слова», а что они означают?

Серджиу. Тебе зачем?

Виорел. «Тебе зачем?» А тебе? Не для Ирландии? Может, и я себе литовский паспорт добуду.

Серджиу. А-а, брат, так это денег стоит.

Виорел. Что стоит? Литовские слова?

Серджиу. Ну да. Ты думаешь, мне их за так сказали, бесплатно?

Виорел. Паришь меня, да?

Серджиу. Паренёк, ты можешь иметь чудный литовский паспорт, но ты никогда не попадёшь в Ирландию, если на границе не докажешь, что ты литовец. Знающие люди говорят, что нужно знать хотя бы несколько слов на литовском. А всё стоит денег.

Виорел. И сколько ты заплатил?

Серджиу. По евро за слово.

Виорел. Скооолько? По евро? (*после паузы*) И как по-литовски «Меня зовут»?

Серджиу. Три евро.

Виорел. Почему три? Тут два слова – «меня» и «зовут» ...

Серджиу. А в литовском это три слова. Как в английском – «Май нейм из».

Виорел. По 50 центов не продашь?

Серджиу. Я платил по евро, а ему продай по 50 центов ...

Виорел. Ладно, пусть будет по евро. Как сказать «Меня зовут»?

Серджиу. Деньги ...

Виорел. Боишься, что не отдам?! (*доставая банкноту*). Видишь, пятёрка. Есть два евро сдачи?

Виорел протягивает банкноту в пять евро.

Серджиу. Погоди, а тебя интересует только «Меня зовут»?.. Литовское имя тебе не нужно?

Виорел. Ты хочешь сказать, что имя тоже стоит денег?

Серджиу. Ну да. И имя и фамилия. Выходит ровно пять евро. (*Забирает деньги.*) Или тебе без имени?

Виорел. Ну ты и мастер доить деньги ...

Серджиу. Слушай, за что купил, за то продал.

Виорел. Да говори уже эти твои слова ...

Серджиу. Так ... меня зовут ... допустим, Регимантас Дапкунайтис ...

Виорел. Кааак? Дай мне, ...*, что-нибудь попроще!

Серджиу. попроще ... Зовут тебя как?

Виорел. Я же сказал – Виорел.

Серджиу. Виорел ... а дальше как?

Виорел. ... Чобану.

Серджиу. Все литовские имена заканчиваются на -ус или -ас. Как и моё – Витаутас Вижус. А ты будешь ... Виорелус Чобанус.

Виорел. Виорелус Чобанус ...

Серджиу. Тогда слушай. «Меня зовут» по-литовски будет «Ма ... но ... тево».

Виорел. «Ма – но – тево»...

Серджиу. Хорошо. «Мано тево ... Виорелус Чобанус»...

Виорел. «Мано тево ... Виорелус Чобанус»...

Серджиу. Здорово.

Виорел. Погоди, я запишу. (*Пишет.*) «Мано тево Виорелус Чобанус». Так?

Серджиу (*заглядывая в бумажку*). Ты пишешь кириллицей?

Виорел. Да не липнет ко мне эта латиница.

Серджиу (*читает*). «Мано тево Виорелус Чобанус.» Нормально.

Виорел. «Мано тево Виорелус Чобанус»... А не кажется ли тебе, что ты должен вернуть два евро?

Серджиу. Мне не кажется.

Виорел. Это же моё имя!

Серджиу. Уже не твоё ... анус – это всё меняет.

* ненормативная лексика (ред.)

Виорел. Видал я жуликов, но таких как ты!.. Мама-мама, почему ты родила меня молдаваном и не родила литовцем! Литва сейчас в Евросоюзе, а Молдова в Союзе Г... .

Серджиу. Сейчас у молдаван литовские паспорта, а когда в Евросоюз войдёт Румыния, мы все станем румынами.

Виорел. А потом в Евросоюз войдёт Украина и мы все станем украинцами... Нет, турками! Турция войдёт в Евросоюз раньше Украины.

Серджиу. И тогда мы не будем говорить как теперь – «торопишься, будто турки идут», а будем говорить – «идут молдаване».

Виорел. Да я китайцем стану, только бы попасть в эту Ирландию.

Пауза.

Виорел. Ты заметил, что этот отель кишит мигрантами вроде нас? Я слышал и русскую речь, и украинскую, и румынскую ... Ты из каких мест?

Серджиу. А ты?

Виорел. Из Цынцарен, Новые Анены.

Серджиу. А я из Трушен, это рядом с Кишинёвом.

Виорел. Этот Донатас – надёжный человек?

Серджиу. Говорят, что да. Многих переправил в Ирландию.

Виорел. А что у него за метода? Выправляет ирландские паспорта?

Серджиу. Вроде того.

Виорел. Что «вроде того»? (*Серджиу молчит.*)

Виорел. Ненавижу я нашего молдаванина, если что узнает – не скажет никому, хоть голову ему оторви, только бы у другого не получилось!

Серджиу. Да, весь пакет документов – паспорт, водительские права – ты понял? И едешь вторым водителем на фуре, что идёт из Литвы в Ирландию. Тебе ясно?

Виорел. И сколько стоит это удовольствие?

Серджиу. Если попаду в Ирландию, буду должен ему 2500 евро.

Виорел. И у тебя есть эти деньги?

Серджиу. Часть мне одолжит приятель, остальное заработаю.

Виорел. Ехать в Ирландию вторым водителем на фуре это роскошь, не сравнить с тем, что ожидает меня.

Серджиу. И что же такое тебя ожидает?

Виорел. Есть три варианта, один другого веселее. Первый водитель обещал меня провезти привязанным под грузовиком. За триста долларов.

Серджиу. Знаю, что это такое ...

Виорел. Другой предложил провезти меня в ящике. Знаешь микроавтобусы, которые нашим за границу посылки возят?.. Так вот, этот умник соорудил за кабиной что-то вроде контейнера. Узкий, сантиметров тридцать. Завинчивает тебя туда, будто бы в стенку замуровывает, и висишь вот так, ни стоя, ни сидя. (*Демонстрирует позицию.*) Знаешь, сколько так простояли люди, которых он вёз в Италию?.. Два дня!..

Серджиу (*принимая показанную позу*). Два дня, говоришь?.. Можно выдержать.

Виорел. А самый прикольный вариант мне предложил один кадр – умрёшь от смеха! ... Говорит, возьмёт меня в кабину – он водитель фуры. И знаешь, где он хочет меня спрятать? В своём кресле.

Серджиу. Как это «в кресле»?

Виорел. Садись на этот стул ...

Серджиу. Ты говори, я пойму.

Виорел. Не поймёшь. Садись! (*Серджиу садится без особого энтузиазма.*)

Его кресло внутри почти пустое, один каркас. Залезаешь туда под кожу и под подкладку кресла, и садишься на каркас. Так, как сидишь. Я, как водитель, занимаю место в кресле (*Садится на руки Серджиу.*) И веду машину. Оп!

Серджиу. Чепуха. Не верю.

Виорел. Знаешь, сколько люди так терпели?.. По четыре-пять часов. Оп!

Серджиу. Да загнёшься так.

Виорел. А на границе, чтобы водитель казался совсем расслабленным, кладёт голову на подушку ... (*Кладёт затылок на лицо Серджиу.*) Как думаешь, сможешь так выдержать часа четыре?

Серджиу (*сбрасывая на пол Виорела*). Да отвали! ... Нашёл себе кресло!

Виорел (*смеётся*). Тяжело, да? Вот и я так сказал. «Креслом ехать не намерен ...» (*Читает.*) «Мано тево Виорелус Чобанус.» Правильно?

Серджиу. Лихо.

Виорел. Как настоящий литовец! ... Ты в который раз пробуешь?

Серджиу. В Ирландию – первый.

Виорел. Я – четвёртый, ...*. Один раз получилось.

Серджиу. Куда?

Виорел. В Ирландию.

Серджиу. Ты был в Ирландии?

Виорел. Не верится?

Серджиу. И как там?

Виорел. Интересуешься? А скажи, будь я такой же тварью, как ты, разве не потребовал бы пару евро за информацию?

Серджиу. Можешь ничего не говорить.

Пауза.

Виорел. Забавнее всего, как я туда попал. Такого в кино не увидишь ... На парковке во Франции я заметил фуру с ирландскими номерами. Верчусь вокруг неё, заглядываю в каждую щёлку, может, найду свободное местечко? ... И нашёл. На запасном колесе! Их ещё привинчивают под днищем фуры. А потом на этом колесе просидел восемь часов ...

Серджиу. На запаске?

Виорел (*показывает*). Вот так свернулся, видишь? ... (*Рычит мотором.*)
Всю дорогу просил: «Господи, сохрани эти колёса, пусть их не поменяют на запаску, Господи, убери гвозди из-под колёс этой фуры ...» Я научился молиться только здесь, в Европе, дома не было никакой нужды в Господе ...

Серджиу. Могу представить.

Виорел. Уже не верил, что доеду живым. После всего часа два лежал ничком. Болела каждая косточка ... И какое же гавно случилось со мной потом! Только я нашёл работу, только зарабатывать первые денежки, пара дней – и меня ловит полиция. В самолёт и – в Молдову.

Серджиу. А как тебя поймали?

* неперебиваемое богохульство.

Виорел. ...ля, поганая шавка из румынских цыган продала меня. В Дублине их как грязи. И знаешь, чем эти паразиты там занимаются? Приходят к тебе домой, будто бы попрошайничая, заводят сладкие речи, а, сообразив, что документов у тебя нет и быть не может, заявляют на тебя в полицию и получают по 400 евро.

Серджиу. А, знаю такое дело ... Я был в Греции, и там то же самое. Но могут сдать и свои же, не обязательно цыгане.

Виорел. Ма-ать этого цыгана за ногу, попаду в Ирландию – из-под земли откопаю и порву!

Входит Донатас, молча слушает сидящего на полу Виорела.

Серджиу (*напевает манеле.*) «Спуй доар ворбе-н вынт, Каре мэ фак сэ плынг ...»*

Донатас (*протягивая документы.*) Твой паспорт и водительские права. (*Кивает в сторону Виорела.*) Кто такой?

Серджиу. Мой земляк. Зашёл в гости.

Донатас. Учись расписываться как в паспорте, могут проверить. Слова выучил?

Серджиу. Да!

Донатас. Куо варду?

Серджиу. Мано вардас Витаутус Вижус.

Донатас. Куо варду таво мотина, таво текас?

Серджиу. Вильнюс.

Пауза.

Донатас. Ты молодец, Витаутас Вижус. Скажи так полицейскому, и он отправит тебя к маме.

Серджиу. А что, неправильно?

Донатас. Я тебя спросил, кто твои родители. А ты мне говоришь – Вильнюс. (*Виорел прыскает в рукав.*) (*Донатас, быстро.*) Куо варду таво презедент?

Серджиу. Воронин!

Донатас. Чего?

Серджиу. Адамкус!

Донатас. Адамкус твой президент, нопелт! (*Пауза.*) Всё, я пошёл.

Серджиу. А когда?..

Донатас (*не оборачиваясь*). Не надо спрашивать. Я скажу когда. Будь готов в любую минуту.

Донатас выходит, Серджиу тихо матерится ему в спину и начинает рассматривать документы.

Виорел: Напарил меня, да?

Серджиу. Чего это?

Виорел. Ты сказал мне не такие слова, как Донатасу. Ты ему сказал по-другому!

* Песня Ливиу Гица, исполнителя песен румынского цыганского жанра манеле.

«Ты бросаешь слова на ветер/ Которые заставляют меня рыдать/ Не верю ни одному твоему слову/ И слушать тебя не буду/ Сколько ты будешь так делать/ Так вот мне лгать/ Твоя мама меня не хочет /Она против меня/ Зачем ты лжёшь?!/ Зачем ты лжёшь?! Твои чувства совсем другие/ Твоё сердце хочет только меня ...»

«De ce ma minti» – Liviu Gita.

Серджиу. Не сказал я по-другому, что ты несёшь!

Виорел. Вот как ты сказал мне (*читает*): «Мано тево Виорелус Чобанус.» А ему ты сказал «мано вадрас ... вадрас!» не знаю что ... Я хорошо слышал!

Серджиу. Оставь меня в покое. И так правильно, и так.

Виорел. ...*, что за паршивая нация, ненавижу!

Закуривает сигарету. Серджиу рассматривает паспорт.

Виорел. Ну и рожа у этого Донатаса! ... Воткнёт в бок заточку и не поморщится ... (*Заметив, что Серджиу изучает паспорт.*) Дашь мне посмотреть?...

Серджиу (*показывая издаലെка*). Видал?

Виорел. Боишься, что съем. (?)

Виорел встаёт и нервно ходит по комнате. Через секунду выхватывает паспорт у Серджиу и начинает листать.

Серджиу (*вскакивая, разъярённо*). Отдай паспорт, ...*, не то порву твою морду!

Виорел. Хорошо сработан!

Серджиу (*орёт*). Дай сюда паспорт, зараза!

Виорел (*перелистывая*). Какая тупая у тебя рожа ...

Серджиу бросается на Виорела, хватая за горло, Виорел вскрикивает, выбрасывает паспорт и пытается вырваться из рук Серджиу. В конце концов Виорелу удаётся вырваться, Серджиу оставляет его и подбирает паспорт с полу.

Серджиу (*багровый*). Только коснись паспорта, и будешь жалеть всю жизнь! Я, ...*, когда нервничаю, я ненормальный, тты понял? Я могу убийство совершить!

Виорел. Если ты ненормальный, то сиди в сумасшедшем доме! Чуть не задушил меня, животное. Он, ...*, будет путешествовать с комфортом, в кабине, с паспортом, а я – как собака под грузовиком, и ещё лезет в драку! Эта сволочь продаёт мне неправильные литовские слова!! Пусть у тебя в горле застрянут мои пять евро!

Серджиу (*пауза*). Не пыли, я тоже ездил под автобусом.

Виорел. Ты – под автобусом? Не пудри мне мозги!

Серджиу что-то пишет.

Виорел (*остывая, пинает ногой стул*). ...*!

Серджиу. Не ломай мебель, платить будешь.

Пауза.

Виорел. А Донатас этот, как делает паспорта? ... Просто меняет фотографию? ...

Серджиу (*вполголоса напевает*). «Спуй доар ворбе-н вынт, Каре мэ фак сэ пlying...» **Виорел** (*подхватывает*). «Ну кред ничь ун кувинт, Ну те май аскулт...» Тебе нравится?

Серджиу. Что мне должно нравиться?

Виорел. Эта песня...

Серджиу. «Спуй доар ворбе-н вынт, Каре мэ фак сэ пlying...»

Виорел. Я по ней умираю... (*Вместе.*) «Ну кред ничь ун кувинт, Ну те май аскулт, Кыт вей май континуа, Сэ мэ май минць аша, Мама та ну мэ вреа, Еа ымпотрива мя...»

* ненормативная лексика (ред.)

Серджиу и Виорел поют вместе. Виорел знает слова.

Виорел. Я спросил тебя, как работает Донатас.

Серджиу. Сначала нужно раздобыть паспорт. «Ты бросаешь слова на ветер...»

Виорел. Что значит «раздобыть»? Он что их, рисует?

Серджиу. «Рисует!» ... Ты не видишь, что паспорт настоящий? Он покупает паспорта у живых людей в Литве. И меняет фотографии.

Виорел. И этот тип, Витаутас, живой?

Серджиу. Ну да. Продал свой паспорт Донатасу, а через месячишко пойдёт и заявит в полицию о пропаже. И сделает себе другой.

Серджиу что-то пишет.

Серджиу (*показывает листок Виорелу*). Похоже на подпись в паспорте?

Виорел. Как курица лапой.

Серджиу. Да иди ты ...

Виорел. Покажу тебе как нужно ... (*копирует подпись, глядя в паспорт*)
Гляди, один в один!

Серджиу. Кириллицей, да? Ха-ха! ...

Появляется Игор с сумкой.

Виорел (*замечая входящего Игоря*) ... у этого парня на лбу написано, что ждёт его дальняя дорога в контейнере.

Игор. Ребята сказали, что тут есть кто-то из Молдовы! Думаю, перекинусь словом с земляками ... (*Протягивая руку, представляется.*) Игор ...

Серджиу. Витаутас.

Виорел (*не подавая руку*). Виорелом меня зовут. Вместо того, чтобы бежать от земляков, ты идёшь к ним беседовать! ... В Ирландию, небось?

Игор. В Ирландию ... Не понял, зачем бежать от земляков?

Виорел. Поймёшь, поздно будет. Кто тебе сказал, что тут живёт молдаванин?

Игор. Украинцы со второго этажа.

Виорел. Точно?

Игор. Можешь пойти спросить.

Виорел. Итак, тебя ожидает путешествие в бизнес-классе. Не так ли? В контейнере.

Игор. Откуда знаешь?

Виорел (*Серджиу*). Говорил я?

Игор. Что ты говорил?

Виорел. Говорил. Что парень похож на путешественника в контейнере.

Игор. И что во мне такого особенного?

Виорел. Не знаю. Может быть, уши ...

Игор. А вы так не в контейнере?

Виорел. Каждый по-своему. Вот этот барин, к примеру, поедет вторым водителем фуры.

Серджиу. Мне не нужна реклама. Будет нужно, скажу сам.

Игор вынимает из сумки бутылку виски.

Виорел. О, да я вижу, ты из Молдовы! (*Серджиу.*) Стаканы в ванной?
Серджиу. Там.

Виорел уходит за стаканами.

Игор. Я из Теленешт.

Серджиу. Мано вардас Витаутус Вижус, есу иш Каунас.

Игор. Ничего не понял.

Серджиу. Это по-литовски. У меня литовский паспорт.

Игор. Я бы тоже не отказался.

Серджиу. Тогда и тебе нужно несколько литовских слов.

Игор. А ну скажи ещё раз!

Серджиу. Мано вардас Витаутус Вижус.

Игор. И что это значит?

Серджиу. Меня зовут Витаутус Вижус.

Игор. Мано вардас Витаутус Вижус.

Серджиу. Тсс! Чтобы тебя не услышал этот охламон! ...

Виорел приносит стаканы и приносит из холодильника салями и «Сникерс».

Виорел. Хлеба у нас нет.

Игор (*разливая по стаканам*). Неплохо живёте – салями и сникерс ...

Виорел. Ага, да. Я тут поработал грузчиком в одном магазине в Германии, и хозяин, вместо денег дал мне, ...*, колбасу и конфеты.

Игор (*улыбаясь*). Я думал, только в Молдове зарплату дают ботинками и стиральным порошком.

Виорел. Ничего, я тоже немцу сделал подарок, боком ему выйдет этот сникерс ...

Игор. И что ты ему сделал?

Виорел. Слышь, тут не Молдова. Тут не задают вопросов, тебе понятно? Тут наливают.

Игор разливает виски.

Виорел. За удачу!

Пьют и едят.

Виорел. Виски, салями и сникерс! Мы наконец вошли в Европейский Союз, уэй! ... Ха-ха-ха!

Включает радио, звучит музыка. Виорел и Серджиу танцуют.

Игор. Заметно, что вы побродили по Европе.

Виорел. Было.

Серджиу. А ты нет?

Виорел. Ты знаешь, который раз я пытаюсь попасть в эту клятую Ирландию? Четвёртый! Четвёртый, ...*, представляешь?? Однажды попал.

Игор. Серьёзно? И как она?

---

* непереводимое богохульство.

Виорел (*Серджиу*). Тебе не кажется, что этот парень задаёт много вопросов? (*Игорю*.) Я знал одного такого, как ты, и он продал меня полиции ... Ладно, чтобы тебе было ясно: в Ирландии как в Ирландии.

Игор. Что с тобой, человек? Я всего лишь спросил тебя, как в Ирландии...

Виорел. А я тебя предупредил: ты не дома, не задавай много вопросов. И закончили дискуссию. Наливай.

Игор разливает. Виорел и Серджиу перестали танцевать и пьют.

Игор. Ну, не знаю, как вы добрались до Бельгии, а у меня были приключения! ...

Серджиу. Что за приключения?

Игор. Я приехал из Италии на товарном поезде. Не на пассажирском, а на каком возят товары. Ехал целую ночь! Я никогда так не ездил! Сначала прорезал дыру в обшивке вагона – вагон был покрыт брезентом ... точнее, не я прорезал, а Ион, который нас сопровождал... Пять человек было: я, двое румын и двое индийцев ... Я первый раз спал в спальном мешке ...

Игор вдруг замечает, что его слушают весьма иронично. Серджиу и Виорел давятся от смеха.

Виорел. Ты слышал такое – «приключения»! ... Ха-ха-ха!

Серджиу. «... на товарном поезде ...» Ха-ха-ха!

Виорел. Ты не знаешь, как я добрался до Ирландии! ... Скажи ему, Серджиу! На запасном колесе, ...*, приехал! Думал, кончусь! ... Заставь меня ещё раз ехать на колесе, я бы за тысячу евро не согласился ... (*После паузы.*) Нет, за тысячу евро согласился бы ... Но доехать до Ирландии на запасном колесе, и чтобы там какая-то цыганская рвань тебя продала! ... (*Бьёт кулаком по ночному столику.*)

Серджиу. Не ломай мебель, платить будешь!

Игор. Как это – тебя продала?

Виорел. Интересно, да? Может, ты тоже займёшься? Будешь грести деньги лопатой!

Серджиу (*Виорелу*). Оставь ты, ...*, со своими деньгами! Человек просто так спрашивает, ты же видишь, не бывал он раньше в Европе! Ты теперь, как цыган тебя продал, своей тени боишься.

Виорел. Не боюсь я ничего. Не нравятся мне любопытные!

Серджиу (*Игорю*). Там платят, когда выдашь полиции нелегала. Пойдёшь в полицию, сообщишь, что по такому-то адресу находится нелегал, его арестуют и отправят домой, а тебе дадут 400 евро за информацию.

Виорел. Правильно, научи его! ... Завтра он тебя сдаст!

Серджиу. Да закройся ты один раз, Виорел! Парень пришёл с добром, угощает тебя висками, разговаривает как нормальный человек! ... С таким психом, как ты, я бы и двух дней не прожил.

Виорел. А я с тобой и двух часов!

Тишина. Виорел курит. Игор разливает. Пьют.

Виорел. Товарный вагон ... (*Игорю*.) Знал бы ты, через что я прошёл! Ещё немного и крикнул бы к чёртовой матери!

Серджиу. Да не прошёл ты того, что прошёл я.

Виорел. А через что ты прошёл, скажи, пожалуйста? Ты знаешь, что такое ехать на полу фуры с 25 другими пассажирами по оврагам и лесам Польши и Германии?

Серджиу. А ты знаешь, что такое ехать на полу фуры вместе с 60 другими людьми по оврагам и лесам Болгарии и Македонии?

Виорел. С 60 людьми не ехал, а с 25 – было. Ещё неизвестно что хуже.

Серджиу. А ты знаешь, что такое пройти пешком – пешком, слышишь?! – от Румынии до Греции за десять дней? ...

Игор. Зачем пешком?

Серджиу. А затем, что у тебя нет 2000 евро, чтобы этот путь проехать! Легально! А дашь 300 долларов и проделаешь марафон по Болгарии и Македонии за десять дней. Лучше сказать, за десять ночей, потому что днём мы идти боялись.

Виорел. Это цветочки. Ты перейди Одер в ноябре, когда воды по горло и яйца коченеют – вот это приключение. Одна женщина из Трансильвании там и осталась – в Одере.

Игор (наливая). Братя, я пришёл с вами побеседовать, посидеть за стаканчиком, а вы чуть что начинаете спорить.

Виорел. А мы беседуем! *(Почти в крик.)* Вот так вот по-приятельски общаемся! ... Посмотрим, как ты заворкуешь после волшебного путешествия в контейнере.

Все пьют.

Серджиу. Эти идиоты-проводники, они ведь что нам сказали? Пешком пройдем километров двадцать, остальное проедем в фуре. А было всё наоборот. Ехали 20 километров, пешком – 700 километров. И всё ночами!

Виорел. По пустой фуре мы разлетелись, как шары ... хлопались обо все стены ... держаться не за что, ничего не видно ... когда по тормозам, то все падали и подняться уже не могли ... тебе наступали на ноги, ты наступал на руки ...

Серджиу. В лесу слышали волчий вой. И как же спать? Некоторые забирались на деревья и привязывались к веткам веревкой, одеждой, чем угодно, и так спали ... Как обезьяны! *(Подражает обезьяньим крикам.)* Ха-ха-ха!

Виорел. Не так, эй! ... *(Подражает намного удачнее.)*

Серджиу. Ха-ха!

Серджиу пытается повторить крики Виорела. Виорел показывает ещё раз, вместе прыгают и изображают обезьян.

Виорел (показывая на Игоря). Ты видал его?! Я говорил тебе, тут нечисто! *(Игорю.)* Ты почему не делаешь как мы, а? А ну кричи обезьяной ... *(Серджиу.)* Не хочет! Я тебе точно говорю – его полиция послала. *(Орёт, пугая Игоря.)* Кричи, как обезьяна! ...

Игор. Оставь меня в покое ...

Виорел. Он – агент!

Серджиу. Агент!

Виорел и Серджиу идут к Игорю.

Серджиу. Кричи обезьяной! *(Показывает.)*

Виорел (ухает обезьяной.) Или делай как мы, или ... ты агент! ... *(Орёт.)* Давай!

Игорь неожиданно издаёт обезьяний звук.

Серджиу и Виорел. Ха-ха, наш человек! ...

Виорел. Как он испугался, цыплёночек!

Серджиу. Чуть штаны не намочил. Успокойся, мальчик, мы балуемся. Осталось ещё немного виски?

Игорь разливает по стаканам.

Виорел. Я так и не понял, попал ты в Грецию?

Серджиу (*кивает*). Человек 20 дошло. Из 60, представляешь?

Виорел. Хм ... у нас из 25 до Германии добрались 9.

Серджиу. Как мы голодали ... Я за десять дней сбросил килограмм 15. Еды брали на два-три дня – так нам сказали эти уроды, а шли десять дней ... Ели всё что попадалось по пути, вырывали друг у друга, воровали ... превратились в животных, настоящих животных, не владели собой ...

Виорел. А мне один чудила нарисовал литовский паспорт – не такой, как у Донатаса, издалека было видно, что фуфло. И запихали нас, семь душ всех наций и рас, в гружённую фуру. А на границе с Францией – стоп, контроль! ... Выловили нас между мешками, и – на досмотр. Раздели до ниточки. И часы, и обручалку с меня сняли. Пошуршали по одежде, повертели во все стороны, и вижу, полицейша одевает на руку резиновую перчатку и делает мне знак наклониться.

Серджиу. Ха-ха-ха! А ну, давай, Виорел из Цынцарень, свою задницу! Анальный контроль! Ха-ха! Знаю, что это такое!

Виорел. Люди добрые, братья европейцы, у меня в мыслях не было перевозить в заднице наркотики. Они же наркотики искали ... мне от Европы не нужно большего, чем местечко работы, чтобы денежку заработать и отослать домой жене и ребёночку. «Наклоняйся, и всё тут!» Ну, говорю, ладно, если так этого хочешь, ищи. Может, найдёшь что-нибудь! ...

Все смеются.

Серджиу. Прежде чем мы войдём в Европу, Европа войдёт в нашу задницу.

Виорел. Так и есть! Как мою задницу проверили, так и отпустили меня на все четыре стороны! ... Я даже обручалку забыл забрать, только меня и видели. А ты, Игор, морочишь голову своими приключениями! (*Серджиу.*) Видал героя... (*Смеётся.*)

Игор (*Серджиу*). Хорошо, добрался ты до Греции, а как оказался здесь, в Брюсселе?

Серджиу. А ты знаешь, как я попал в Грецию? Под автобусом.

Виорел. М-м, это уже интересно. Меня это ожидает уже совсем скоро. Расскажешь, или, может быть, тебе заплатить?

Серджиу. Да пошёл ты маме в ...

Игор. Под автобусом – это в нижнем багажнике?

Серджиу. В багажнике тебя найдут при самой простой проверке. Привязанным верёвкой и скотчем под днищем автобуса, лицом кверху, вот как!... (*Ложится и показывает.*) Пять часов пути ...

Игор. Ого! ...

Серджиу. На греческой границе чуть не наложил в штаны. Пограничники послали под автобус собаку. Хана, думаю, Серёжел, доигрался. Собака прошла

подо мной, чуть не задела шестью ... Но не лаяла, понимаешь? ... Не знаю, может, их на наркоту натаскивают, но на человека не реагирует ...

Молчание. Наливают и пьют.

Виорел. Это цветочки ... под автобусом. Ты на запасном колесе покатайся, увидишь, какое это счастье.

Игор. И почему ты не остался в Греции?

Виорел. А этот всё сыплет вопросами! Вопросы, вопросы, вопросы! ...

Игор. А что я такого спросил?

Серджиу. Спрашивай, Игор, не слушай этого придурка! ... Я поработал в Греции с полгода, не зарабатывал там ни хрена, и когда кто-то из наших ребят сказал, что в Ирландии легко найти работу, я сказал – а не попробовать ли и мне в Ирландию. Так и попал сюда, к людям Донатаса.

Пьют.

Виорел (*глядя в окно*). А что бы это значило? Вроде нашего распятия у дороги?

Игор. Эмблема НАТО. Тут же ставка НАТО находится, в Брюсселе. И Евросоюз здесь.

Серджиу. Вот мы и в НАТО, и в Евросоюзе ...

Виорел. Стоп, в НАТО нам искать нечего, мы – нейтральная страна. И Евросоюз нам не так уж нужен. Нам нужно прямо в Шенгенскую зону.

Пауза. Все стоят у окна.

Серджиу. Я поставил несколько распятий в сёлах. Я же строитель. Иногда по полгода ждал заказа. Не на что было хлеба купить.

Виорел. А я был учителем труда в Цынцаренской школе. Зарплата – 300 молдавских «долларов». Потом, когда учитель физкультуры уехал работать в Португалию, директор мне сказал: «Виорел Федорович, может быть, возьмёшь и часы по физкультуре?» Ещё 350 «долларов». Потом учитель географии уехал работать в Испанию, и я стал учителем географии.

Серджиу. Ты – учитель географии?

Виорел. Не похоже?

Серджиу. Ты же говорил, что не умеешь писать латинскими буквами?

Виорел. А у меня были старые учебники. География та же самая. А ну, назови столицу Мадагаскара? ... Не знаешь!

Игор. Антананариву.

Виорел (*присвистывает*). Откуда знаешь, а? (*Серджиу.*) Он точно агент ... Первый человек, который мне назвал столицу Мадагаскара.

Серджиу. Да ты, наверное, всего одну столицу и знаешь ...

Виорел. А больше и не надо. Как только меня заводил какой-нибудь очумелый ученичок – «А ну встань, назови столицу Мадагаскара! Не знаешь? Садись, два. Антананариву!» Неделю учился произносить. Я парень способный, если бы ещё латинские буквы освоил, мог бы преподавать и румынский язык, как раз место освободилось. (*Игорю.*) А ты, наверное, только закончил десять классов, да?

Игор. Одиннадцать.

Виорел. И почему не поступил куда-нибудь учиться?

Серджиу. И что потом делать с дипломом – подтираться?

Игор. Отца нет, мама в Италии. Дома остались брат и сестра ...

Серджиу. У тебя есть человек, который тебя перевезёт в контейнере?

Игор. Да есть тут один, Ион ...

Появляется Ион.

Игор. ... специалист по контейнерам. Говорит, уже лет десять в Европе. Совсем уж стал европейцем. *(Иону.)* Ион, ты кто по профессии?

Ион. Вор. Широкого профиля.

Игор. Многих переправил в Ирландию?

Ион. Многих без троих.

Игор. Что значит «без троих»?

Ион. Троих нашли мёртвыми.

Игор. А что случилось?

Ион. Им не повезло.

Игор. Иоане, ты говоришь, десять лет не был в Молдове, совсем не скучаешь?

Ион. Ты по тюрьме скучаешь? Я, если вернусь, сразу сяду.

Игор. Почему?

Ион. Бросил гранату в окно одному приятелю.

Игор. Зачем?

Ион. Взял у меня деньги и не хотел возвращать ... Полицию на меня натравил ... Ладно, план такой. Идём в магазин и покупаем спальные мешки, инструменты, еду. Как стемнеет, идём к вокзалу.

Игор *(Виорелу и Серджиу).* Когда ехали из Италии в Бельгию, я купил всё что нужно – спальник, еду, инструменты. Вижу – Ион выходит из магазина с пакетиком орехов. *(Иону.)* Это вся твоя еда?

Ион распахивает полы куртки, и оттуда выпадают колбасы, банки пива, пепси, конфеты, спальный мешок, инструменты. Остальное вытаскивает из карманов.

Ион *(складывая всё в рюкзак).* Учись жить в Европе! *(Исчезает.)*

Виорел. Где ты откопал этого Иона?

Игор. Я знал о нём ещё в Молдове. Что в Италии есть человек, который переправляет в Ирландию и Англию.

Виорел. Наш молдаванин нигде не пропадёт.

Игор. Хорошо, что мама работает в Италии, она сделала мне вызов, и я сразу его разыскал.

Появляется мама, пересчитывает какие-то деньги.

Мама. Сколько, говоришь, он просит у тебя денег?

Игор. Тысячу.

Мама. Игораш, так не хочется тебя отпускать! ...

Игор. Мама, ты уехала в Италию, когда я был в 8 классе, и тебе кажется, что я остался тем же ребёнком. Всё в порядке. Этот человек переправил сотню ребят в Ирландию.

Мама. Расскажи мне, как это будет. Я хочу знать всё.

Игор. Очень просто.

Мама. Как просто? Пока не расскажешь, я не дам тебе денег!

Игор. Просто, мама. ... Вечером вскрываем товарный вагон, ночью едем, утром мы уже в Бельгии, прячемся где-нибудь в поле и дожидаемся темноты. Ночью идём на вокзал, где Ион вскрывает контейнер, выбрасывает из него всю требуху и засовывает туда меня. Закрывает меня там и запечатывает контейнер. И остаюсь я один, мама, на два дня и две ночи. Это в лучшем случае. Поезд отвозит контейнер в порт, там его грузят на корабль, и я плыву в закрытом контейнере без еды и воды. На третий день, если не задохнусь, если не разобью голову, когда кран подымет мой контейнер на корабль, если корабль не потонет ... вот тогда я вскрою свой контейнер, если смогу его вскрыть, выйду на волю и найду эту Ирландию, если найду ... и пойду искать себе работу! *(В сторону.)* Не могу же я сказать маме ...

Мама. Маме нужно говорить всё!

Игор. Я же тебе говорю, мама. Берём себе спокойненько билет до Бельгии. Там, в Бельгии, мой приятель знает капитана корабля, который возьмёт меня к себе в кабину. Поплыву в капитанской кабине, представляешь? А в Ирландии работа есть на каждом шагу!

Мама. Ты сказал 1000 евро.

Игор. Тысяча.

Мама. Смотри, здесь 1500. Как доедешь, позвони мне, понял?

Игор. Да.

Мама *(обнимая его)*. Мой котёнок, храни деньги в надёжном месте, не забывай перекреститься три раза и сказать «Отче наш». Не забудь! *(В сторону.)* Знаю ведь, что обманывает меня, знаю, что не поедет в капитанской кабине. Как я могу, Господи, отпустить его? Дома, в Молдове, я не позволила бы ему ехать одному даже к родственникам в Бричаны, а тут отпускаю его в Ирландию! ... Господи Боже мой, что со мной, разум я потеряла? ...

Мама исчезает.

Серджиу *(подымаясь)*. Я уже полчаса хочу отлить, а всё не иду ... *(Идёт в ванную.)*

Игор. Я следующий!

Виорел. М-да ... в контейнере удовольствие ниже среднего ... *(Игорю.)* Иди глянь, не осталось в холодильнике чего-нибудь ...

Игор идёт к холодильнику, а Виорел незаметно достаёт из куртки Серджиу, висящей на спинке стула, литовский паспорт с водительскими правами и прячет в карман. Игорь приносит кусок колбасы.

Игор. Сникерсов больше нет.

Виорел. О чём это мы? ... А, о контейнере. И мне выпало такое счастье. Ехали мы дня два, и слышим – кто-то открывает контейнер снаружи. Полиция! ... Знаешь, как они сообразили, что мы внутри? Была зима, от дыхания шёл пар, и та сторона контейнера, где мы сидели, снаружи намочла.

Возвращается Серджиу.

Виорел *(подымаясь)*. Что, парни, пошли по домам, которых у нас нет? ...

Серджиу. Ты говоришь о контейнере, а знаешь, как моя сестра попала в Израиль? Тоже на корабле, но спрятавшись в спасательную шлюпку. На соро-

каградусной жаре. Их выпускали только ночью на полчаса, съесть кусок хлеба ... И так они плыли из Одессы до Израиля, две недели ...

Виорел. Давай, наливай ла ботул калулуй*, и тронемся.

Игор разливает.

Виорел. В добрый час, ребята! Людьями надо быть – вот что главное!! (*Допивает и начинает напевать.*) «Де че мэ минць? Дече мэ минць?»

Серджиу (*подхватывает*). «Еу штиу кэ нуй чея че симць, Инима та доар пе мине мэ вреа».

Виорел и Серджиу кладут друг другу руки на плечи и поют, Игор присоединяется к ним, и, не зная слов, проникновенно мычит в такт.

Виорел. Будьте здоровы, ребята! (*Уходит.*)

Игор. Я, кажется, тоже собирался отлить ... (*Выходит.*)

Серджиу, продолжая петь, шарит по карманам куртки Игоря, находит портмоне, вынимает деньги и засовывает под матрас, портмоне возвращает на место. Появляется Игор.

Игор (*берёт куртку*). Спокойной ночи и доброго пути. Может, ещё увидимся в Дублине?

Серджиу. А ты в Дублин собираешься? А я ... не знаю пока ... Давай, удачи тебе! ...

Игор выходит. Серджиу вынимает деньги из-под матраса, пересчитывает, присвистывает и засовывает в свою сумку. От счастья начинает мурлыкать всё ту же песню. Растягивается на кровати. Приглушает свет ночника.

Пауза. Стук в дверь.

Серджиу. Кто?

Донатас. Открывай!

Входит Донатас.

Донатас. Собирайся! (*Пауза.*) Твоя машина приехала.

Серджиу спешно собирает вещи, запикивает в сумку, потом надевает куртку.

Донатас. Документы не забудь.

Серджиу хлопает по карманам, пытается найти паспорт. Не находит. Замирает на несколько мгновений, пытается что-то вспомнить. Потом начинает метаться по комнате, заглядывая в шкаф, в ночной столик, выбрасывает вещи из сумки, роется в ней.

Серджиу. Нету ...

Донатас. Чего у тебя нету?

Серджиу. Паспорта нету ...

Донатас. Ты так не шути ...

Серджиу (*хватаясь за голову*). ... ...* де Виорел дин Цынцарень! ...

Донатас. Что ты лепечешь?

* Ла ботул калулуй – «на посошок», буквально: «на морду лошади».

Серджиу. Украл. Паспорт украл.

Донатас. Кто?

Серджиу. Земляк украл, вот кто! ... ..*, покрошу! Уничтожу!

Донатас (*после небольшой паузы*). Значит, так. Если бы ты доехал до Ирландии, ты дал бы мне две с половиной штуки. А так за паспорт и права ты должен мне полторы. Ты понял?

Серджиу. Донатас, у меня сейчас ничего нет ...

Донатас. Давай деньги, ...*, или ты покойник.

Серджиу. Донатас, ей-богу нету у меня. Я заработаю и отдам.

Донатас медленно идёт к Виорелу, опуская правую руку к поясу.

Серджиу суетливо достаёт деньги Игоря и протягивает Донатасу. Донатас не торопится их брать.

Донатас. А говорил – нету. Жадный ты какой.

Наконец забирает деньги и уходит.

Серджиу. Донатас, может быть, ты мне как-нибудь поможешь? Я сейчас совсем без ничего ...

Донатас (*задержавшись в дверях*). Я тебя не знаю и никогда не видел.

Серджиу. Донатас!! ...

Донатас выходит.

Серджиу. И что я теперь буду делать? ... Что я буду делать? ... ..*, землячок. Порежу, ...*! (*Бьёт кулаком и ногами по стульям, по столу, по стенам.*) Хорошо хоть взял деньги у этого сосунка, а если бы нет? ... Убил бы Донатас! ... Виорел, мать твою, повешу, ...*, кишки выну и разбросаю по стенам, если попаду в Ирландию! ... Как я мог так лохануться?! Как мог? ...

Серджиу воет, падая на кровать.

Серджиу. «Мано вардас Витаутус Вижус, есу иш Каунас, гивену Гидеминас гатвейе тридешимт кетвиртас намас, бутас – шештас. Мано тево вардас Брониус, мама – Рената, туриу ду бролиус: Аруна ир Повила». (*Громче.*) «Мано вардас Витаутус Вижус, есу иш Каунас, гивену Гидеминас гатвейе тридешимт кетвиртас намас, бутас – шештас. Мано тево вардас Брониус, мама – Рената, туриу ду бролиус: Аруна ир Повила». (*Воет.*) «Мано вардас Витаутус Вижус, есу иш Каунас, гивену Гидеминас гатвейе тридешимт кетвиртас намас, бутас – шештас. Мано тево вардас Брониус, мама – Рената, туриу ду бролиус: Аруна ир Повила».

Звучит песня – манеле.

Темнота.

Игор и Ион на путях, у Игоря рюкзак.

Ион. Видишь – там контейнеры, синий и красный. Красный твой.

Игор. Ещё жёлтый – и будет наш триколор.

Ион. Слушай сюда, сейчас охрана отойдёт, и рвём ... Памперсы купил?

Игор. А без памперсов нельзя?

Ион. Если ты не будешь отливать три дня ...

Пауза.

* ненормативная лексика (ред.)

Ион. Давай! ...

Ион осторожно снимает пломбу и открывает контейнер. Видны товары, разбросанные по фольге.

Ион. Смотри, вот инструменты, запоминай, куда кладу. Когда доедешь, сделай, как я учил: сунь эту штуку сюда и лупи по ней молотком, пока не откроется. Ясно?

Игор. Ясно.

Ион достаёт из рюкзака большой мешок из плёнки.

Ион (*открывая*). Давай! ...

Игор. Что?

Ион. Лезь ...

Игор. Зачем?

Ион. Слушай, ты хочешь ехать, или нет?

Игор. Зачем мне лезть в эту штуку! ...

Ион. Этот контейнер вакуумный. Закрывается герметично, понимаешь? Задохнёшься за час. У них есть специальные приборы, которые контролируют уровень двуокиси углерода. Если его много, значит, кто-то внутри дышит.

Игор. И как я там буду дышать?

Ион. Через дышалку.

Игор. Какую дышалку?

Ион. Ты лезешь или нет?

Игор. Не полезу, пока не объяснишь.

Ион. Ты лезешь в мешок, я его завязываю. В горловину мешка пропускаю шланг, а конец выпускаю через дырку наружу. Это и есть дышалка.

Игор. Ты уже кого-то так провозил?

Ион. Однажды я провёз в таком мешке четверых – троих мужиков и женщину. И доехали. В вакуумном проще всего провезти, тебя так труднее поймать.

Игор. А были случаи, когда кого-то полиция ловила?

Ион. А были случаи, когда кого-то полиция ловила, и когда кто-то задохнулся.

Игор. Как задохнулся?

Ион. На их дышалку поставили другой контейнер. И задохнулись все трое. По телевизору показывали, не видел?

Игор. Нет.

Ион. Я говорю тебе это, чтобы ты был готов ко всему.

Игор. А без того, чтобы лезть в этот сучий мешок, нельзя?

Ион. Если хочешь задохнуться ...

Игор. Да я в нём и задохнусь!

Ион. Ты лезешь или нет? Сейчас вернётся охрана.

Игор. ... ...*, почему ты ничего не говорил об этом мне раньше? Я не знал об этой дышалке!

Ион. Успокойся, парень, всё будет в порядке. Я многих ребят провёз, и все они были мне благодарны.

Игор. И что, я буду дышать через этот шланг?

Ион. Не смотри, что он тонкий, воздуха входит достаточно. Быстрее, у нас нет времени.

Игор. А если и мне перекроют дышалку?

Ион (*философски*). Как повезёт ... (*Раздражённо*.) Лезь, ...*, быстрее! Перед тобой я отправил пять человек, и всех вернули обратно – я ни шиша не заработал! Не могу я больше терять деньги!

Игор. Чтобы ты знал – если со мной что-то случится, у тебя будут проблемы, ты понял меня?

Ион. Я понял тебя.

Игор. Я обещаю тебе большие проблемы.

Игор неохотно лезет в мешок. Ион сунул конец шланга в мешок и завязал его.

Ион. Попробуй подышать. Дышишь?

Игор. Дышу.

Ион делает дрелью дыру в контейнере и просовывает шланг.

Ион. А сейчас можешь дышать?

Игор. Могу ...

Ион. Видишь, как хорошо! Смотри не порви мешок, а то воздух попадёт в контейнер ... Когда доедешь, переведи мне деньги на счёт, договорились?

Игор. Договорились.

Ион. Меньше двигайся, чтобы шланг не вылез из дыры.

Игор. Ясно.

Ион. Если тебя поймают, проси политического убежища.

Игор. Я знаю, что мне делать.

Ион. Ну, как, дышишь?

Игор. Дышу.

Ион. Ладно, я ушёл. Доброго пути!

Игор. Да пошёл ты в ж...! ...

Ион закрывает контейнер и возвращает на место пломбу.

Темнота. Молчание.

Голос Игоря (*иногда слышно тяжёлое дыхание*). Ион закрыл и запломбировал контейнер. Не знаю, сколько времени я сидел в тишине. Часа два, наверное. Я уснул. Проснулся от ощущения, что падаю в пустоту. На самом деле, контейнер поднял кран. (*Слышны звуки, издаваемые Игорем*.) Мне показалось, его поставили на платформу поезда. Потом поезд поехал. Звук колёс я едва слышал, будто бы издалека. Труднее всего привыкнуть к этой глубокой темноте. Кажется, что ты ослеп и никогда больше не сможешь видеть... А потом другой кран поднял контейнер и установил его на корабле. Это напомнило мне детство, я будто бы катался на качелях.

... Не думаю, что когда-нибудь расскажу маме, как я попал в Ирландию.

Голос Мамы. Почему, Игораш, ты не сказал мне правды?

Голос Игоря. Я боялся, мама, что ты не разрешишь мне ехать в Ирландию.

Голос Мамы. Какая мама позволит ребёнку ехать в контейнере в Ирландию?! Больше всего виню себя за то, что дала тебе деньги своей рукой! Своей рукой сунула тебя в контейнер! Не прощу себе! ...

Голос Игоря. Денег у меня уже нет, мама ...

Голос Мамы. Как это нет?

Голос Игоря. У меня их украли.

Голос Мамы. Как украли? Кто украл? 1500 евро, ты понимаешь, какие это деньги? ... Где же ты их держал? Господи Боже мой, у меня голова разболелась! ... *(Со слезами.)* Я же тебе сказала, как большому мальчику – спрячь деньги в надёжном месте! Боже, сколько я работала за эти деньги! ... Как ты мог?! ... *(Изменившимся голосом.)* О, Господи, что со мной? ... Игораш, прости меня ... Я не знаю, что говорю ... Большое дело – 1500 евро! ... Ничего, мама ещё заработает денег. Пошлю тебе в Ирландию ... Хорошо? Пошлю тебе в Ирландию, хорошо? ... Можешь дышать, Игораш? ... Я не слышу тебя ...

Голос Игоря. Да ...

Пауза.

Голос Мамы. Знаешь, что я вспомнила? Как я тебя рожала. И как врачи боялись, чтобы ты не задохнулся. Я ведь так тяжело тебя родила.

Голос Игоря. А я вспомнил бабушку. Она рассказывала мне, как большевики отправили людей в вагонах для животных в Казахстан. Говорила, что в вагоне было маленькое окошко, обвитое колючей проволокой, и люди толпились у этого окошка, чтобы ухватить глоток свежего воздуха. Внутри было мерзко, потому что по нужде ходили там же – им не позволяли выходить из вагона пять дней.

Голос Мамы. Не думай о плохом, Игораш, думай о хорошем, и дыши, дыши ...

Голос Игоря. Мама, а знаешь, кто украл мои деньги? ...

Голос Мамы. Не думай больше об этом.

Голос Игоря. Наш парень, молдаванин. Казался нормальным ... И ребёнок у него остался дома ... Кому теперь можно верить? ... Хорошо хоть в Ирландии я не буду молдавном. Раздобуду себе литовский паспорт. «Мано вардас Витаутус Вижус ...» Видишь, я выучил несколько литовских слов ...

Голос Мамы. Какой у мамы умный мальчик! Игораш, о деньгах не переживай, мы договорились? Я же сказала, мама пришлёт тебе. У мамы ещё есть.

Голос Игоря. Мама, наша Молдова – это контейнер. Кто угодно хватает и тащит куда хочет. Хочет в Казахстан – везёт в Казахстан. Хочет в Европу – везёт в Европу...

Голос Мамы. Игораш, не разговаривай, береги воздух.

Голос Игоря. Мама, мы – люди из контейнера. Кто угодно может нас посадить в него и отправить куда угодно. Даже не надо сажать, мы сами сядем. Вот Валериу, мой приятель, пишет мне из Англии. «Я, говорит, и здесь чувствую себя, как в контейнере. По рельсам передвигаюсь каждый день: квартира – работа, работа – квартира. Мы не можем смешаться с их жизнью, мы живём тут будто бы в контейнерах. Они в своих контейнерах, мы – в своих. Мы носим свои контейнеры с собой, как улитки».

Голос Мамы. Успокойся, Игораш, посмотри как ты сопишь, еле дышишь... Дыши спокойно, давай! ... Когда я тебя родила, знаешь, как трудно мне было? Я так боялась, чтобы ты не задохнулся. Медики кричали на меня. Одна докторша назвала меня коровой, потому что я орала часами напролёт.

Голос Игоря. Мама ...

Голос Мамы. Не разговаривай, Игораш, береги силы. Мама сама будет говорить! Я всю ночь мучилась, рожая тебя. Валялась по полу от боли, Игораш,

на стенки лезла, и только на третье утро родила тебя ... Игораш, дыши, чтобы я тебя слышала ...

Голос Игоря. Мама, ты никогда мне об этом не рассказывала.

Мама (*прислушиваясь к дыханию Игоря*). Не разговаривай, Игорь! Я была полумёртвая, даже не помню, как тебя родила, а твой папа плакал от радости! ... Дыши, Игораш! ...

Игор. Дышу, мама ...

Мама. Дыши, не разговаривай! ... Когда я пришла в себя, я не понимала, что со мной: вроде в животе у меня было что-то большое, будто бы какой-то орган ... Дыши, Игораш, дыши, чтобы я слышала тебя, дыши, чтобы я чувствовала твоё тёплое и сладкое дыхание младенца, дыши, Игор!!!

Игор. Мама ...

Мама. Молчи, Игораш! ... А это не был орган, это был мой мальчик, Игораш. И ты выкатился в мир ... И ты плакал, и дышал теперь сам, без моей помощи ... Дыши, Игораш, дыши, чтобы я слышала тебя, дыши, Игор!!!

Мама исчезает в темноте, а мешок со шлангом залит светом.

Из него выкатывается голое, бездыханное тело Игоря, одетое в памперсы.

Занавес

Перевод с молдавского
ОЛЕГА КРАСНОВА

КОНСТАНТИН КЕЯНУ – драматург, прозаик, журналист. Родился 21 сентября 1959 г. в с. Трушены Стрэшенского района (Молдова).

В 1982 г. окончил филологический факультет Государственного университета Молдовы. Член Союза писателей Молдовы. Сотрудник Союза театральных деятелей и Министерства культуры Молдовы. Автор автобиографических книг «Все обо мне!» и «Секс и Перестройка». Двенадцать пьес были поставлены в Молдове и Румынии.

Лауреат премии Союза писателей Молдовы в области драматургии (1998); премии Национального конкурса драматургии (1995, 1997); премии Союза писателей Молдовы в области прозы (1999). Пьеса «В контейнере» переведена на русский язык впервые.

ОЛЕГ КРАСНОВ – публицист, прозаик, переводчик, учредитель независимого Литературного фонда «Белый Арап» и одноимённой Литературной премии. Исполнитель роли Донатаса в театре им. А. Матеевича (Кишинёв).

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

НОВЕЛЛА КИСЕЛЁВА

*29 июня Новелле Николаевне Киселёвой
исполнилось 80 лет.*

*Дорогая! Наша нежная, чуткая, мудрая, добрая Новеллочка,
Поздравляем! Живите долго!*

АЛЗАМАЙ

Сестре Лене

О, как давно уехали из мест,
Где, беженцев, нас приютил посёлок,
И был он неказистый, невесёлый,
Но как любили мы леса окрест!

И речку Апашет. За тупиком
Росли деревья – ёлочки и сосны,
И дом одноэтажный и неброский,
Шоссейная дорога за окном...

А там, за огородами, в садах,
Черёмуха цвела, благоухая.
Мы жили с благодарностью, не хая
Своих соседей, с совестью в ладах.

И с мамочкой сидели на крыльце
По вечерам. Мечтали о Победе,
О том, что папа наконец приедет.
Я очень тосковала об отце!

А ты была малышкой, без причуд,
Жила счастливой, полудетской жизнью,
И на тревогу взрослых об Отчизне,
Всегда кричала: «Гитлеру – капут!»

Мы рвали землянику на лужках,
Бесстрашные, вдвоём везде ходили,
В холодной речке по весне бродили
И складывали песню о жарках.

Не знаю, где ещё они цветут,
Пространство красотой наполняя?
Где щедрая тайга ещё такая,
И заросли брусничные зовут?..

Благословен будь, милый Алзатай,
На крупных картах пусть не обозначен,
Ну, а для нас ты очень много значишь,
В сердцах навечно! Ты об этом знай...

БЕЖЕНЦЫ

Бежали наугад, впотьмах.
Разрывы бомб, казалось, близко...
Какой руки злоеший взмах
Рождал безумие и страх
И вместе с тем бесстрашие риска.
О, мама бедная моя!
Как ты спасти хотела дочек,
Казалось, разум обесточен,
Но сердце вывело тебя!
Бомбоубежище – подвал
Какого-то большого дома.
Ты милостью небес ведома:
Нас миновал разрывов шквал.
И многих поместил подвал,
Всё больше женщины и дети,
Пытливый детский глаз приметил.
Вдруг – грохот! Ахнули – обвал!
Потом узнали, что фугас
Разворотил стену у входа,
И мы в плену! И безысходность
У всех в расширенных глазах.
Один военный командир
(Я помню ромбики в петлицах)
Увидев страх на бледных лицах,
Отрывисто проговорил:
«Всем успокоиться! Спасут!
Нам всем терпения набраться,
И мы поделимся по-братски:
Питьём, едой... А им – капут!»
...Спасли, с трудом убрав завал.
Мы добежали до вокзала.
Я с удивлением сказала:
«Наш узелок никто не взял!»
В войну и к ценностям иным
Мерилом люди подходили.

Что вещи? – Люди уходили
Так, навсегда... В огонь и дым.
...Вповалку спали на полу.
Состава все не подавали.
Жакетик мамин поменяли
На булку хлеба и на лук.
Был голос радостный нелеп:
«Пришел товарный!» Все – к перрону!
Не обошлось и без урону:
В толпе я потеряла хлеб.
Сестра – малышка на руках
У нашей мужественной мамы.
Я плачу сзади... В страшных снах
Приходят лет военных драмы.
«Я потеряла хлеб!» – кричу.
«Оставь. Иди ко мне скорее!»
Но я, зажатая, молчу:
Толпа – желаний всех сильнее.
И наконец к руке родной
Я прижимаюсь лбом, губами...
...В теплушке рядом лёг больной.
Сыпняк! В жару. Скрипит зубами.
И мама с нар детей своих
В охапку – на пол. Мы слезаем,
Едва отъехав. Со слезами.
Вновь на вокзале ожидаем.
А путь наш долг был и лих...

* * *

Не русалка, не добрая фея
Полоскала бельё у реки,
На закатном свету пламенея,
Брызги радуг роняя с руки, –

Это мама, ещё молодая!
Где она – там тепло и уют.
Словно птичья весёлая стая,
Руки мамы повсюду снуют.

Необычно пахучей и сладкой –
Горсть малины из маминых рук!
И казалась несложной загадкой
Жизнь моя без потерь и разлук.

Ну, какая же, Господи, драма
В том, что где-то гнездится беда,
Если рядом – всесильная мама,
Что беду изведёт без следа?

Я о прошлом жалеть не умею,
 Но волнуется сердце моё,
 Только вспомню: прекрасная фея
 Полоскала на речке бельё.

ЗВУЧАЛО В РОЩЕ...

Давным-давно здесь лестница была.
 Остались только каменные плиты,
 Зелёным мхом и временем сокрыты.
 ...Но кто стоит здесь? Кофточка бела,

Батист, расшитый мелким ришелье
 И зонтик светлый. В лайковых перчатках.
 В руке зажат роман едва начатый,
 На шее из жемчужинок колье.

О, как она воздушна и мила,
 А смех её и серебрист, и звонок.
 Она, по сути, взбалмошный ребёнок,
 Ушедшая из дома без мадам.

В тот ранний час свистели соловьи,
 Стучали дятлы, где-то на опушке.
 Она идёт. Навстречу – господин.
 «Я знаю Вас... Я слышала... Вы – Пушкин» –
 – «Как! В этот час и Вы совсем одна?
 Не по годам Вы смелы. Но опасно
 Одной. Вы здесь бывали часто?»
 Очарование нарушено мадам:

«Ау-у! Алина, Вы совсем несносны.
 Не вижу Вас, кругом дубы и сосны,
 Кусты колючие». – «Тс-с-с...» Пальчики – к губам.
 Она ещё помучает мадам.

«Прошу Вас, напишите мне лишь строчку.
 Я помнить буду!» Беленький листочек
 В смятении поэту подаёт.
 Пылают щёки... С замиранием ждёт...

В смятении и поэт. Он покорён
 И красотой, и полудетским видом.
 «Ну, хорошо. Я вас мадам не выдам».
 И пишет, точно светом озарён.

**«Пускай увенчанный любовью Красоты
 В заветном золоте хранит её черты»...**
 «Алина, отзовитесь!» – голос рядом.
 «Благодарю Вас. Нам расстаться надо».

Она скользнула по ступенькам вниз,
 Как волшебство, как дивная наяда.
 Звучало в роще: «Нам расстаться надо».
 А меж деревьев – соловьиный свист...

Прошли года. Вдруг в памяти возник
 Далёкий образ призрачный и нежный.
 И замер на мгновенье дух мятежный,
 К волшебному сосуду он приник.

А за окошком летняя гроза
 Приносит звуки ласкового сада:
 «Благодарю Вас. Нам расстаться надо».
 А широко раскрытые глаза

Смеются и грустят одновременно.
 Воспоминанья яркие, совершенны,
 Как совершенны строчки у стиха,
 А муза романтична и тиха.

И вот уже, забытая, легла
 Строка на ровный белый лист бумаги.
 Стихи текут. Так вдохновенно маги
 Вершили свои тайные дела.

.....
 Давным-давно здесь лестница была...

СТАРУХА С СЕМЕЧКАМИ

Она сидит, вдавившись в табурет,
 И смотрит на прохожих обречённо.
 Всегда сидит, а вот сегодня – нет.
 Что ж, нет так нет, коль думать отвлечённо.

Но в этот день, как будто за грехи,
 Мне ничего не делалось, не пелось
 И не вмещалось в странные стихи:
 «Куда старуха с семечками делась?..»

* * *

Лишь пятнышко одно голубизны
 На небе сером, тусклом и печальном.
 В сферическом намёке кривизны
 Привиделось взаимности начало.
 Я, дождь и ветер – это мы втроём
 Определим погоду непременно.
 Взлохматим, взбаламутим водоём,

Любые оправдаем перемены.
 Ведь это мы творим весны размах,
 Сообразуясь с тем поверьем древним.
 Не верите? Рукой (следите!) взмах –
 И лопаются почки у деревьев.
 Лишь только взгляд с любовью и добром –
 И ветер принесёт живую влагу,
 Зелёный луг раскинется ковром,
 Подарит птица звонкую руладу.
 А вот теперь я солнце позову
 И вскину руки ввысь, как в беспредельность.
 И пелену туманов разорву,
 Собрав их как бы в некую отдельность.
 Лучи, как струны, зазвучат вокруг.
 Наполнен мир и красками, и звуком.
 И птица в небе завершает круг,
 А дятел радость утверждает стуком.
 ...Возможно, это крылья за спиной,
 Иначе взмахов отчего желанье?
 Ведь всякое случается весной,
 Быть может, исполнимо ожиданье?..

ПАПЕ

«Оставлены дети судьбе на поруки...»

Олеся Рудягина

Из памяти вытаскиваю нить.
 К ней, сострадав сердцем одиноким,
 ...Под небом детства голубым, высоким
 Немного вместе нам пришлось пожить.

Та девочка в коротеньком пальто
 Неужто я? Катаюсь на дощечке
 С высокой горки, прямо к нашей речке,
 Уже покрытой тонким, чистым льдом.

А ты идёшь с работы... погоди!
 Не торопись, к тебе с горы, без страха,
 Я падаю в объятия с размаха,
 Прижавшись так доверчиво к груди.

«Ах, папочка, – шепчу, – ты что не шёл
 Так долго? Мама волновалась.
 А я тебя ждала и здесь каталась...»
 И нос уже уткнулся в теплый шёлк.

Конфету «Мишка» отправляю в рот,
И ею тотчас перемазан шарфик.
Но ты не сердись. В руках воздушный шарик.
«Надуем дома». Вот – и у ворот.

О, как красивы, молоды они,
Мои родители! И я любима...
Но колокол беды уже звонит.
Война... О, сколь судеб она разбила!

А дальше – без тебя! Ты не узнал,
Как мы с сестрой росли и чем мы жили,
Как маму называли все двужильной,
А я тайком ходила на вокзал

И всё ждала: а вдруг вернёшься ты?
(Фантазия поистине безбрежна)
Составы с фронта шли... Тоска и нежность
Вписались прочно в ткань моей мечты.

Несправедливо: дети без отцов!
И вроде – мир! Но так глядят печально
Глаза ребячьи. Будто изначально
У них судьба заброшенных цветов.

* * *

Прощай! (А ключ кричит в замке.)
Прощай! (А сердце обмирает.)
И облако плывёт и тает,
Предвидя бурю вдалеке.

Руки неясный резкий жест
И немота в словах печальных,
И ветки дерева качались,
И на ветру гремела жесьть.

Но это было за окном.
И звуки были ниоткуда,
А души требовали чуда,
И мысли были об одном.

И это всё в последний раз...
Но почему же ты не плачешь?
Поскольку не переиначишь –
Закончен маленький рассказ.

Не поняты до конца,
Уйдём мы оба в глубь Вселенной.
Но вряд ли вырвемся из плена,
Из наречённого кольца.

* * *

О мой любимый, бросивший меня!
 Понять пытаюсь и теперь прощаю.
 Мой враг, мой ум – тебя не принимаю
 В советчики. Есть сердце у меня.

Оно не ошибется, не обманет,
 О дивный лотос, колокол, орган!
 Оно – мой друг. Оно всегда всё знает.
 Завесу скинет, разогнав туман.

Я не ропщу на шквал постигших бедствий.
 Судьбы несправедливость? Не фатальность -
 – Закон возмездия, закон причин и следствий
 И мне воздал. Вот такова реальность!

О мой любимый, бросивший меня!
 В какой-то жизни ты вернёшься сыном.
 Таким беспомощным, таким невинным,
 Ко мне придёшь. Придёшь, любовь моя!

Магнит моей любви тебя притянет
 Ко мне. Не к ней. Ты выберешь меня!
 Кармическим узлом нас не затянет.
 Его развяжем мы – и ты, и я.

Моя соперница моей подругой станет.
 О как мы будем искренни, нежны.
 Вражда меж нами никогда не встанет.
 Там старые обиды не важны.

Платить долги. Как связи эти прочны!
 И к этому идёшь. И это явь. Не сны.
 А в Высших Сферах – всё предельно точно...
 Там, в будущем, я жду. Смелей, мой сын!

СТАРЫЙ АЛЬБОМ

Анне

Наш воскресший портрет
 Из юности,
 Сжатый между страницами,
 Показался с остатками
 Лунности
 Тех ночей, а мы – птицами.
 Мы тогда гуляли по городу
 И мечтали о будущем.

И любовь придумали
Гордую.
Оказалась – в рубище.
Позывные ловились
Радостно.
А река акварельная
Принимала дожди и
Радуги.
Ну, а мы, загорелые,
Бесшабашно в воду
Студеную
Окунали плечи худые...
На портрете годы
Пройденные
Не видны. Мы еще – молодые...

СЫНУ

И молчаливое общенье,
И молчаливая любовь –
К высоким знакам приобщенье,
Сильнее фраз, высоких слов.
Одно земное притяженье,
Одни небесные лучи,
Одни созвучия. В служенье
Найдем к гармонии ключи.
Живём мы в этом мире странном,
Где разобщенье и обман.
Но мы-то вместе! Утром ранним
Увидим солнце сквозь туман.

НОВЕЛЛА КИСЕЛЁВА родилась 29 июня 1930 года в Костромской области. После окончания Иркутского Государственного медицинского института работала врачом в Алтайском крае. В городе Усть-Каменогорске была членом литературного объединения, печаталась в районных, областных, республиканских газетах (очерки, рассказы, подборка стихов). В 1966 году опубликовала стихи в коллективном сборнике «День поэзии» (изд. «Жазуши», г. Алма-Ата). С 1968 года живет в Кишинёве. Печаталась в газетах «Вечерний Кишинев», «Советская Молдавия». Автор поэтических книг: «Вижу мир первоначально», «Живая этика в стихах», «Арфа жизни», «Знаки Огня». В 2006 году вышла книга стихов и сказок для младшего школьного возраста «Мы играем».

Печаталась в альманахах «Ларец», «Рассвет», коллективных сборниках стихов АРП РМ «Фронтальная муза» и «Как слово наше отзовется», посвященном 200-летию Тютчева. Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова и Союза писателей России (2009).

ПРОЗА

Поле притяжения

ЕКАТЕРИНА ТАРЛЕВА

ЛЮБОВНИКИ КРАСОТЫ

1

На дне озера на двух потертых стульях начала двадцатого века сидят Танго и Габаль и треплют языками.

– Вот ты, как маг, мой дорогой Танго, что за чувства питаешь к человеческой цивилизации? – спрашивает Габаль.

– Я – любовник красоты, моя дорогая Габаль... Я очень слабо и тускло реагирую на человеческую цивилизацию... – отвечает ей Танго.

– А ты знаешь ли, мой Танго, недавно одного заслуженного деятеля искусств черти утащили в ад. Никакой бумажной возни, никаких прощальных напутствий. Сволокли на редкость деловито. Просто загляденье.

– Да-а-а... А в какой именно?

– Не поверишь, в тот, который был так живо изображен его нищим коллегой.

– Но нет, подожди... Ведь такого ада нет, просто прихотливая стилизация!

– Уже есть. Черти его специального организовали для этого самого лауреата.

– Здорово. Интересно, сколько им понадобилось времени для выработки окончательного варианта? Детали иногда ужасно отвлекают.

– Говорят – нисколько. Им хватило суток человеческого времени.

– Ага, как всегда – всё в последний момент. Торопились?

– Торопились, но не опаздывали. Скорее, работали с огоньком. Очень проект понравился...

– Понимаю... Вопрос неподдельного удовольствия.

– Но ты мне толком не ответил, мой прекрасный Танго... Как же ты, маг, как же ты всё-таки относишься к человеческой цивилизации?

– Ты хочешь исподволь намекнуть мне, что я не замечаю ее? Это не так. Не совсем так. Нет такого человеческого чувства, грязного или чистого, которого я не испытал бы на себе...

– Но всё-таки к цивилизации, Танго?

– Мне приятно с тобой поговорить. Мне больше ничего не нужно, Габаль. Это имеет отношение к человеческой цивилизации?

– О да. Это очень многое, это слишком много говорит мне о человеческой цивилизации, мой несравненный Танго.

– И что же?

– Я промолчу. И знаешь ли, мой Танго, ты напоминаешь мне черепашку, которая вылупилась из яйца и ползет к воде... Легкая добыча для хищника.

Я не говорю сейчас о тщетности твоего панциря. Я говорю о человеческой цивилизации. Но тогда уж и обо мне! Себя, Танго, я сравнила бы с бранным словом на заборе. На тоненьком заборчике в месте строительных работ. Страх провалиться в яму там развлекает больше, чем наивная и напрасная грубость, шекочающая нервы, как слишком юная блудница.

Он бросает взгляд прямо на дно ее глаз, недолгий и несколько неуверенный. Он говорит ей:

– Мне так часто бывает непонятно, злая ты или веселая. Злая ты или веселая сейчас, Габаль?

– У тебя очень красивый перстень, такая темная бирюза, Танго...

– Я проигрываю тебе в гляделки, Габаль. Но мало того. Когда я говорю ерунду, то слишком видно, что думаю о другом.

– А да. Да. Да... Точно-точно. Именно. Восхитительный перстень. Просто чудо.

– Значит, злая. Но тебе так легче. Ты так отдыхаешь, я теперь начинаю понимать.

– Поразительно, я думала, ты всё знаешь про меня.

– Нет. Наоборот. Оказывается, можно любить и ничего не знать про того, кого любишь.

– Разве это настоящая любовь? По-моему, такая любовь тоже разновидность злого веселья. Но нет. У тебя другой отдых. Ты грустишь. Точнее, впадаешь в оцепенение. Но почему ты называешь это любовью, черепашка?

– Это любовь.

– Всё потому, что я тоже волшебница? Или, напротив, нечто человеческое во мне так ранит тебя? Или трогает? Или ласкает?

– Прекрати так внимательно изучать мой перстень. Да, у тебя это непохоже на игру. У тебя всё всерьез. На вид. Но это же игра. Твоя злая забава.

Она бросает беглый взгляд на его лицо, возвращается к перстню и начинает улыбаться.

– Неужели мне удалось тебя рассердить? И так просто. Меня смущают твои слова. Ведь ты волшебник. Ты можешь меня смутить.

– Ты так равнодушна к людям? Или ненавидишь их?

– Устала от них. И потому мне так странно, что можно забыть о человеческом. Я действительно отдыхаю. И мне очень нравится, что ты можешь смутить меня. Так невероятно. Так невероятно. Такие прекрасные твои глаза. Даже если ты закричишь на меня, я не обижусь, не удивлюсь, не стану вести себя так или иначе, как ведут себя люди. Я буду смотреть в твои глаза.

– Господи, что же мне ответить тебе? Ты обезоруживаешь меня. Все лучшие карты – твои. И что тебе мой перстень? Но я люблю его. Знаешь, он действительно как-то связан со мной... Такая игрушка. Я думал, невозможно угадать эту связь.

– Послушай, он просто красив, да и всё. И что странного в том, что он тебе нравится? И что странного в том, что он ухитрился понравиться мне? Но, может быть, здесь какая-то ассоциация? Фантазия, грёза, воспоминание...

– Да, грёза. О том, что меня можно любить. Мне так грустно сейчас. Меня просто сжигает грусть. Я никому и никогда не говорил, что люблю этот перстень. И я только сейчас понимаю, как это наивно. Такая уязвимость. Действительно, черепашка. Дай мне свою ладонь. Дашь? Или спросишь, зачем? Или

уйдешь? Или пустишься в пляс? Ведь однажды ты уже сделала это: превратилась в маленький смерч и кружила то чуть ближе, пугая, то чуть дальше, ускользая. Самый настоящий смерч, вот только твой смех – я слышал его. Еще ты замирала иногда – листья и ветки медленно опускались на землю. Ты уйдешь?

– Нет. Возьми мою руку. Если ты еще не устал от грёз, улыбнись всем предательствам, которых ты как будто не замечал, и представь себе, что и самое гнусное на свете – форма любви.

2

Такой новый странный день. Не настолько блестящий, чтобы смеяться эдемической первозданностью, но, видимо, один из тех, что предшествовал творению. Когда еще не был начат этот мир, Там уже красовался такой фасон. Тот самый день, чтобы вспомнить о третьей составляющей магии. А ведь магия состоит из трех первоэлементов. Это... Смех. Слезы. И... Альтернатива. Вот три ветви, на которых держится ее гнездышко. И все про это знают. Все знают про это. Только делают вид, что это не так.

Альтернатива... Иное для единственного. Это похоже на слезы. Третье для двух. Это похоже на смех. Семнадцатое для одиннадцатого. Это в самый раз.

Вот эта книга, в которой моя повесть о Танго и Габаль. Они читали ее. Они любят поговорить о ней. Танго сказал мне однажды:

– В твоей книге каждая мысль моя так точна, так ясна. Я не так говорю. Совсем не так. Чистая лесть. На самом деле так: сначала я больше всего хочу опровергнуть собеседника, но вдруг понимаю, что мне совершенно нечего возразить. Я теряюсь. Начинаю говорить о другом. Внезапно меня посещает мысль о подходящем аргументе. И я непременно высказываю ее. Но она всегда неуместна, и мне приходится оправдываться.

– Пусть это останется тайной, – ответила я. – Тот, кому понравится моя повесть, догадается о ней.

И Габаль сказала мне однажды:

– Я такой драматический персонаж этих историй. Ты нарочно придумала его таким, чтобы поквитаться с кем-то. А я разве такая? Я строже, грустней, предсказуемей. Он любит меня такой, такой и любит. Ему спокойно рядом со мной.

– Это не совсем так, – заметил Танго.

– Ты просто нервный, – парировала Габаль.

Я пишу эту повесть давно. В ней много описаний погоды. В ней много описаний платьев. Это смешная девчачья книга, похожая на коллекцию картинок. Вот энергичный пейзаж. Золото неба, сталь воды. Мост в большом городе. Вот мадам Помпадур на этикетке с бутылки шампанского. Серо-жемчужная недосказанность. Изогнутый силуэт. Это похоже на отражение в пыльном зеркале. И другие еще картинки. Сентиментальный персонаж мультфильма, тревожный и слишком близкий приятель-киногерой, отстраненный набросок лица того, кто умер лет сто пятьдесят назад, такая живая улыбка его, как будто он знает тебя, как будто он с тобою сейчас, всё время. Такая смешная девчачья книга. Но Танго говорит мне:

– Ты слишком много уделила мне внимания. Немного страшно, что кто-то может так много знать про меня. В этом зеркале можно утонуть. У меня кружится голова, когда я читаю это.

А Габаль говорит так:

– У меня вечная дуэль с моей двойницей. Но я проигрываю ей. Когда мне кажется, что всё уже сказано, она подает заключительную реплику, и становится понятно, что в этой реплике вся соль. Я люблюсь ею. В жизни мне никогда не удастся досказать суть. Я привыкла подводить итог молчанием и улыбкой. В общем, это тоже неплохо.

Я пишу о них книгу, чтобы не сойти с ума, когда демоны затевают перепалку о моей душе с ангелами. В такие эпохи моя душа узнает, какие бывают времена года, какие погоды и климатические пояса бывают на свете. В такие эпохи оппоненты мало отличаются друг от друга. Всесильны, прозрачны и суматошны. Они ужасно орут – ангелы и демоны. И я пишу и исправляю тысячу раз эту книгу и ломаю голову над сущими пустяками. А потом приходят Танго и Габаль. Он похож на зиму, а она – на осень. Иногда – на летний ночной дождь. Они комментируют новые главы, эпизоды, строчки, даже эпитеты, даже сочетания звуков. Они (–) маги, и доказать их существование невозможно. Такова их особенность. Она бесила меня, пока я не поняла, что это свойство несколько тоньше, чем я его себе представляла. Они никому не нужны. В этом разгадка. И вот именно поэтому невозможно доказать их существование. Танго и Габаль даром никому не нужны. Когда я это поняла, то попутно с этим обнаружила, как недостаточны мои чувства к ним. Им перепадало очень мало моей любви. Я просто эксплуатировала их магию. Их слезы. Их смех. Их интеллект. И вот я начала любить их. Но их существование по-прежнему нельзя доказать. Однажды его отражение мелькнет в зазеркалье модного магазина. Однажды ее словечко сорвется подхваченным с уст осточертевшей тебе приятельницы. Однажды ты вспомнишь странную реплику, случайный разговор с незнакомцем или незнакомкой, и это воспоминание застрянет в твоей голове. Но, возможно, что ты не встречал их. Ведь магов мало. А персонажей моей повести всего-то двое. Ты только запомни эту характерную черту – она ключевая – их существование невозможно доказать.

ЧУЖИЕ РАЗГОВОРЫ, ЧУЖОЙ ВЕЧЕР, НЕ ТВОЯ ТЬМА...

Мне очень сложно будет описать тебе ее прелесть, ведь я не лесбиянка, мой друг, я не могу испытывать к женщине страсть и, значит, у меня не найдется слов для того, чтобы рассказать, как выглядит берег, переживший невероятно дурную погоду. Если бы ты был с нею знаком, возможно, очень даже возможно, что не придал бы особого значения всем этим тонким деталям, которые делают индивидуальность беззащитной и снимают таинственные покровы... Деталям, которые обнаруживают объективное существование чего-то другого, того, что не растворяется в привычной сортировке... Ты, очень может быть, просто мысленно набросал бы портрет из ряда смешных привычек анекдотического рода, сказал бы про себя: «Вот классический типаж из молодежного сериала, немного идеализированный и тем обедненный, но по сути такой правдивый ведь!..»

Ты знаешь, когда она снимала свой красный костюм, в котором ходила на лекции, и не успевала надеть что-нибудь совсем другого рода, то я видела ее в синих чулках. Представляешь, она носила синие чулки! Почему не черные колготы? У них была широкая и, на мой вкус, несколько жесткая резинка в виде кружева, темно-синяя... Такой строгий очень цвет. Если учесть ее бледность, то

эти чулки ведь должны были очень бледнить ее, но этого не было... У них был такой официальный вид. Без костюма еще официальнее, чем с ним. А волосы ее, светлые и длинные, были как раз как у главной дамы червей из сопливого и толерантного сериала о подростках. Ты знаешь, для роли той самой Лолиты она бы тоже подошла. Она выглядит гораздо моложе своих лет. Но в жизни она была совсем не ею, а слишком ею, настолько, что ею уже не была. Если Лолита мечтала о свободной жизни, то та, о которой я, была совершенно параллельна всему, что ей не нравилось. Если Лолита жила с мужчинами и не любила их, то та, про которую я, получала удовольствие от выдуманной ненависти, при этом никак не выказывая своих странных фантазий. Те, кто в тот или иной раз оказывались парой для нее, никогда и ни за что не вычислили бы ее чувств. И вот еще... Лолита сбежала от своего несчастливого поклонника, вышла замуж за чуть более счастливого и умерла при родах... С ней, с нею бы такого не случилось никогда. Так, как она заботилась о своем здоровье – ты знаешь, этого не опишет ни одна схема. А тех, кого она рассматривала в качестве потенциального мужа, было так много, что в конечном итоге ее нельзя было представить ни с кем из них рядом. Она их сортировала, очень всерьез, но не без того, чтобы развлечь меня. В целом, то и это нисколько не мешало друг другу: ее деловитая, расчетливая сортировка и желание меня позабавить, вернее, попросту отвлечь от грустных мыслей, которые мне вообще-то свойственны...

Ох, она вовсе не удобный персонаж! Всякий раз, когда мои мысли очень ясно рисуют мне ее, у меня пропадает охота говорить. Но всё же так хочется описать ее тебе. Ты ведь глупый, ты или восхищаешься такими девушками, или боишься их, вообще-то ты способен дружить с ними, но только если у них есть какой-нибудь весомый недостаток. Очень плохое зрение, папа в тюрьме, ранний аборт... А если у нее все в порядке, то ты поспешишь внутренним взором впихнуть ее в глянцевый прямоугольник и для надежности прибить поперек надпись какую-нибудь – чтобы уж точно не вылезла. Она смутно догадывалась о существовании твоего типажа, а также о том, что волею судеб некое стечение обстоятельств может поставить меня в зависимость от чего-то такого вот. Поэтому она иногда смотрела очень сосредоточенным взглядом на что-то, что висело у меня над левым плечом (часы, птица, объявление...) и говорила, к примеру:

– А знаешь, мужчины ведь тоже очень разные бывают... Не думай, что если ты женщина, то, значит, есть нечто, ну, нечто такое, что как бы дает тебе фору... Это не так.

Дома у нее была только красивая посуда. Она не выносила сувенирных чашек или чего-то оставшегося от соседки, от мамино ухажера (с их совместным портретиком), от ребенка, если бралась последить за малышом. Так и вижу: она в бюстгальтере, который больше ассоциируется со школьницей, волосы распущенные, фарфор на столе, сидит, думает о чем-то... И я говорю ей:

– Мне не верится, что ты совсем не хочешь без памяти влюбиться в кого-нибудь... Так, чтобы грань пролегла между тем, что до, и тем, что он оставил в твоём сердце... Даже, может быть, лучше, если любовь окажется несчастной. Зато почувствуешь себя повзрослевшей. Захочется быть для кого-то мудрой, заботливой патронессой... Для романтика какого-нибудь, с невероятными задатками, только немножко неуверенного в себе.

На подобные тирады она могла ответить какой-нибудь готовой шуточкой, но не без смутных аллюзий в интонации, или так, что невозможно было бы никогда предсказать подобного ответа. Однажды она мне ответила... Не помню дословно, но что-то вроде:

– Если бы у меня был папа, то он бы меня обожал. А я не нашла бы повода отказаться от его любви. И я была бы совсем другой. И это было бы чудесно. У меня чулок до черта... Тебе не нужна пара? Только у меня все дурацких цветов. Оранжевые, грязно-зеленые...

– Я вообще не ношу чулок. Взяла бы только что-нибудь, что тебе совершенно не подходит, и подарила бы кому-нибудь, – что-то такое я поспешила ответить ей, поскольку разговоры о папе меня напугали. Я по-всякому могла посмешить ее, напугать, заставить задуматься, но мне было не под силу сопричаститься этому внезапному полупризнанию... Значит, чего-то ей действительно не хватало, а штука была в том, что ее мать в принципе не выносила порядочных мужчин. Она любила только мачо. А моя подружка любила мечтать. И я знала, что эти грезы грешат безразмерным индивидуализмом.

Она очень любит одну песню на каком-то экзотическом языке. Как-то раз она рассказала, что нашла в Интернете перевод этой песни.

– Знаешь, там такие слова, вот как раз такие и должны быть для этой мелодии... «Чужие разговоры, чужой вечер, не твоя тьма, даже тьма не твоя, чтобы затеряться в ней, перестать быть видимой для других... Всё, что тебе остается – это петь. Так ты растворяешься, и уже нет того, кто спорит, тоскует, ненавидит. Тебя нет. А только песня звучит». Здорово, правда?

Я ответила:

– Да, это замечательно.

ЕКАТЕРИНА ТАРЛЕВА родилась в 1985 г. Окончила филологический факультет Молдавского государственного университета. Печаталась в ряде сборников и альманахов. В 2005 г., по рекомендации Ассоциации русских писателей Республики Молдова, вышла её первая книжка стихов «Прозрачные шторы» в совместном сборнике ещё двух дебютанток – Татьяны Орловой и Елены Белеванцевой.

Осенью 2008 г., пройдя конкурс, Тарлева была приглашена в Санкт-Петербург на Фестиваль литературного творчества «На ветру времён». Стихи вошли в одноимённый коллективный сборник. Проза напечатана в сборнике рассказов «Толстый журнал» (2008 г.), в книге рассказов «Белый арап» (2010 г.). Член АРП РМ.

АЛЕКСАНДР КОВАЛОВ

НАШ МАЭСТРО, НАШ ЛИЦЕЙ

Небольшое двухэтажное здание старой постройки. Узкие ступеньки лестницы, зеркала, высокие потолки. Дом, из окон которого каждый день, с раннего утра до позднего вечера, прохожие слышат звуки музыки. Небольшой внутренний двор, в глубине его запасы угля на зиму. Вроде бы центр города, но в то же время как будто островок из какой-то другой жизни. Всё как-то по-домашнему. Здесь все друг друга знают и, словно в большой семье, не завидуют, а радуются чужим успехам. Раньше здесь была художественная школа, еще раньше – консерватория. Дух творчества, видимо, имеет способность передаваться.

Республиканскому музыкальному лицей-интернату имени С. В. Рахманинова – 20 лет. Это единственный в Республике Молдова музыкальный лицей с русским языком обучения, где учатся одаренные дети не только из Кишинева, но и из различных районов республики. Здесь преподают по-русски, но говорят на разных языках, а музыка объединяет этот маленький «интернационал» учеников и педагогов в одну семью.

Кстати, имя, которое носит лицей, тоже объединяет, оно подчеркивает близость исторической судьбы молдавского и русского народов. Корни рода Рахманиновых связаны с молдавскими господами Драгош. Принято считать, что фамилия композитора происходит от слова «Рахманин» – так прозвали внука Штефана Великого Василия.

А сейчас немного статистики (из буклета, подготовленного к юбилейному концерту лицея, который состоялся 1 июня в Органном зале):

*Небольшой экскурс в прошлое повышает юбилейную цифру до 70 лет! В 1940 году при Молдавской государственной консерватории им. Г. Музическу была открыта Музыкальная школа-десятилетка, позже названная именем композитора Е. Коки. Из ее стен вышли более 1000 первоклассных музыкантов-исполнителей, композиторов и деятелей искусства, среди которых С. Лункевич, руководивший оркестром «Флуераиш»; композитор К. Руснак; органистка и педагог, *maestru în arte* А. Стрезова; исполнители и педагоги Академии музыки, театра и пластических искусств (АМТАР) А. Лапикус и Ю. Махович, там же преподают в настоящее время ректор В. Мельник и проректор В. Аксенов. Выпускниками десятилетки являются также педагог и директор музыкального лицея им. Ч. Порумбеску, *maestru în arte* Г. Буйновская; директор Национальной филармонии С. Бивол; директор Театра оперы и балета В. Шейкану; заместитель директора лицея им. С. Рахманинова А. Попович и многие другие.*

В 1990 году на базе школы им. Е. Коки было создано два учебных заведения: музыкальный лицей им. Ч. Порумбеску и музыкальный лицей им. С. Рахманинова. За 20 лет наш лицей по различным специальностям (фортепиано, струнные, духовые, народные и ударные инструменты, хоровое дирижирование, теория музыки и композиция) окончил 361 учащийся.

Наши выпускники продолжают свое образование в АМТАР, в консерваториях и колледжах Румынии, России, Украины, Белоруссии, Австрии, Германии и других стран мира. Золотые страницы в летопись лицея вписали такие выпускники, как Е. Чебыкин (валторна), А. Куликов (фортепиано), В. Гаврук (фортепиано), А. Афанасьев (валторна), Е. Пушкаревич (гитара), Д. Сахаров (аккордеон), С. Константинов (фортепиано), А. Демидова (теория музыки), К. Максимов (скрипка), А. Корень (саксофон), С. Кульчиковский (аккордеон), В. Поэта (фортепиано) и многие другие юные дарования, которые были удостоены высших наград на международных конкурсах и фестивалях в Молдове и за рубежом. Всего на сегодняшний день лицеистами завоевано **328** лауреатских дипломов различных международных и национальных конкурсов!

Воспитанием музыкальных талантов в лицее занимаются опытные преподаватели, в их числе удостоенные высоких наград и званий: «*meritul civic*» – Н. Прядка, «*maestru în arte*» – А. Гусева, Н. Кокарева, А. Стрезева, Т. Свиридова. Звание «*ot emerit*» присвоено директору лицея В. Багрину, педагогам А. Городецкой и В. Чеботаревой. С лицеем сотрудничают лучшие кадры АМТАР: профессор, *maestru în arte* Л. Ваверко; *ot emerit* Е. Абрамович, И. Негурэ и М. Белых; доцент, *maestru în arte* Ф. Бирюков; народный артист Молдовы И. Захария, доцент, заслуженный деятель искусств Б. Дубоссарский, заслуженный деятель искусств П. Ривилис, заслуженный артист Молдовы С. Дужа, доцент Л. Паньковская, З. Михайлова.

Большой известностью пользуются творческие коллективы. Визитная карточка лицея – это ансамбль «**Барокко**», лауреат международного конкурса им. С. Прокофьева в Москве, участник международных фестивалей во Франции, Венгрии, Румынии, Италии, Дании, Австрии. Ансамбль был создан в 1994 году под руководством талантливого педагога *maestru în arte* А. Стрезевой, которая является художественным руководителем, дирижером и автором большинства переложений произведений, составляющих его репертуар.

9 Мая в Органном зале ежегодно проходит отчетный концерт **Духового оркестра** лицея (художественный руководитель и дирижер Б. Василюк). **Камерный оркестр** лицея (художественный руководитель *maestru în arte* М. Сечкин) позволяет ученикам не только шлифовать мастерство оркестровой игры, но и разучивать серьезные программы. Стал популярным концерт, традиционно проводимый 1 июня, в День защиты детей, в Органном зале, когда ребята демонстрируют результаты, достигнутые за прошедший учебный год. В течение последних 6 лет теоретический отдел лицея организует **Музыкально-теоретический конкурс** в честь юбилейной даты одного из великих русских композиторов (руководит проектом заведующая отделом А. Стрезева).

Лицеисты играют в Национальной филармонии (в том числе и с оркестром), в Органном зале, Доме национальностей, в музеях и школах столицы. Солисты и коллективы регулярно участвуют в мероприятиях, проводимых в Молдове и ее столице: музыкальных фестивалях «Мэрцишор», днях и декадах украинской,

русской, болгарской, литовской, еврейской, турецкой, итальянской культур, праздниках славянской письменности.

Говоря об успехах, нельзя забывать о тех, благодаря кому они достигнуты и кого уже нет с нами. Коллектив лица ценит и помнит вклад ветеранов музыкальной педагогики, которые ушли из жизни: Н. Оприца (класс скрипки), А. Кузнецов (класс тромбона и тубы), **maestru în arte В. Величко (основатель класса валторны и духового оркестра)**, П. Столярчук (класс кларнета), В. Чернякова (класс трубы), Н. Себов (музыкальная литература), В. Простакова и И. Столяр (класс фортепиано). Память об этих людях будет жить и в душах их учеников. Наташа Главненко (8 класс) о последней общей потере написала такие слова: «Обычно мой лицей – это радость, музыка, друзья... Сегодня – это скорбь сотен людей... Вчера умерла замечательный человек и педагог – Ирина Зиновьевна Столяр. Ученики, коллеги, знакомые – все плакали и приносили цветы любимой женщине, которая уже не почувствует их запах... Я не забуду эту картину: полный зал людей и цветы у гроба, который стоит там, где обычно стоит рояль... В этом зале и на этом рояле играют ее ученики. Они никогда ее не забудут!» Скорбные ноты прозвучали и на юбилейном концерте: А. Г. Стрезева исполнила Адажио Томазо Альбиниони, посвященное памяти ушедших педагогов.

Рассказывая об истории лица, его бессменный директор В. Т. Багрин вспоминает, что в 1975 г. подобных школ – среди десятков тысяч обычных – было 22 на весь Советский Союз, причем на территорию России их приходилось 4, а на огромную Сибирь – всего одна. «Нас часто приравнивают к общеобразовательным школам, не учитывая специфики музыкального лица, степени занятости детей, – говорит Валерий Трофимович. – В бытность мою директором школы им. Е. Коки мы однажды провели исследование: в течение месяца хронометрировали поминутно деятельность каждого ученика. Оказалось, что даже у тех, кто жил недалеко от школы, свободного времени оставалось не более одного часа в сутки, и это при семи часах, отводимых на сон. Был период, когда директора добились исключения точных наук из учебных планов 10 и 11 классов музыкальных школ (в них учились 11 лет, в отличие от обычных советских десятилеток), урок длился 40 минут, а педагоги получали 20-процентную надбавку к зарплате...

Помню, с каким трудом в начале 90-х мы сумели отстоять право на открытие и существование лица. Я до сих пор благодарен тогдашнему министру культуры Иону Унгуряну, без его поддержки это вряд ли было бы возможно.

День лица мы стали отмечать позже. 14 октября 1995 года освящал его настоятель Свято-Георгиевской церкви, протоиерей Николай Флоринский с отцом Виталием (который, кстати, учился в свое время в школе им. Е. Коки). С тех пор ежегодно проводим в этот день праздничный концерт, посвящение в лицеисты, праздник «Золотая осень», конкурсы поделок, сочинений. Во дворе каждый класс накрывает «сладкий стол», проводится конкурс на лучшее его украшение. Эта традиция действительно стала общим для всего коллектива, учащихся и родителей праздником, который во многом по духу своему напоминает настоящий молдавский «храм» (храмовый праздник).

Традиционно поддерживаем тесные связи с русскими этнокультурными организациями. Председатель русской общины Л. Лащенко, Посольство Российской Федерации, председатель Конгресса русских общин В. Клименко на протяжении многих лет участвуют в организации конкурса к юбилеям компо-

зителей-классиков, помогают с оплатой аренды Органного зала для проведения праздничных концертов 9 Мая и 1 июня. В свою очередь, ансамбль «Барокко» и другие наши ребята участвуют в мероприятиях, проводимых этими организациями, а также музеем А. С. Пушкина.

Кстати, в тот период, когда у нас не хватало местных учебников, по распоряжению мэра Москвы Ю. Лужкова мы получили полные комплекты учебников и методическую литературу, а Посольство России (возглавляли его тогда Александр Иванович Папкин и его заместитель Федор Иванович Малышев) взяло на себя решение таможенных и транспортных вопросов.

Но самое главное – это то, что все результаты достигнуты благодаря сплоченному, дружному коллективу энтузиастов, которые нашли в этой работе свое призвание».

Добавим к этой краткой характеристике коллектива еще один штрих – показатель профессионализма, который трудно себе представить в обычной школе: музыкально-теоретические дисциплины в лицее преподают 18 педагогов высшей дидактической категории, 16 – первой категории и 15 – второй.

Со стороны может показаться, что при таких нагрузках по музыкально-теоретическим дисциплинам, ежедневных занятиях по специальности и репетициях у ребят не остается ни желания, ни сил на полноценную учебу по обычным школьным предметам. Однако факты говорят об обратном. Завуч по общеобразовательному циклу Нина Кирилловна Янчева, даже не обращаясь к архиву, по памяти называет точные цифры: за последние 8 лет (с тех пор, как начали участвовать) учащиеся лицея 51 раз занимали призовые места на районных, городских, республиканских и международных олимпиадах. Это результат не только одаренности детей, но и того, что их способности творчески развивают учителя начальных классов и педагоги-предметники, в небольшом коллективе которых почти все обладают дидактическими категориями (2 преподавателя

высшей категории, 2 доктора наук, 2 педагога первой и 9 – второй категории). Впервые название нашего лицея прозвучало рядом с именами призеров и лауреатов республиканских, а также московских международных олимпиад по русскому языку и литературе благодаря Маше Мельник (сейчас она заканчивает Академию музыки и преподает в родном лицее) и Виталию Гавруку (ныне студенту Московской консерватории). А сейчас можно гордиться и успехами по государственному языку: в 2010 году лицеисты заняли 4 призовых места на городской олимпиаде, а Вероника Чобану (10-й класс, педагог – Бондаренко Нина Емельяновна) завоевала золотую медаль на республиканской.

И вот в 20-й раз на торжественной линейке звучит «последний звонок». Н. К. Янчева, первая учительница юбилейного выпуска, никак не может начать свою речь – мешают слезы. Оркестр играет гимн лицея (написанный, кстати, на слова поэтессы В. Костишар, которая преподавала здесь русскую словесность, до сих пор с любовью относится к бывшим ученикам и коллегам, а позже, во время праздничного торжества, вновь посвятит им свои стихи). Выпускники в школьной форме прошлых лет дарят цветы своим учителям.

А спустя всего несколько дней, 1 июня, во время юбилейного концерта в Органном зале, можно было увидеть довольно необычную картину: уже учителя, в свою очередь, преподносили цветы воспитанникам в благодарность за их выступления.

Об отношении самих юных музыкантов к лицу говорит пусть еще по-детски неумелое, но искреннее стихотворение, написанное ученицей 8-го класса Алисон Лие:

НАШ ЛИЦЕЙ

Там, где детство пролетает,
Там, где слышен яркий звон,
Там, где каждый вырастает,
Там, где первый раз влюблен,
Там, где познаем мы дружбу,
Где становимся взрослей,
Там, где трудности нам чужды,
Там, где с каждым днем светлей,
Там, где дом второй наш детства,
Там, где нет тоскливых дней,
Столько места занял в сердце
Наш маэстро, наш лицей!

АЛЕКСАНДР КОВАЛОВ – родился в 1962 г. Закончил филологический факультет Кишиневского госуниверситета по специальности «русский язык и литература», а также докторантуру Института этнографии АН Болгарии. В настоящее время – научный сотрудник Института культурного наследия АН РМ. Автор около 20 научных статей в области этнологии и филологии. В лицее им. С. Рахманинова преподает русский язык и литературу. Учитель 1-й категории, лауреат VI Международного Пушкинского конкурса 2006 года для учителей русского языка и литературы стран СНГ и Балтии.

ВИКТОРИЯ АЛЕСЕНКОВА

БЕСЕДЫ О ТЕАТРЕ

«Театр всегда является зеркалом, в котором отражаются его зрители. Театр – это особая сфера деятельности, в которой человек может изучать жизнь. Театр – это такое место, где философия перестает быть идеей, а становится живым непосредственным опытом.»

Питер БРУК

«Театр – определенная форма жизни творческого коллектива, имеющая целью на языке игры говорить с миром о мире. Разговор, затеянный театром со зрительным залом, стремится к обобщению вселенского масштаба. За спиной каждого персонажа, тяготеющего по своей сути к обобщению, тысячи людских судеб.»

Илья ШАЦ

Беседа вторая: посвящена спектаклю Ильи Шаца по пьесе У.Шекспира «Король Лир», премьера которого завершила сезон 2009–2010 гг. в Кишиневском Государственном русском драматическом театре им. А.П.Чехова

«КОРОЛЬ ЛИР»: ВНЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

ПРЕДИСЛОВИЕ. У нас как-то стало принято развивать мысль дедуктивно, от всеобщего к частному. Возможно, это вполне подходит для ведения политических дебатов, но верно ли это для искусства – двигаться от проблем вселенского масштаба к линейной прозе человеческого быта, оправдываясь тем, что это взгляд современника? Применять к образу Лира, которого талантливо играет в кишиневской постановке Игорь Карас, стандарты «нового русского», «солдафона» или еще что-то более удивляющее, – это то же самое, что пытаться определить, к какому виду пернатых отнести Синюю птицу. Может быть, нужно двигаться как раз в противоположном направлении – от частного к всеобщему? Попробовать, например, рамки одной конкретной премьеры в театре им. А.П.Чехова раздвинуть до возможного предела, граничащего в нашем сознании с понятием «вне времени и пространства».

«Короля Лира» ставили неоднократно во всех концах земли, хотя, конечно, не так часто, как «Гамлета». Наверное, нет такого театрального вуза, где бы студенты не пробовали свои силы в поиске ответа на вопрос «Быть или не быть?», а вот постановка «Короля Лира», как правило, становится результатом зрелых рассуждений. Культовой для театральной Европы конца прошлого века, например, стала постановка английского режиссера Питера Брука с Полом Скофилдом в роли Лира. Известный русский театровед Бояджиев тогда пришел к выводу, что трагедии Шекспира «Гамлет», «Отелло» и «Король Лир» можно объединить в трилогию: «трагедию сознания», «трагедию сердца» и «трагедию духа». «Король Лир» – это квинтэссенция предыдущих тем драматурга, так же как «Вишневый сад» Чехова сконцентрировал в себе все предшествующие достижения чеховской мысли. Лир – король «не по сану, а по величию духа своего» (Г.Н.Бояджиев).

«Лир», с точки зрения режиссера-постановщика Ильи Шаца, – это философское осмысление значения Человека в этом мире. В сегодняшнем, вчерашнем,

завтрашнем. Природа человека не изменилась ни за последние пять столетий, ни от Рождества Христова. Меняется лишь взгляд на нее, лишь понимание или полное отсутствие понятий о том, что такое ПРАВА и что такое ОБЯЗАННОСТИ человека перед себе подобными, перед миром, перед Богом. Истинные законы Природы, тщательно скрывающиеся под одеждой земных человеческих законов, подвластны ли нам? Или они, словно вырвавшаяся по воле Шекспира стихия в сцене бури, сметают все ложные, пустые, тщеславные иллюзии, оставляя человека голым, неприкрытым перед его же собственным внутренним взором, готовым к трагическому прозрению? Кто из режиссеров сегодня может похвастать умением Мыслить? Нет-нет, имеются в виду не помыслы земные, растущие из корня материальности, не фонтан нерегулируемых фантазий, обдающий с ног до головы растерявшегося зрителя, и не бесформенный пластиковый букет так называемого режиссерского решения, досадно заслоняющий композицию талантливого драматурга. Мыслить – значит владеть силою мысли, способной проникать в глубины подсознания и взлетать к вершинам творящей истины. Мыслить – значит быть смелым настолько, чтобы не испугаться встречи со своим «Я», и, обнажив собственные язвы, с еще большей бережностью и доброжелательностью прикасаться к чужим. Театр, как живое существо, рождается, болеет, достигает предела возможностей, угасает, перерождается, но именно ТЕМА, которую выбирает режиссер для разговора со зрителем, становится реальной жизнью для конкретного театра и конкретной аудитории, пошлостью или откровением, разлагая или исцеляя; становится душой (энергией) театра, облагораживая зрителей причастием к творчеству мысли или обкрадывая нищетою бессмыслицы. «Шац – единственный режиссер, который приходит на первую репетицию с концепцией», – признался постановщик сценического боя Николай Казмин. Шаца, где в шутку, где всерьез, коллеги укоряют тем, что он «слишком умный». Так, наверное, нелепо и стеснительно чувствует себя счастливый человек среди удрученных лиц несчастливцев.

Шекспир, современник Нострадамуса, знаток законов Природы, магии, тайн дворцовых переворотов и тайников человеческой души, великий мудрец, чье истинное имя пока не раскрыто, заставляет нас размышлять, исследовать, открывать Неизвестное в известном.

«Искусство как созидание – это открытие неизвестного. То, что уже известно, то, что уже найдено, не творчество. Именно усилие – к неизвестному придает искусству созидательность».

ЕЖИ ГРОТОВСКИЙ

О чем думал режиссер И.Шац, приступая к репетициям «Короля Лира»? Никто не скажет об этом лучше него самого.

РАЗМЫШЛЕНИЕ РЕЖИССЕРА. В наше время тот, кто осмеливается трактовать драматургические тексты, возраст которых насчитывает не одну сотню лет, заведомо совершает шаг, никак не рассчитанный на понимание. При этом полемизировать приходится, как известно, не с автором пьесы, а с различными концепциями «специалистов», труды которых разбросаны в пространстве веков, давно и прочно осев в сознании читающей публики. Эти вирши, как матрицы, удерживают понимание текста в определенных стереотипах восприятия. Впрочем, не исключая, что и мои размышления об этой пьесе кому-то могут показаться аналогичным писанием.

Несмотря на историю постановок выдающихся спектаклей, полагаю, что осуществить на сцене в полном объеме то, что заложено в пьесе шекспировского «Лира», невозможно!!! Этот текст необъятен и неисчерпаем. По своему внутреннему объему и насыщенности содержания он ближе всего к библейскому повествованию. Реализовать его на сцене все равно, что найти воплощение строки – «В начале было СЛОВО...»

Особенностью и характерной приметой данного рода литературы является способность быть предпосылкой для создания нового художественного произведения совершенно иного вида искусства, название которому – спектакль.

Изучая шекспировский текст, отправимся в путь по сюжетной колее. По закону причинно-следственной связи здесь кажется все до прозрачности ясно, просто, легко и объяснимо. Однако странная зыбкость экспозиционного рисунка настораживает. Слова любви к отцу в обмен на государство?! – Не совсем убедительная предпосылка для завязки трагедии. Изгнание Корделии и Кента в лучшем случае – самодурство Короля, в худшем – упрек автору по поводу сомнительного развития сюжета.

Если бы сегодня кому-то захотелось подобным образом выстроить начало пьесы, его обвинили в отсутствии профессионализма. Впрочем, кого сегодня пугает этот упрек? Вместе с тем доказательность определенных идей в художественном произведении зависит от убедительной аргументации. А в качестве аргументов в драматургии часто выступают персонажи как носители вполне определенных идейных установок. При этом следует учесть, что аргументационная логика развития драматургического материала не всегда укладывается в примитивные схемы. Все это значительно усложняет анализ, порой оставляет в недоумении читателя, но при этом фантастическим образом создает объемную картину мира. Понятие «временной контекст» в такой драматургии – есть система координат, которая позволяет говорить о не вполне неопределенной эпохе и в тоже время проводить явные параллели, созвучные нашему времени.

«Мы разделили край наш на три части <...>
И так как мы с себя слагаем власть,
Права на землю и правленье краем,
Скажите, дочери, мне кто из вас
Нас любит больше...»

Очень любопытная деталь. Король говорит: МЫ РАЗДЕЛИЛИ КРАЙ... Это похоже, как мы бы сейчас сказали, на делегирование огромных полномочий людям, пользующимся нашим доверием. Другое дело, что последующий сговор сестер имеет целью обретение абсолютной власти и создание условий необратимости этой ситуации. Поэтические дифирамбы, песнопения и слова любви в адрес короля означают, что они принимают и разделяют его принципы, убеждения и его политику! И в этот момент Королю совершенно неважно, лицемерят они или говорят правду. Да и потом, разве можно обмануться в искренности собственных детей?! В мире, где ритуал и традиция – основной поведенческий принцип, уверенность в собственном величии и могуществе, уверенность в том, что дети не способны переступить через понятие – ОТЕЦ, становится предпосылкой для трагедии. Ибо дети, наделенные властью, – это уже не совсем прежние дети, а несколько иное метафизическое качество. Такой взгляд на пьесу «Король Лир» позволяет рассматривать ее как трагическое повествование о том, ЧТО ЕСТЬ

ЧЕЛОВЕК В ЭТОМ МИРЕ? Человек, убежденный в незыблемости понятий, человек без звания, должности и власти, без силы, мощи оружия, внешних знаков отличия, вне привилегированного положения?

Шекспир словами короля Лира утверждает: Человек в нашем мире, устроенном по законам, которые придумали люди, доведен до состояния двуногого беззащитного животного, полусумасшедшего, способного кое-как кормиться, удовлетворять инстинкты и спастись от холода, укрываясь лохмотьями. И вслед за этим утверждает, что законы не только не совершенны, но и направлены против природы человека. А человек обречен коротать время вне любви, в пустоте и холоде одиночества, питаясь сомнительными иллюзиями и соблазнами, отчаянно продлевая свой век, предчувствуя предательство и смерть как неизбежный удел во всех смыслах уязвимо существа.

Шекспир словами Лира говорит нам: «Неужели вот это, собственно, и есть человек? Присмотритесь к нему. На нем все свое, ничего чужого. Ни шелка, ни воловьей кожи, ни овечьей шерсти, ни душистых ароматов, ни оружия, ни власти. Все мы с вами поддельные, а он – настоящий. Неприкрашенный человек – и есть именно это бедное, голое двуное животное, и больше ничего. . .». В мире, который живет по законам золотого тельца, жесточайшей иерархии должностей, званий, положений, сословий, решение Лира отказаться от прав – безумие и предлюдия катастрофы. Конечно, можно допустить, что Король, достигнув высшей власти, на старости лет одержим идеей познания человеческой сущности. Но ведь это не так! Не Лир, а Шекспир занимается этим исследованием. При этом сознательно сюжет погружает в систему родственных отношений. Вся страстная энергетика различных воль, желаний, устремлений разворачивается среди самых близких людей. Именно это обстоятельство дает возможность рассматривать происходящее гораздо шире, чем трагедию одной семьи. Если родные люди способны на предательство и вероломство, то что говорить о других? Так в пьесе получает развитие тема отсутствия этического и нравственного закона, которым руководствуется человек. А действительно, каким законом или какой свободой руководствуется «двуное животное»? Законом животного страха за собственную жизнь или законом видимых приличий? Человеческие страсти при отсутствии нравственного начала открывают анархию вседозволенности, варварской воли и абсолютного беззакония во имя собственного благополучия.

Персонажи в этой удивительной пьесе появляются и исчезают, создавая объемную картину мира, его полярность, фантастическую нереальность, абсурдную логику и вместе с тем поразительную узнаваемость. Загадкой для исследователей творчества Шекспира является странное исчезновение Шута. А разве смерть Корнуола, Глостера, Реганы, Гонерильи, Корделии и самого Лира менее странны? Исчезновение Шута – первая смерть в пьесе. Она носит почти мистический характер, ибо говорится здесь не о человеке, растворившемся по недосмотру автора, а о начале угасания целой эпохи, которая процветала при Лире. Шут – это олицетворение свободы слова, которая была позволительна в государстве Лира. Ведь Шут не забавы ради просит Короля после того, как трон отдан дочерям: «Дяденька, научи меня врать!». С приходом к власти дочерей правду того искусства, которое представляет Шут, озвучивать будет невозможно. Именно поэтому после изгнания отца Гонерилья приказывает Шуту: «Скорей ступай за господином». В новой державе нет места для подобных вещей. Уходят

терпимость и свобода, которые поощрялись при Лире. Отныне запрещено все, что не вписывается в рамки нового режима.

Историки утверждают, что в те далекие времена человеческая жизнь мало чего стоила. Но в этом смысле и мы, живущие в новом тысячелетии, тоже недалеко ушли. Бесконечные войны, насилие, невыносимая жестокость, открытый террор, сфабрикованные фальшивки, самосуд, варварство, криминальные разборки – все это не только приметы нынешнего времени, но и свидетельство агонии целой эпохи. Мы – те же язычники, поклоняющиеся многим «Богам». А поклонение многим – признак отсутствия единой веры. И тогда есть только один закон – закон власти, лишившись которой человек становится таким же ничтожным сыном века, как и все остальные. Вот почему слова дочерей о любви и преданности обращены скорее не к отцу, а к трону, олицетворяющему власть. И очень скоро эти восторженные признания обернутся жестокосердием, изощренным цинизмом, предательством и кровавой резнёй. И становится ясно, почему в этом не участвует младшая сестра Корделия: «...я не льщу из лицемерья, на ветер не бросаю слов и делаю добро без обещаний...», «...я в себе ценю: / Отсутствие умильности во взоре / И лживости в устах». Она не хочет знать правил этой игры. Корделия – это идея любви, обреченная на смерть в мире, где правит иной закон.

Во время встречи с детьми в замке Глостера Лир, доведенный до отчаянья, грозит так отомстить дочерям, что мир содрогнется от ужаса и, оказавшись в степи, накликает гнев небес. В его понимании мир должен рухнуть, если дети способны предавать отца. Степь – как метафора неустроенности мира. Степь – пустое пространство, где сиротски затерянными оказываются отвергнутый Лир, оболганный Эдгар, изгнанный Шут и преданный Королю Кент. Степь, где лукавый Глостер, испуганный происходящим, запутавшийся в хитросплетениях власти и представлениях о мире, обозначит начало собственной трагедии. Слепление Глостера – жестокое возмездие за лукавство прожитой жизни: «...боги правы, нас за прегрешенья / Казня плодами нашего греха». В степи, запряженные, как две лошади, тащат за собой королевский трон Король и Шут, а на троне «безумный» Эдгар с копьём и в доспехах Дон-Кихота. По кругу, по кругу, с воплями, призывами и проповедями очевидных истин.

Как объяснить, почему в пьесе Король не узнает Кента, каким образом остается не узнающим Эдгар? Это не театральная условность, а художественный прием, позволяющий говорить о значимости речи, одежды, положений, знаков отличия и незначительности того, кем, в сущности, является человек. Кент: «Я должен перенять чужую речь и буду до конца неузнаваем». У Шекспира горькая усмешка над тем, как в результате несложных манипуляций меняется восприятие человека. Встречают по одежке и провожают в соответствии с тем, как говорит и во что одет Homo sapiens. Когда обезумевший Лир в сцене суда, устроенного в степи, обращается к скитающемуся в лохмотьях своему крестнику Эдгару, которого не узнает, он говорит: «Вы, кажется, один из моих рыцарей. Но мне не нравится, как вы одеты. Надо переменить наряд».

В начале пьесы Глостер и Кент, обсуждая раздел королевства, затрагивают вопрос отсутствия предпочтений Короля добропорядочному герцогу Альбанскому и жестокому Корнуолу. Равный раздел означает равное присутствие в мире добра и зла и, соответственно, право выбора. В этом разделенном государстве Лира при очевидном противостоянии нет только места для любви Корделии.

Именно поэтому ее возвращение и попытка спасти отца завершится гибелью. Тема ВЫБОРА звучит уже в первой сцене из уст тех, кто вступает в борьбу за передел мира. Тема выбора развивается через историю взаимоотношений Глостера и его сыновей Эдмунда и Эдгара. Монолог незаконнорожденного сына Глостера, Эдмунда, начинается со слов: «Природа, ты моя богиня!» Природа животного инстинкта, которая явилась предпосылкой для его появления на свет. Эта убежденность и вера Эдмунда позволяет ему переворачивать представление о морали и сомневаться в правоте тех, кто имеет законные права: «Какое слово странное *законный!*». И дальше почти с многообещающей угрозой в адрес брата: «Ну ладно, мой законный брат...».

А что же все-таки движет Лиром? Ведь играть весь спектакль изгнанного, страдающего, оскорбленного отца невозможно. Где брать энергию для движения, если Король даже не одержим отмщением. Лиром изначально движет стремление к сохранению установленного порядка вещей и сохранения власти над сознанием тех, кто должен почитать его как ОТЦА! Земным богом стремится быть Лир! Сквозная идея Лира – это утверждение мысли о том, что нарушение порядка вещей приводит к разрушению мира.

Но Лир является и остается Богом только для Корделии. Любовь не плотскую, а духовную к Богу-отцу она сохранит до последней минуты. А когда вместе со смертью Корделии уйдет любовь, то в этом мире не останется места и для Короля.

Ушли Бог и Любовь. И тогда имеют право звучать слова:

Кент: «Не это ль час кончины мира?»

Эдгар: «Исполненье сроков»

Герцог Альбанский: «Конец времен и прекращенье дней».

ПОСЛЕСЛОВИЕ. В «Короле Лире», как и в предыдущей постановке Ильи Шаца («Вишневы сад»), звучит тема *выбора*. Как будто режиссер продолжает со зрителем начатый ранее разговор, пытаясь найти новые аргументы. Пожалуй, даже декорации к «Лиру» композиционно и графически напоминают декорации «Сада». Те же вертикальные линии, только не из досок, кое-где поросших лишайником бледных цветов, а из веревок и цепей, которые будут опускаться на головы Лира, Кента и Шута в сцене бури. Те же разбросанные по сцене игрушки, отголоски беспечных детских игр, только вместо теплящейся в свечах подсвечников жизни здесь появляются стулья-гильотины – вестники смерти. И одиноко стоит железная лестница (ну, какая нашлась в закромах бедного театра), обозначая заброшенный путь к вершинам мудрости, больше похожий на плаху. Что это, режиссер, не желающий предвосхищать события, недвусмысленно дает понять о нависшей угрозе? Тема *выбора*, безусловно, к достоинству режиссера, громко звучит в его собственном сердце, направляя его как человека, на путь распознавания ликов, но – как и в чем находит она отражение в сценическом воплощении? Герои трагедии Шекспира только и делают, что выбирают: наследников, приемников, господ, слуг, соучастников, методы и приемы кровожадной борьбы друг с другом, и, конечно, выбирают свой путь – путь грехопадения или очищения от грехов. Или НЕ выбирают? Все предопределено свыше? – Как может быть, чтобы «дала одна чета столь разное потомство?» – удивляется Кент. Незадолго до этих событий планеты выстроились в ряд, произошли затмения. Глостер: «Вот они, эти недавние затмения, солнечное и лунное! Они не предвеща-

ют ничего хорошего. Что бы ни говорили об этом ученые, природа чувствует на себе их последствия. Любовь остывает, слабеет дружба, везде братоубийственная рознь. В городах мятежи, в деревнях раздоры, во дворцах измены, и рушится семейная связь между родителями и детьми. <...> Наше лучшее время миновало. Ожесточение, предательство, гибельные беспорядки будут сопровождать нас до могилы». – А ведь это приметы Апокалипсиса!

Во время затмений, как известно, действие психической энергии сильно понижается и в самый момент полного затмения почти останавливается. Человек на какое-то время остается беззащитным перед силами той природы, о которой говорит Эдмунд, позволяя инстинктам взять верх над разумом. В спектакле Гонерилья (М. Дроздова) и Регана (Р. Малецкая) свой выбор сделали давно, они многозначительно сбрасывают свою змеиную кожу после получения власти. И точный змеиный жест, который повторяет за сестрами Эдмунд (К. Харет), так же обвивая трон руками, определяет и его выбор. Среди обитателей этого террариума, очевидно, все остальные, менее ядовитые, не вызвали интерес режиссера, и он оставил зрителя в размышлении над словами Эдгара: «Сердцем был лжив. Легок на слово, жесток на руку, ленив как свинья, хитер как лисица, ненасытен как волк, бешен как пес, жаден как лев». Эдгар (Ю. Андрищенко) перечисляет качества, которые с ужасом распознал в себе и себе подобных существах, называющих себя людьми. Неузнаваемость (ипостась невежества) правит бал – Лир не узнает дочерей, Кента; Глостер – своих сыновей. Кто друг, кто враг? Все лики необратимо меняются, и люди оказываются вовсе не теми, за кого себя выдают. И они, действительно, беззащитны в своем неумении различать Добро и Зло. Они не ведают божественных законов, а человеческие законы, созданные как будто во благо, оказываются блефом, хаосом, отсутствием порядка и целесообразности в мире материи, в мире зла, в мире животной природы, страстей и инстинктов, и вместо человеколюбия направлены на человекоуничтожение.

Что может противостоять животной природе человека? – Разум или все-таки Любовь? Лир в финальной сцене в отчаянии кричит, что животным – коню, крысе – можно жить, а Корделии нельзя. Ее удавили. Божественную природу задушили. Жизнь кончилась.

Животная способность человеческого организма производить себе подобные физические тела, что дала всем равноценно матушка-природа, действительно не является грехом для тварей земных, как говорит Лир Глостеру (иронизируя над собой): «Что ты свершил? / Прелюбодейство? Это не проступок, / За это не казнят. Ты не умрешь. / Повинны в том же мошки и пичужки». Но человек, в перспективе своего развития, – не только зверь. Человеческая природа людей определяется их способностью производить духовные ценности. Творчеством духа во всех видах деятельности определяется она, когда Разум одухотворяется Любовью. Каждый человек в течение всей своей жизни неоднократно делает выбор – внешний – в пользу животной природы, и внутренний – в пользу божественной творящей природы в человеке. Гармоничное взаимодействие этих величин создает уникальнейшую возможность – быть ЧЕЛОВЕКОМ. Принцип амбивалентности – состояние бесконечного баланса меж двух полюсов – это один из наиглавнейших законов Земли, который закреплен другим важным законом – цикличностью преобладания то одного, то другого полюса. Пары противоположностей, соответствующие материальному и духовному, – понятия несовместимые, неравноценные, пребывающие в разных полюсах, и поэтому

немыслимо цену власти, материю государства определить или измерить субстанцией любви, что попытался сделать Лир. Он нарушил баланс, а нарушение баланса в любую сторону приводит к катастрофе: смещение полюсов – это всегда передел мира, конец одного цикла и начало другого, нового. Сюжет пьесы сталкивает нас с целым рядом противопоставлений, ключевыми из которых являются: Безумье – Просветление ума, Слепота – Прозрение, Король – Шут. После бури Шут бесследно исчезает. «Шут исчерпал себя», – пишет Бояджиев, – «то, что было ведомо ему одному, стало теперь ведомо многим»¹. Загадку исчезновение Шута надо искать с учетом его появления. Ведь Шут отсутствует в сцене раздела государства и появляется лишь, когда Лир испытывает первые знаки пренебрежения к себе, став гостем в доме Гонерильи. Если режиссер считает, что Корделия – носитель идеи Любви, то почему бы Шуту не быть носителем идеи Разума, без которого неизбежно падение Короля, как властителя духа? И тогда на первый план выступает не тема *выбора*, ибо «Человек / Не властен в часе своего ухода / И сроке своего прихода в мир, / Но надо лишь всегда быть наготове», – прозревает Эдгар. На первый план выступает тема *познания*: что есть истинные законы на земле, где одна эпоха сменяется другой; где человеческие пороки неизменны, как и человеческие добродетели; где предательство и преданность – единокровные братья, где суд людей вершится золотом и властью; где имеющий глаза – не видит, а потерявший – обретает; где любовь, приносимая в жертву корысти, становится вестником смерти разрушения. Знать – означает «быть наготове». Корделия знает: «Мы не первые в людском роду, кто жаждал блага и попал в беду». Но кто услышал голос Корделии? Три мужа, оставшиеся в живых в финале трагедии (Кент, Эдгар и герцог Альбанский), восклицают: «Не это ль час кончины мира? / Исполненье сроков. / Конец времен и прекращенье дней». И режиссер ставит на этом точку. Как будто утаивает от зрителя, что час кончины – это час начала нового мира, нового круга причин и следствий в бесконечной спирали времен. Это то самое колесо Сансары или круги Ада, в которых прочно застряло неразумное человечество, унижая себя невежеством, истребляющее себя снова и снова обратным действием тех же самых законов Природы, которые отказывается познавать и ПРИНИМАТЬ. И тогда, конечно, остается без должного внимания самое важное, последнее пророчество Шута:

«Перед тем как уйти, попророчествую:

Когда попов пахать заставят,
Трактирщик пива не разбавит,
Портной концов не утаит,
Сожгут не ведьм, а волокит,
В судах наступит правосудье,
Долгов не будут делать люди,
Забудет клеветник обман,
И не полезет вор в карман,
Закладчик бросит деньги в яму,
Развратник станет строить храмы, –
ТОГДА придет конец времен»².

¹ Бояджиев Г.Н. Вечно прекрасный театр эпохи Возрождения. Ленинград, «Искусство», 1973 г., стр.437.

² здесь и в тексте перевод Б.Пастернака.

ГАЛИНА КОЧАРОВА

КОМПОЗИТОР ВИКТОР СИМОНОВ: ГОДЫ ТВОРЧЕСТВА В МОЛДОВЕ

Хорошо известно, что музыкальное искусство создается не только выдающимися личностями, имена которых прославлены благодаря их особому таланту или гению.

Огромное значение, однако, имеет и вклад в него тех, кто составляет большинство, кто, являясь серьезным, крепким профессионалом, воспитывает и обучает музыкантов последующих поколений, кто прививает вкус к настоящей музыке, пробуждает интерес к серьезным ее жанрам. К числу таких честных тружеников на ниве музыкального искусства относится и композитор Виктор Симонов. Он проработал в Молдове шестнадцать лет – с 1975 по 1991 год. В феврале 2008 года он отметил свой семидесятилетний юбилей в Москве, где живет и работает в настоящее время. При этом он сохраняет и связи с Кишиневом, оставаясь членом Союза композиторов не только России, но и Молдовы; более того, не так давно на юбилейном вечере Бориса Мариана звучал один из романсов из нового вокального цикла В.Симонова на стихи этого поэта, вошедший в репертуар певицы Маргариты Будей.

Судьба Виктора Симонова довольно типична для многих деятелей искусства – выходцев из простых семей. Правда, дед его по матери был весьма образованным человеком – сельским священником и одновременно сельским учителем. Умер он, к сожалению, рано, и будущая мать Виктора Александровича, Ольга Александровна, из родных мест, где раньше протекали реки Шексна и Молога и где сегодня находится дно Рыбинского моря, переехала в Ярославль. Здесь она вышла замуж за простого рабочего, позже доросшего до должности мастера на шинном заводе. Музыкантов в семье не было, хотя отец и любил играть на гармонии. В семье хранились также скрипка и баян, которые и стал осваивать Виктор.

Начал он свой профессиональный путь в музыке он довольно поздно, уже подростком, но успешно поступил в Ярославское музыкальное училище, которое окончил по двум специальностям – как дирижер хора и как композитор. После этого, немного поработав на Ярославском телевидении, он приезжает в Москву поступать в Институт имени Гнесиных. Тогда его дарование заметил один из лучших московских профессоров – Николай Иванович Пейко, известный композитор-симфонист, ученик Н. Мясковского (кстати, Н.Пейко в послевоен-

ные годы курировал Молдавию от ВАК'а и даже написал тогда «Молдавскую сюиту»). Он-то и взял Виктора в свой класс композиции. Позже, на пятом курсе, Виктор Симонов даже подготовил и защитил свою вторую, сверхплановую дипломную работу как музыковед, где героем стал для него самый авторитетный человек – его педагог по специальности.

Годы учебы в Москве для Виктора Симонова были очень важны в плане духовного и профессионального становления. Много дало ему общение с сестрами его матери и их семьями, с другими родными и близкими, чьи интересы концентрировались в самых разных областях культуры – в том числе таких, как изучение истории Москвы, Ярославля и Ростова Великого, естествознание, музыка... Москва тогда переживала период оттепели, и в столицу приезжали замечательные музыканты: пианист Артур Рубинштейн, композитор и дирижер Пьер Булез, английский композитор Бенджамин Бриттен и Камерный оперный театр Великобритании; прошла и премьера возобновленной в Театре Станиславского и Немировича-Данченко оперы Д.Шостаковича «Катерина Измайлова», и т.д. Очень творческая обстановка сложилась в те годы и в Институте им. Гнесиных, куда в конце 40-х годов, во время кампании борьбы с космополитизмом в музыке, ушли работать лучшие профессора Московской консерватории. Поэтому В. Симонову довелось общаться с замечательными личностями: на кафедре композиции работали Г. Литинский и А.Хачатурян, оркестровку и чтение партитур вел необычайно одаренный и очень своеобразный музыкант Ф. Витачек – племянник сестер Гнесиных; лекции по истории русской музыки вел М.Пекелис, который даже в годы запрета на изучение православной культуры оповещал студентов о дате исполнения в церкви Всех Святых «Всенощной» Рахманинова; зарубежную музыку вели такие мэтры, как К.Розеншильд и В.Левик, собиравший у себя дома студентов, чтобы послушать редкие записи вагнеровских опер...

Удалось Виктору получить немало полезных советов и у только набравшего тогда силу хорового дирижера А.Юрлова, чья в будущем знаменитая хоровая капелла как раз начинала выходить на сцену концертных залов.

Наиболее серьезным итогом студенческих лет стала для Виктора Симонова и его Первая симфония, прозвучавшая на выпускном вечере в Концертном зале Института имени Гнесиных на улице Воровского (ныне – Поварской), под управлением Ю. Агаркова. Затем последовали два года работы по распределению в Хабаровске, в Училище искусств. Там он много ездит по Дальнему Востоку, представляя свои сочинения. Тогда же он вступает в Союз композиторов СССР, причем рекомендацию ему дают Г.Литинский, Г. Шантырь и сам Д. Шостакович. Однако Хабаровск был очень далек как от Москвы, так и от Ярославля, и Виктор Симонов возвращается к родным берегам – поначалу в Смоленск, где в течение года преподает в музыкальном училище. Здесь он также активно сотрудничает с местными театрами – драматическим и кукольным, пишет музыку к спектаклям, хоровые партитуры, вокальные и инструментальные сочинения – и почти сразу они с успехом исполняются в концертах местными музыкантами. Правда, вскоре бытовая неустроенность, отсутствие жилья заставили его искать другое место. И поскольку тогда в самой российской глубинке, в Тамбове,

как раз организовывался филиал Московского института культуры, туда он и был приглашен. Здесь он преподает параллельно в институте и в музыкальном училище имени Рахманинова, читает лекции, публикует в газете «Тамбовская правда» рецензии на проходящие в городе концерты и музыкальные спектакли. И, конечно, пишет много музыки. Все складывалось удачно: его сочинения звучат не только в Тамбове, а Виолончельный концерт играет ученик М. Ростроповича, лауреат Международного конкурса им. П. И. Чайковского рижанин И. Фейгельсон. Портфель композитора тогда же пополнили Скрипичный концерт, симфонические, вокальные и хоровые произведения – как отдельные миниатюры, так и циклы. Почти все его новые сочинения в те годы звучат, в том числе, на авторских концертах, в концертах, проходивших на Пленумах Союза композиторов в Тамбове, в Москве, в Воронеже. Творческая активность Виктора Симонова росла, он стремился шире реализовать свои возможности и оказаться в условиях города, в котором был бы оперный театр, симфонический оркестр, музыкальный вуз. Именно поэтому он охотно откликнулся на один из предложенных ему в Министерстве культуры СССР вариантов и из трех городов – Ростов, Новосибирск и Кишинев – выбрал последний.

Переехав в 1975 году в Молдавию, он активно включился в музыкальную жизнь республики: преподавал в Институте искусств, работал над собственными учебно-методическими пособиями, готовил аранжировки для студенческих и профессиональных коллективов (на его аранжировках, в частности, строил свой репертуар и только созданный тогда ансамбль Виктора Копачинского «Рапсодия»). Немало поездил Виктор Симонов и по республике с концертами, организуемыми по линии Бюро пропаганды при Союзе композиторов МССР и рассчитанными на самого широкого слушателя. Творческая работа его также проходила в те годы очень интенсивно – Виктор Симонов вообще принадлежит к числу таких композиторов, кто не может не писать музыку постоянно. За время, проведенное в Кишиневе, из-под его пера вышло немало значительных по замыслу произведений – таких, как сольные концерты для разных музыкальных инструментов (для кларнета, струнного оркестра и ударных, для альта и симфонического оркестра, для баяна с оркестром). Их охотно играли местные музыканты – С.Пропищан, В.Коваль, М.Чебан, С.Дужа. Обратился он и к освоению молдавского фольклора и местной тематики (так, его Вторая симфония – а точнее, симфония-поэма под названием «Великая Отечественная», посвящена памяти молдавского молодого гвардейца Бориса Главана). Попытался он также и вписать молдавские мотивы в созданные им для тарафа «Фантазию» и «Хору». Правда, к сожалению, желание вникнуть в новую для него национальную культуру не слишком приветствовалась в местной композиторской среде, и он вернулся к более близкой ему русской интонационной среде. Для оркестра русских народных инструментов он пишет «Праздничную увертюру», Концерт для домры с оркестром. Появились и иные стиливые поиски, интернационального свойства – в таких концертных сочинениях для фортепиано с оркестром, как «Зимний вечер», посвященный памяти Александра Цфасмана или Концерт-поэма памяти Арно Бабаджаняна.

Много внимания он уделяет баяну, который позже, к большому сожалению, как «немолдавский» инструмент, был изгнан из учебных заведений Молдовы

(в программах остался только аккордеон). Тогда Виктор Симонов сотрудничал, кроме В.Коваль, и с Вячеславом Помельниковым (позже – художественным руководителем Воронежского русского народного хора), для которого создал первую версию «Полифонической сюиты памяти Д.Шостаковича», с дуэтом баянистов (В.Басюл – В.Шаров), для которых написал Фантазию на тему песни «Смуглянка» А.Новикова и «Молдавскую фантазию». Продолжает он и работу над симфониями, из которых Пятая, с хором – «Ярослав-город» – посвящена его родному краю. Свою Шестую симфонию композитор завершает уже в Москве. Берется Виктор Симонов в эти годы и за такое крупное сочинение, как балет «Командор танцует танго», по мотивам «Золотого тельца» Ильфа и Петрова. К сожалению, отсутствие «пробивных» данных и какой бы то ни было поддержки извне не дало ему возможности увидеть этот балет на сцене, хотя желание поставить его выражали в разные годы многие довольно известные балетмейстеры из Одессы, Киева, Москвы, Германии. В итоге сочинение это было представлено лишь в концерте, где исполнялись сюиты из музыки балета.

Список произведений, созданных Виктором Симоновым в Кишиневе, очень обширен. Композитор отдает в те годы предпочтение и хоровой, и камерно-вокальной, и инструментальной музыке (миниатюрам, небольшим циклам), и жанру камерного ансамбля. Есть у него и песни, и детская музыка (для детей он написал даже небольшую оперу на свое собственное либретто, назвав ее «Приключения котенка»). В ряду текстов из русской поэзии, к которой он активно обращается, – стихи С.Есенина, В.Бокова, Е.Савинова, А.Прокофьева, А.Говорова (с которым долгие годы он поддерживал личные контакты на почве творчества), рядом с ними находим имена Н.Тряпкина, Э.Потаповой; использует он и переводы на русский язык из сборников Ш.Петефи, Д.Уоллеса, Р.Бернса.

Из местных авторов он писал на стихи Р.Ольшевского, П.Колоскова, П.Заднипру (в русском переводе) и др. Песни и романсы его в те годы часто пел О.Нузман – талантливый скрипач и вокалист (к сожалению, очень рано ушедший из жизни); некоторые хоры Виктора Симонова звучали в концертах капеллы «Дойна». Его партитуры находят в те годы не только своего исполнителя, но и издателя. Так, Соната для альты соло, несколько раз исполненная в Кишиневе А.Чикиловым, вышла в свет в издательстве «Музична Україна»; там же, в Киеве, была напечатана и его «Полифоническая сюита памяти Д.Шостаковича» – в новой, дополненной и переработанной для органа версии (редакцию сделала первая исполнительница Сюиты, ныне профессор Киевской консерватории Галина Булыбенко).

Перечень событий в творческой жизни Виктора Симонова за годы его пребывания в Кишиневе можно было бы продолжить. Наверное, уже и само это его пребывание здесь могло бы продолжиться, однако в 1991 году, когда вокруг русскоязычных людей в Молдове сложилась нездоровая обстановка, он уехал в Москву, где его ждала другая жизнь. И поначалу очень трудная... Несмотря на поддержку Союза композиторов, ему долгое время не удавалось легализоваться в столице. Тогда он начал все сначала – вплоть до устройства на работу уже не в музыкальном вузе, где он смог получить всего лишь несколько педагогических часов, а главным образом в музыкальной школе, где он вел музыкально-теоре-

тические предметы. Со временем к ним добавилась и композиция, и постепенно авторитет его рос по мере того, насколько успешно выступали его ученики на конкурсах – в том числе, и международных. Не претендуя на громкую славу, он по-прежнему в эти годы пишет музыку – но уже предназначенную, прежде всего, для исполнения детьми. Для него было очень важно, что она сразу появлялась в программах детских концертов. Востребованным оказался и его педагогический опыт: он постоянно выступает на семинарах, организуемых методическим кабинетом. В Москве Виктор Симонов получил за эти годы звание «Ветеран труда» и медаль, учрежденную к юбилею столицы. Сегодня, работая параллельно в нескольких музыкальных школах, обладающих славными педагогическими традициями, он, пожалуй, чувствует себя даже лучше, чем многие нынешние композиторы академического направления, в современной ситуации сильно уступившие свои позиции поп-культуре самого низкого пошиба. И в этом ему, безусловно, очень помогает тот профессионализм, который он приобрел в годы учебы и жизни в России и который теперь он каждый день отдает юному поколению музыкантов на своей родной земле.

ГАЛИНА КОЧАРОВА, доктор искусствоведения, профессор Академии музыки, театра и изобразительных искусств, Maestru in Arta, член Союза композиторов России, Союза композиторов и музыковедов Республики Молдова, Союза театральных деятелей РМ и Союза музыкальных деятелей Молдовы.

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

ЮРИЙ ГУДУМАК

ВЕЛИКИЙ СИНТЕЗ ЗНАНИЯ

Великий синтез знания произошел гораздо раньше.
 В тот самый момент, когда человек придумал чудовища.
 Из головы и гребня петуха, хвоста ящерицы,
 крыльев лебедя и птичьих лап со шпорами,
 подобно тому, как все вещи соединяет тьма,
 мы получаем василиска. Так возникают
 полуженщины, полульвицы, полурыбы, полуптицы
 и прочие чудища, они же – боги: коршуновзорые,
 змееногие, псоглавые, сторукие... Каковые
 перечислять нет смысла, поскольку все они –
 порожденные взболтанным содержимым ума,
 как это делали греки, смешивая вино и воду, –
 все они обрели реальность.

Мы видим, как, не успев стать снами современников,
 какая-нибудь морская свинья, чудо-юдо рыба-кит
 обрастает парусом, сообщество крылатых змеев
 все больше походит на аэропланы Можайского
 и братьев Райт, и, листая старый бестиарий
 в бледно-розовом переплете, о поезде мы читаем:
 «Амфисбена: змея о двух головах – спереди и на хвосте.
 Двигается в любом направлении, не поворачиваясь.
 Зимой не замерзает. Глаза ее горят, как фонари».
 Еще немного – и в бонаконе,
 воспламеняющем своими экскрементами всю округу,
 раскрывается принцип реактивного двигателя.

В принципе, наш брат дикарь все эти эволюционные новинки
 так и воспринимает: как те самые страшилища.
 У тех и у других общие эпитеты.
 О тех и о других мы вправе сказать:
 черство, холодное, беспощадное.
 Более того, волей-неволей нам становится ясно:
 без иносказания не обойтись. Ибо если толпа,
 то стоустая, если города, то пожиратели этих толп.

И действительность приобретает монструозные очертания.
 Ника Самофракийская, дошедшая до нас
 с крыльями и без головы, внушает скорее ужас.
 Прекрасное требует пугающих сравнений, как та
 не поддающаяся простому описанию китайская красавица:
 «брови, что крылья у зимородка»,
 талия – «вроде рулона чистейшего шелка»,
 зубки – «словно держит во рту она раковинки».
 Мы продираемся сквозь индустриальный ландшафт –
 и встречаем что? Пугало китайское. Потому что оно
 произошло от упомянутой выше красавицы.

Так мы приближаемся к поэзии.
 Так великий синтез знания, отдавая древностью,
 соединяя несоединимое, обнаруживает себя
 в сочленениях букв, переходящих в сочленения слов,
 и так далее и так далее, порождая в конечном счете,
 пусть и в облике метафоры, чудовища.
 Поэзия в этом смысле чудовищна.
 А главное, потому, что и у поэтического заклинания,
 и у заклинаемой им реальности – одинаковая цель:
 олушить, заколдовать, вызвать оцепенение.

САМО БЫТИЕ – КАК ПРОСОДИЯ

«Само бытие – как просодия. И умерщвляет тем
 уже, что, рифмуясь с небытием,
 не ново» – следует дальше фраза. И шелест листьев
 оседает на уши, будто кто-то, ее помыслив,
 услышал нечто совсем иное: менее,
 чем что-либо, похожее на слова.
 Непревзойденное, неповторимой манеры пение
 иволги-на-закате расточает вечерняя синева,
 как дыханье сподвижницы эта фраза.
 Голос, лишенный «профиля» и «анфаса»,
 следуя этой логике,
 мог бы звучать, как журчанье в ручье луча,
 как шуршанье в траве – то есть именно не уча
 ничему, как простое жужжанье в облаке
 желтом пыльцы. Ибо, сам по себе лелеем
 шелест листьев, ничуть не заботясь о
 смысле сказанного, его развивает до
 противоположного – насколько он беспределен,
 смысл сказанного. Настолько, чтоб породить, помрачая ум,
 необъяснимый шум.

НА ПОЛДОРОГЕ В ЛОЯН

(Из древнекитайской философии)

«На одного пахаря приходится сто едоков,
на одну ткачиху – сто рассчитывающих одеться.
Посмотри лучше в Небо. Об этом ты знаешь с детства.
Вспомни игру в чурбачки на дорогах, бои сверчков.
Или с годами, повыждав, ты стал черствеи?
Зачем тебе спину гнуть, раз облака ленивы,
раз некому больше полоть и мотыжить нивы,
шелковичных растить червей?

Славный твой предок из желтой земли возник
и исчез туда же. Но дела главного не бросал.

Так сохранял устои.

Когда голод и холод приходят вместе,
разве не могут люди решиться на что худое?
Стал деревянным, точно у колокола, твой язык.

Бродяги, бездельники, повозки, влекомые лошадьми, –
все на пути в Лоян. Знай же, что встретить холод
и голод, Жэнчжэ, – нет места лучше, чем этот город.
Зачеши в пучок свою гриву седую, свирель возьми.

Раньше ты старую рану свою прижигал трuтом
из полыни, сожалел о злаке с раздвоенной остью,
как самом малом.

Даже горному лесу не устоять перед огненным палом.
Лоян – это то, что будет со всеми нами, Жэнчжэ, потом.

Ибо шелка чистейшего сотни штук
зря изводятся там на изысканный слог, чтобы вымолить
горстку счастья...»

И тогда, взяв свирель, Жэнчжэ, чтобы больше
не возвращаться,
наподобье оружия заострил мундштук.

К. И ПСИХОАНАЛИЗ

Тезис К. об абсолютном пространстве
предполагает, что трата его отверзта
в любую сторону. Но о том, что происходит в момент
отъезда,

К. и думать не думал.

Вечер в вечернем небе поверчивал свой карбункул
как еще одну точку зрения на ландшафт.

К. по достоинству смог оценить ландшафт
как вид заточения. Здесь лежат
основания тезиса об абсолютном пространстве,
и отсюда же непомерность стиля, присущего К.:
    маниакальность повторов, лингвистический тик, т. д.
В противоположность психоаналитику (и не без причин)
К. считал, что так он меньше разоблачим.

Приблизительно в этом плане,
    как у тех, у других, и третьих,
у него обнаруживается страсть к языку.
    Вы видите это в детях.
Больше того: с годами он стал завистлив
к короткому свисту жабы, к крику цапли, к шороху
    палых листьев.
Стоило листьям начать желтеть, как он умолкал:
    все-таки нужно показать себя прилежным учеником,
полагал справедливо К. Но уместно ли было постфактум,
    уже тогда, досаждать вопросами: полагал о ком?
О чем? В некотором роде очередной извив
вопрошания похож на голые кнутовища ив.

Вот почему все сказанное можно
постичь от противоположного. Поскольку сложно
не согласиться с К., когда он молчит.
Здесь вы должны прочесть, что что-то не так. Конечно,
дерева продолжают ронять листву, и вы понимаете:
    искренность – тоже нечто.
Но что К. молчит, удивлять не должно.
В противоположность тому –
надлежит принимать как должное, как еще, вероятно, тьму
одному ему понятных вещей, вообще пример
(ибо, кажется, об этом нет и речи) красавицы,
    которую К. имел.

Несколько сонных тушек
из отряда сизоворонок, востепенувшись на голых лапках,
    изображали поиск эквивалента в душах.
Около времени зимнего солнцеворота сорок два градуса
    тепловкровной птицы
уравновешиваются тремя с превеликим трудом. И душа,
    говоря языком философа, устремляется за границы
памяти, слуха, зрения. Филантроп, но и моралист
(вещи достаточно разные), К., как известно, никогда
    не бывал на юге. Голубыми – что да, то да – глазами
он вопрошает о том, почему осина роняет лист.
Как какой-нибудь кенигсбергский мыслитель на фоне
    балтийских дюн,
передвинутых ветром еще на дюйм.

САМОЦИТАТЫ

Листья осенней таволги, языкатой
 на древний ропот или некогда средненебное,
 пересчитанное цикадой.
 Вычти мы собственный голос,
     и оно зазвучало бы только правдоподобнее.

Как почти что каверза
 речи, образчик бессодержательности. В особенности – любуйся
 мы им с точки зрения будущего: глядя на это буйство,
 продолжающееся как бы уже без адреса.

Или – достань нам отваги вложить в уста Овидия-сладкогласца
 ее таволжаное «я» мастерицы не хуже цикады клясться
 в своем постоянстве. Не хуже сердца.

Даже печальный вздох цитируется через посредство
 не пера, взгромоздившего слог, но ветра.
     И мы можем заживо
 хоронить себя среди этих холмов в поисках подлежащего.

В направлении нашей фразы сплошные дебри.
 Потому что туда мы себя передвинули, в это будущее –
     где никакой Евтерпе
 мы бы не прибавляли, пойми мы, что это и есть
     наш триумф, развязка, этика
 и эстетика бьющегося в судороге эпилептика
 вянущего растеньица, бердящего слух, как другие точные
 рифмы к слову: все эти
     обещания, сожаления... Но слышится только шелест...
     И его относит куда-то еще восточнее
 передразниваемого цикладской
 золотой цикадой.

НА МЕСТЕ ЛИ ЕЩЕ ПИДМЕТЫ?

Ближайший хроникальный контекст,
 по-видимому, нигде так не согласуется
 с дальним культурным контекстом,
 как на примере яблонской гидрографии.
 Каждый из множества балочных ручьев и речушек,
 берущих здесь начало
 и испокон веков оплакивавших эти места
 чистой слезой, впадавшей в Палеопрут,
 ныне в растущей мере имеет аналог

в беккетовской струйке мочи –
лучшем символе быстротечного времени.
Со стока, утверждает наука,
начинается процесс перестройки всего ландшафта.
Но едва ли он им заканчивается:
обратить эту истину в своего рода противоположность
было предоставлено яблонским прудам.

Хотя плотины для них строили не бобры,
а люди, прудов в Яблоне,
как можно в связи с этим предположить, –
превеликое изобилие.
На местном диалекте «озеро», или «пруд»,
обозначается словом «став». Слово это
обладает значением, в отличие от других языков,
наилучшим образом указывающим на сущность озера
как стоячей воды – на то, благодаря чему оно,
озеро, таковым является.
Если проточная вода становится вестником,
сообщающим географу сведения о своем истоке,
следовательно – течет из прошлого
и, как время у китайцев, сверху вниз,
то озера, чьи воды «неподвижны и мертвы»,
даже ввиду своей разрозненной,
спорадической многоглазости, вспыхивая звездной рябью,
напоминают живописцу оцепенелый мир –
тот, что поражен небесными светилами.
Этим глазам студеной озерной глубины
если и определено было
что-то отражать в местном ландшафте,
то не концепцию быстротечности времени,
а самое древнее из того, что в нем есть, –
спокойное (точно зацветший пруд),
осеннее, вечерне-зеленой разновидности небо.

Что и говорить,
с тех пор утекло немало воды.
Старики разводили голубей, детвора играла в футбол
надутыми свиными бурдючками... А женщины,
чтобы обеспечить себя пряжей на долгие зимние вечера,
ходили к прудам промывать овчину.
Худо ли, хорошо ли,
но к одному из разряда тех,
что и поныне числятся утиными,
приросло это название – Пидметы.
Так, во всяком случае, гласит предание.

Но даже если это и так,
даже если и верить преданию на слово,
возникли Пидметы – ибо, как нигде более,
бытие, доступное пониманию, есть язык –
не раньше, чем обрели свое имя.
Тогда-то они и стали бытием,
могущим быть понятым и, следовательно, – вспомнутым.
Если бы прошлое имело пространственное выражение
и отвечало на вопрос не *когда?*, а *где?*,
оно находилось бы здесь.

При всей своей
топографической определенности и фиксированности
пидметские окрестности, возможно, именно потому
отказываются складываться в карту,
что мы пытаемся локализовать их в пространстве,
сводя к тому, чем они всегда и были для нас, – прошлому.
Опыт привязки – всего лишь попытка вспомнить,
тогда как попытка рекогносцировки – скорее похожа
на вылазку из бодрствования в сон.

Хорошо известно
пожалуй что направление, в котором находятся Пидметы.
Ибо какое еще может быть направление у прошлого?
Парадоксальным образом в случае Пидмет
оно совпадает с траекторией закатывающегося солнца –
меняя тем самым знак на противоположный,
соответственно – упраздняя (и делая бессмысленным)
вопрос о времени вообще:
редкая типологическая устойчивость,
позволяющая отнести Пидметы,
пусть и с точки зрения их аллегорического смысла,
к пост- и аисторическому ландшафту.
Такая черта, и без того сказать, характерна
для «става» и неба, которое в нем отражается.

Это почти сновидческая картина:
закатывающееся солнце,
сквозь усиливающий фильтр атмосферы
вызывающее у нас чувства, о которых можно сказать то же,
что Арто поверяет о закатывающемся солнце –
что оно, оранжевое, прекрасно благодаря тому,
что оно у нас отнимает.
О чем говорит Арто?
Существуя в другом месте и в другое время,
этот «западный человек», глядя на запад,
видит то же, что видим мы.

Так торжествует логика направления,
противостоящая логике протяженного, – вектор,
в котором мы движемся то ли по инерции,
то ли во сне.

Дело не в том,
чтобы ее интерпретировать, эту логику направления,
а в том, чтобы повторить ее траекторию.
Если она грозит
фантастическими грамматическими инверсиями,
отсутствием смысла, нехваткой вообще «грамматики»,
то это сама действительность – Пидметы, не дающие нам
расстаться со своей «узколичной» точкой зрения,
связанной с нашей памятью и с нашими снами.
В ландшафте, особенно – в его культурном понимании,
воспоминания и сны являются реальностями.
Не большими и не меньшими,
чем называемые оптическим обманом
видоизменения формы и цвета земной поверхности
в лучах закатывающегося солнца. Наряду с похожими
на эффект гашиша серебристо-стальными рефlekсами
на темнеющей глади озера.

Вот оно
корчит рожи деревьям, как тот безумец.
Не нарциссово зеркало, но опрокинутое в амальгаму небо,
с отпечатками ряби волн, как на пермском песчанике, –
настолько древнее, что покрывает лицо морщинами.
Или – разбавленное зеленоватой мутью вод,
переливающихся оттенками
гелиотропа, оливина, роговой обманки, –
с разметавшимися по нему среди светло-
берилловой зелени перламутровыми клочьями шерсти,
которые совершенно пустое дело сравнивать с облаками.
Избыточное содержание тут так велико, что небо,
и правда, казалось бы с овчинку, не будь оно больше,
каковым оно кажется из-за нашей неосведомленности,
а еще – одиночества.

Насколько же оно оказывается больше, если учесть, что
всякое отражение, как минимум, удваивает одиночество.
И насколько оно оказывается больше –
меренное скользящими по нему водомерками!

За отлогим мыском,
где озерный плес зарастает ряской и тростником,
оно переходит в болото.

Жабий цветок подсказывает, как еще все-таки хрупко мироздание там, где, кажется, нет ничего, кроме неба: там нерестятся окуни.

Можно, конечно,
рассуждать о пространстве как сочленении функций –
ядром которого выступает озеро;
о безупречном рисунке его берегов
как первичном элементе восприятия местности; об озере
как фокусе, в котором сходятся складки местности;
о самом этом месте как омуте,
где рождается рыба. Просто-напросто –
свести пространство к чисто евклидовскому элементу.
Но и такому выдающемуся землемеру, как Евклид,
его не измерить, хотя бы и уложив
в картографическую проекцию.
Понятно, что, попав в эту «страну снов»,
выбраться из нее можно, лишь принеся в жертву
не бог весть какую вещь – сон.

Вот почему в неясном свете
розовоперстой* зари (*указывающей нам на что-то),
при всем при том, что есть логическая необходимость
и нет никакой эмпирической необходимости,
мы вскарабкиваемся по глинистому взгорью
за единственным разъяснением:
на месте ли еще Пидметы.

ЮРИЙ ГУДУМАК родился в 1964 г. в селе Яблona Глодянского р-на (Молдавия) в семье крестьян. Окончил геолого-географический фак-т Одесского госуниверситета. Работает в Академии наук РМ. Автор четырех поэтических книг. Член АРП РМ и Союза писателей Молдовы.

ПРОЗА

Поле притяжения

СЕРГЕЙ УЗУН

НОВЕНЬКИЙ

– Новенький? – внимательно прочел пропуск охранник.

– Фамилия такая у меня, – кивнул Олег. – Буду работать тут.

– Может и будешь.. – хмыкнул охранник. – Обожди пока. Мне позвонить надо.

Олег отошел от вахты и закурил, любуясь вывеской у проходной и пробуя на вкус звучание фразы «Здравствуйте. Я работаю в дурдоме.»

– Простите, я услышала... Скажите, вы здесь работаете? – у обратившейся к Олегу женщины обнаружилось красивое лицо, волнующий голос и конверт в руках.

– Мы у дурдома, мадам, – ухмыльнулся Олег. – Было бы гораздо хуже, если бы я рвался туда как пациент. Работаю. Сегодня первый день вот. Санитар я. Не пускают пока. В сумасшедший дом не пускают...

– Я могу вас попросить, а? У меня письмо. Для Терехова. Из 3-й палаты. Я вас очень прошу. Это важно очень. Это письмо всего лишь. Вы можете даже открыть. Ну, я вас очень прошу, – забубнила женщина, чуть не насильно вручая конверт. – Это просто письмо...

– Да передам. Если письмо только, – принял конверт Олег. – А вы ему кто?

– Уже никто! Хахаха! – засмеялась женщина и бросилась бежать от проходной, заливаясь истеричным хохотом и выстукивая каблуками «Янки Дудль».

– От вас, по-моему, сбежала женщина, – вернулся Олег к проходной.

– Ага. Видели, – закивали на вахте. – Взял письмо, Новенький?

– Взял... А это запрещено разве?

– Ну что ты! Кто ж тебе запретит-то, смелый санитар? – загыкала довольно охрана. – Проходи давай. Пока тебе чего похуже не вручили... И это... Аккуратней там.

– А... А куда мне? – спросил Олег.

– В дурдом! – заржали на вахте. – К главному корпусу дуй. Там расскажут.

Вертушка тревожным скрипом напомнила Олегу, что «там» надо быть аккуратнее и что в охране, как правило, служат черствые, но ленивые люди, которым лень смазать скрипящую вертушку. «К главному корпусу» – гласил указатель, недвусмысленно давая понять, что к главному корпусу надо ломиться не по дорожке, а через густой кустарник.

– Давайте не будем преждевременно сходить с ума, – предложил сам себе Олег и решил идти по дорожке.

– Это разумно очень и даже где-то похвально, – отозвались из кустов. – Но и затягивать с безумием не стоит.

– Ох ёё, – охнул Олег от неожиданности. – Нельзя так пугать людей... Это хулиганство.

– Бросьте. Я ж вам не показывался на глаза, – сказал голос. – Чего вам бояться? А хулиганство – это если бы я в вас камнем кинул и сбежал.

– Я от неожиданности больше... А вы вообще кто? – поинтересовался Олег.

– На этот счет есть разные точки зрения, – спокойно ответил голос. – С точки зрения современной медицины – я сумасшедший. С вашей точки зрения – я голос в кустах. С точки зрения моей бывшей жены – я человек, который украл ее лучшие годы жизни. С точки зрения моей мамы – я бедный и испуганный ребенок, который не выдержал скотского к себе обращения со стороны жестокого мира. С точки зрения...

– А с вашей точки зрения, вы – кто? – невежливо перебил Олег.

– Человек-хамелеон. Ну, или хамелеон-человек. Не думаю, что это важно, – представился голос.

– И что такого ужасного, если вы хамелеон? – хмыкнул Олег.

– Вы когда-нибудь видели хамелеона? – скептически осведомился голос. – А хамелеона-человека? То-то же.

– А мне кажется – вы обыкновенный больной человек, – сказал Олег и заглянул в кусты.

Несмотря на густоту кустарника, очевидно было, что в кустах никого нет.

– Это глупые шуточки! – строго сказал Олег. – Где вы прячетесь?

– Я по вашу сторону кустов! – грустно сказал голос буквально в ухо Олегу. – Просто вы меня не видите. Потому что вы – обыкновенный зашоренный санитарик.

Олег дернулся обратно и вновь никого не увидел.

– Что за шуточки такие! – возмутился он и быстро зашагал к корпусу.

– Вам налево от фонтана. Там указатель есть, – опять сказали где-то совсем рядом.

– Отвали, псих! – огрызнулся Олег.

– В следующий раз в рыло дам, хамло! – спокойно пообещали за спиной и послышались удаляющиеся шаги.

Олег оглянулся: – на дорожке по-прежнему не было никого.

– Нельзя идти вперед, постоянно оглядываясь назад! – с кавказским акцентом сказали впереди.

– Отстань! – вновь подпрыгнул от неожиданности Олег и моментально потерял дар речи.

Иосиф Виссарионович Сталин в неизменном френче стоял на дорожке, курил трубку и мирно улыбался в усы.

– Что значит это «отстань»? Кто так отвечает на добрый совет, а, товарищ? – спросил Сталин.

– Не может быть... – прошептал Олег. – Вы очень похожи...

– На кого похож товарищ Сталин? – по-отечески улыбнулся Отец Народов.

– На Отца Народов! На гениального Вождя! – решил не спорить с очередным сумасшедшим Олег. – Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.

– Новенький? – прищурился Виссарионыч.

– Да. Это фамилия такая у меня, – автоматом выдал Олег и вытянулся во фрунт. – Мне в главный корпус сказали...

– Идите, идите, – понимающе кивнул Сталин. – Работа – есть работа. А потом сразу ко мне. У меня к вам пара вопросов есть.

– Слушаюсь! – гаркнул Олег и рысью помчался к корпусу.

.....

– ... вот! Это безумие какое-то. Почему они все ходят без присмотра?! – возмущенно брызгал слюной Олег. – Это ж порядок должен быть хоть какой-то.

– Все под присмотром, салага! – ответил старший санитар Семеныч. – Ты кого видел-то? Кого? Хамелеона видел?

– Не видел я его! Слышал только. Он же прячется, – возразил Олег.

– Ну да. Он же Хамелеон. Его не видно вообще. Как за ним уследишь-то? Да он и безвредный. Гуляет себе и все, – пожал плечами Семеныч.

– А Сталин?! – взвыл Олег. – Его тоже не видно?

– Ты думай о чем говоришь! – рявкнул Семеныч. – Это ж Сталин! Кто его в палате удержит-то? Думаешь своей головой?

– Да какой Сталин? Вы тут все больные, что ли? – ошарашенно спросил Олег. – Я спрашивал – это Старинов Василий Семеныч. Обычный больной. Думает, что он Сталин.

– Ага. Обычный больной, – кивнул Семеныч. – До тебя тут Саня работал. Санитаром тоже. Наорал на этого обычного больного. Пытался в палату вернуть.

– И что? – не дал выдержать паузу Олег.

– Ничего. Ночью увезли Саню из дому. На черной машине.

– Как увезли? Куда? – не понял Олег.

– Кто ж его знает куда? Увезли и все. Нету Сани в городе. Вот и думай, – пожал плечами Семеныч. – И Хамелеон тоже, вроде, обычный больной. Ан вот был, был и нет его. Как растворился. Я сам видел.

– Не бывает такого! Ну не бывает и все. Не верю я. Вы разыгрываете меня.

– Угу. Я тоже не верил. Пока не увидел. И ты пока не верь, – понимающе кивнул Семеныч. – Пока не увидишь сам – не верь. А со Сталиным осторожнее все-таки. Мой тебе совет.

– Спасибо. Я постараюсь. А там поглядим, – согласился Олег.

– Вот и молодец. А теперь давай со мной пройдемся. Я тебе покажу – кто, где, чего. Буйных посмотрим. А?

– Конечно. Только мне в третью надо заскочить, – письмо передать, – показал конверт Олег.

– Артаксерксу? – побледнел Семеныч.

– Неа. Терехову какому-то.

– Артаксерксу! Ты нормальный?! – закричал Семеныч. – И что там написано?

– Я не читал... – опешил Олег от такого напора. – А что случилось-то? Подумаешь, письмо.

– Не письмо, а Весть! И ты – Вестник. А Артаксеркс – Персидский царь, – Семеныч вправду был напуган. – В Персии знаешь чего делали с гонцом, принесшим дурную весть? Башку рубили. И как тебя угораздило...

– Очень смешно. Запугать новенького санитаря – это традиции. Надо только что-то более умное придумать. А то с отрубанием башки – это уже дурость какая-то.

– И очень запросто, сынок, – Семеныч сочувственно смотрел на Олега. – Ты ж в дурдоме. Кто психам судья-то? Возьмет, да оттяпает. Чего ему. Он ж царь.

– Чем оттяпает-то? Вы психам топоры выдаете? – участливо спросил Олег.

– Не. Топоры – они сами. Откуда-то. Ты бы письмо глянул, – посоветовал Семеныч.

– Так, может, и ну его, это письмо? Выкину, да скажу, что не было никогда? – предложил Олег. – Откуда он узнает-то?

– Неа, – отмахнулся Семеныч. – Так хуже. За утерю Вести – точно убьет. А так есть шанс, что Весть хорошая. Тогда, наоборот, наградит он тебя. Так что, конвертик-то глянь? Хотя, конечно, дело твое. Персидская рулетка – это тоже круто...

– Фарфор сейчас не в моде, – прочел Олег. – И все. Это какая Весть? Добрая?

– Не знаю. Тут вопрос надо знать, – задумался Семеныч. – Может, и добрая.

В дверь сунулся кто-то в белом халате и закричал:

– Семеныч, Артаксеркс гонца спрашивает. Срочно требует! Злой такой.

– Ну... Идти тебе надо, – сказал Семеныч и перекрестил Олега. – Злой он, слышишь? Лучше сам иди. А то отведут... Хуже будет тогда. По коридору сейчас и направо сразу. И поуважительнее с ним. Царь все-таки. И это... Прощай, если что.

Семеныч вытолкнул Олега из комнаты и закрыл дверь.

– Это вы гонец? – схватила Олега за руку миловидная медсестра. – Где вы ходите-то? Он же ждет. Давайте быстрее. Вы же не хотите, чтоб меня высекли?

Она тащила Олега по коридору и причитала:

– Чуть-чуть быстрее, молодой человек. Я с вами потом встречусь. Если вам повезет. Сходим куда-нибудь. Посидим. И телефон дам. Только, ради бога, быстрее, а?

У двери с цифрой 3 она остановилась, поправила прическу, постучала и крикнула:

– К вам Гонец, о Величайший из царей!

И, не дожидаясь ответа, втолкнула Олега в палату.

– Где ты ходишь, раб? – рывкнул с койки на Олега встрепанный невзрачный мужичонка, которого обмахивали опахалами двое санитаров.

– Я, вашсиятельство... Я первый день, – забубнил Олег. – Я еще не знаю где тут и чего. А так я торопился. Бежал.... Меня Сталин задержал! Вот!

– Письмо! – рывкнул псих.

– Что письмо? – притворился Олег. – Кстати, меня всегда интересовало... Как вы относитесь к фарфору? Не лично вы, конечно, но такие вот великие цари...

– Письмо, раб! – закричал опять больной.

– Я могу за честь! – сказал Олег. – Ради вашей безопасности! Мало ли какие там микробы...

– Письмоо!

– Вот оно! Танцуйте! Этот танец умилюстит богов! Боги почты не осерчают! – торжественно провозгласил Олег.

– Боги? – поднял бровь Артаксеркс.

– Они! – сурово кивнул Олег. – Лестно им, когда уважение показывая, ритуально танцует равный им Царь Всея Персии Богоподобный Артакс... Антра... Ксеркс!

– Нууу, – заупрямился царь. – Я без музыки не могу...

– Я могу вместо вас! – предложил Олег. – Только мне надо знать... Чтоб танец получился... я не смогу танцевать в честь письма ответа, если не знаю вопроса.

– Всего-то? – повеселел царь. – Вопрос был – Ненавидит ли мир фарфор, как ненавижу его я?

– Оооооуууу! – запел радостно Олег и запрыгал по палате. – Спасибо вам, Боги Почты!!

– Это что за скачки? – нахмурился Царь.

– Это танец такой, о Великий! Танец благой Вести! Возрадуйся! – прыгал и махал руками Олег. – Ибо обрадует тебя Весть!

– Не томи, раб! – закричал Царь. – Что там? Ну?!

– Фарфор сейчас не в моде! – торжественно прочел Олег и поклонился.

– Вот тебе и капец! – злобно прошипел Царь. – Это очень плохая весть, раб. Ты расстроил меня очень.

– Да почему плохая-то? Почему? – чуть не разрыдался Олег. – Весь мир ненавидит фарфор так же, как вы!

– Я не смогу продать эту кружку! – показал Артаксеркс кружку. – Кто ее купит теперь, а? Кто, я спрашиваю? Считай – нет у тебя головы уже. НЕ-ТУ! Понял?

– Чашка алюминиевая! Не фарфоровая она! – закричал Олег. – Тебя обманули! Тебя подло обманули!

– Хммм, – задумчиво осмотрел кружку Царь. – И вправду... Надо же... Уже 15 лет у меня, а я и не видел. Так меня обманули?!!!

– Боюсь, что так, Царь, – скорбно поклонился Олег.

– О Боги! Какая дурная Весть!!! – завыл Артаксеркс.

– Но вам повезло!!! – радостно закричал Олег. – Алюминий сейчас в моде!

– Правда? – недоверчиво посмотрел Царь.

– Абсолютная! Все знатные люди пьют из алюминия, едят из алюминия, – увещевал Олег. – Одного царя свергли даже за то, что ел с золота. Вы -Царь, у вас алюминий. И мир в порядке полном!

– Хмм. Я рад, – довольно протянул Артаксеркс. – Тебе полагается награда! Подойди, раб.

– Улыбка царя – достаточная награда! – пафосно провозгласил Олег.

– Я сделаю тебя свободным! – не менее пафосно провозгласили Царь.

– Не надо нам, – отказался Олег. – Зачем мне свобода? Самому искать кому отнести письмо? Не рассчитывать более на награду? Не надо. Могу взять золотом. Или деньгами.

– Хорошо! – согласился Царь, подошел к Олегу, сунул ему что-то в карман халата и потрепал по щеке. – А вы, похоже, удержитесь на этой работе, Новенький.

– Я приложу все усилия, Царь! – гаркнул Олег.

– Терехов моя фамилия, – засмеялся сумасшедший.

Грохнули хохотом санитары с опахалами.

– Я знал, что это развод! Сволочи! – пробурчал Олег и ругаясь побежал к Семенычу.

– Очень смешно, Семеныч! Милые развлечения, – выпалил он в лицо Семенычу.

- Развели? – спросил Семеныч с абсолютно серьезным лицом.
- Развели, – сказал Олег и сунул руку в карман. – И наградили. Камешком каким-то.
- Изумруд это, Олег. И немаленький. Повезло тебе, – протянул Семеныч.
- Но... Откуда?..
- Между прочим, в современном мире топор найти легче, чем изумруд, – кивнул Семеныч. – Так что повезло тебе, Олег. – По-моему, замечательно для первого дня! – материализовался за столом непонятно откуда Человек-Хамелеон.
- Только вам к Сталину надо. Ждет уже. Тоже не сахар, на мой взгляд.

Вандализм

Петр Степанович, опаздывающий на работу, стоял у перехода и наблюдал за табло, на котором издевательски моргала надпись «Стойте».

– Стойте. Стойте. Стойте! – раздражался Петр Степанович. – Две минуты стоять и только двадцать секунд идти. Издевательство какое!

– «Идите!» – приветливо моргнуло зеленым.

Петр Степанович, занятый ментальным брюзжанием, пропустил момент, когда стало можно. Табло ласково моргнуло и выдало бегущую строку:

– «Чего тупим? Зеленой не будет».

Петр Степанович очень удивился, но совладал с собой и шагнул на проезжую часть. Табло свистнуло громко и выдало бегущую строку:

– «Быстрее, утырок!».

Петр Степанович оскорбился и назло пошел очень медленно.

– «Геморрой?» – поинтересовалось табло. – «Или от рождения небыстрый такой?»

– Вот гнида! – ругнулся Петр Степанович и пошел быстрее.

– «Стоять!» – сменилась надпись на табло. – «Стойте, то есть».

– Чего началось сейчас? – вслух возмутился Петр Степанович. – Еще двадцати секунд не прошло.

– «Так надо!» – ответило красным табло. – «Стойте на разделительной линии».

– Фиг тебе! – гаркнул Петр Степанович и рванул обратно. Под визг тормозов, под яростное бибиканье клаксонов, под мат автолюбителей Петр Степанович добрался до заветного тротуара, вытер пот со лба и победно посмотрел на табло.

– «Ну, не олень?» – бежала по табло ярко-красная строчка.

– Это что, скрытая камера такая? – осенило Петра Степановича.

– «Ага. И УЗИ вам попутно сделали», – ехидно отозвалось табло. – «Больно надо кому-то такое убожество снимать».

– Да что ж за хамство-то такое, а? – кипел Петр Степанович.

– «А с вами, кеглями, по-другому нельзя», – не унималось табло.

– А не пошло бы ты, – ругнулся Петр Степанович и шагнул на проезжую часть.

Взвизгнули тормоза, раздалось возмущенное «Куда прешь, каззел?». Петр Степанович закусил губу и упрямо пошел по переходу.

– «Во дурак. Красный же», – выдало табло. – «Собьют же сейчас».

– И пусть! – упрямо мотнул головой Петр Степанович и продолжил идти.

Благодаря интеллигентности и вежливости автолюбителей к середине дороги Петр Степанович узнал много нового о себе, о своих близких, о сексуальных пристрастиях водителей. Грудь жгло обидой, в глазах мигало красным обидное «Приветствуем почетного камикадзе нашего района!», «Не выключайте камер – сейчас вы станете очевидцем», «Куда вы прете, лох суицидный?».

На разделительной полосе Петр Степанович остановился передохнуть от переживаний и победоносно посмотрел на табло.

– «Круто», – отозвалось табло и добавило: – «Не всякий петух долетит до середины проспекта. А теперь давайте снова ломанемся обратно. Как это принято у жертв ДТП. В метаниях сбиваются придурки».

– Ага-ага, – закивал многообещающе Петр Степанович. – Сейчас я доберусь до тебя.

Он набрал воздуха и пошел дальше.

– «Не подходи ко мне, псих!» – пробежала строка по табло.

– Сейчас-сейчас! – если бы у Петра Степановича был щит, он бы его сгрыз в секунду от ярости.

– «Петя, давай поговорим как интеллигентные люди?» – выдало табло.

– Куда прешь? – высунулся было из какого-то джипа очередной автолюбитель, но осекся под взглядом Петра Степановича.

– Рыло забил! – рявкнул страшным голосом Петр Степанович. Автолюбитель закричал от ужаса, поднял стекла и попытался сдать назад. В ту же секунду в джип влетел белый опель. Опель отбросило на соседнюю полосу... Дальше Петр Степанович шел под звуки разбивающихся автомобилей, пригибаясь, когда над переходом пролетал очередной подброшенный ударом автомобиль, и провожая взглядом летящих мотоциклистов.

– «Чего творишь-то, беспредельщик?» – беспокойно мигало табло.

– Сейчас-сейчас... – рычал Петр Степанович, неумолимо приближаясь к бордюру.

– «Люди! Остановите вандала!» – табло светило с такой силой, что на доме напротив эта надпись горела как неоновая вывеска.

– Сейчаааас! – закричал Петр Степанович и подскочил к одной из разбитых машин.

– Не надо! Не надо! Возьмите деньги! Все возьмите! – испугался хозяин автомобиля и попытался убежать на поломанных ногах.

– Молоток в багажнике есть? – обратился к нему Петр Степанович.

– Все заберите, все! – бился в истерике автолюбитель.

Из ноздрей Петра Степановича повалил дым, глаза его загорелись желтым цветом. Он шагнул к искореженной машине, оторвал крышку багажника и достал молоток, разорвав брезентовую сумку с инструментом.

– Я иду к тебе, тварь светодиодная! – закричал он.

От этого крика облетела листва с близлежащих деревьев и посыпались на землю оглушенные птицы.

– «Петенька, ты меня неправильно понял», – выдало табло, переливаясь всеми цветами радуги.

Петр Степанович одним прыжком добрался до табло и начал крушить его молотком.

– «Идите!», «Пожалуйста идите!», «Милый, бесконечно милый, пешеход».
– пыталось задобрить табло.

– «И-ите», «-дите», «ите», «те», «е адо, Пет-нька», – табло от ударов теряло ясность изложения, свистело, пикало, хрустело...

– «и», «ай», «э»... «Эхххх» – сокрушенно пикнуло табло и погасло совсем.

– Получил? Получил, тварь?! – закричал Петр Степанович и отбросил молоток. – Будешь знать теперь!

Затем он оглядел разбитые автомобили, послушал стоны раненных и закричал страшно:

– Что?! Покатались?!

Как по команде в обморок упали наряд полиции и санитары, подкрадывающиеся к Петру Степановичу.

– Не злите меня лучше. Не злите! – попустило Петра Степановича. – На работу опоздал из-за вас всех. Сволочи!

И пошел на работу, с ужасом думая о предстоящем объяснении с начальством...

СЕРГЕЙ УЗУН родился 15 декабря 1971 г. в Чадыр-Лунге (Гагаузия), окончил Технический университет Молдовы, работает системным администратором. Автор трёх сборников рассказов: «Не поймите меня правильно» (Москва, Центрполиграф, 2007 г.) «Ветер в подстаканниках» (Москва, Центрполиграф, 2008 г.) «Почти книжка» (Москва, изд. «АСТ», 2009 г.). Один из самых читаемых блоггеров в Интернете.

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Взлётная полоса

МАРИЯ-ЗОЛА ЧЕКОЛТАН

ЭМО

Чёрная чёлка,
 Розовый бантик,
 Эта девчонка –
 Конфетный фантик.
 Смотрит уныло,
 Мешает причёска,
 Она и забыла-
 Существует расчёска!
 Тонкие ручки
 В браслетах, заклёпках,
 Узкие брючки,
 Череп на шлёпках.
 В милом iPod-е
 Розовом, кстати,
 Пару мелодий,
 Что в хит-параде.
 Взгляд опустила,
 Смотрит в окошко,
 Всё, грустила,
 Тоскует немножко.
 Пирсинг в губе
 Языком ощутила,
 Снова в себе, –
 Да и не выходила.
 Ручку подняла
 С чёрненьким лаком,
 Шарфик поправила,
 Только «не плачай»!...

БЕЗДОМНЫЙ КОТЁНОК

Бездомный котёнок серый
 С мольбой на людей смотрел,
 Он к ним подходил несмело,
 Но никто его брать не хотел.
 И сел он на снег холодный,
 Переднюю лапку поджав,
 Замёрзший, уставший, голодный,
 Мечтал он о тёплых днях.
 А люди шли мимо котёнка
 В тепло и домашний уют,
 Оставив почти что ребёнка
 Сидеть на холодном снегу.

Ночь тихо на землю спускалась,
 Мороз красил чьё-то окно,
 Но лето котёнку снилось
 И стало ему тепло.

Ветер нежно нашёптывал что-то,
 И малыш всё сильнее засыпал,
 А снег с материнской заботой
 Собою его накрывал...

А утром жизнь вновь закипела,
 Луч солнца коснулся крыш,
 И холмик виднелся белый,
 Где сидел котёнок– малыш.
 Над холмиком птицы кружились,
 Никто их не смог спугнуть,
 Они проводить спустились
 Котёнка в последний путь.

И ветер затих, с ним прощаясь,
 И выть перестала метель,
 Зима, каждый раз возвращаясь,
 Так много приносит потерь...

ИНТЕРНЕТ

Зараза такая
 По имени «Ася».
 Уж если втянулся –
 Уйти не пытайся!
 Всё чаще и чаще
 Ты кликаешь мышкой,
 А «Ася» довольна
 Своей новой маргышкой!
 Зараза такая по имени «Нэт»,
 Захочешь уйти, а пути назад нет!
 По «Асе», по «Скайпу» все пишут «привет!»
 И ты остаёшься на целых 100 лет... =Р

КОМАР

А я сплю и мечтаю,
 Что свободно летаю
 По волшебному краю,
 По цветущему маю,
 По небесному Раю,
 По.....
 Зь-зь-зь-зь-зь-зь-зь
 И я ничё не понимаю!
 На меня кто-то сел,
 Чуть «по-зызел»,
 А потом меня съел!
 И улетел.
 Вот такие вампиры
 Разбудили меня.
 Комары-Кошмарилы
 Обокрали меня.
 Такой сон испортили!

* * *

Да, мы – такие!
 Бываем любящие, ласковые, смешные...
 Да, мы – такие!
 Бываем чёрствые, вульгарные и злые...
 Да, мы – такие!
 Бываем одинокие, непонятные, – как неродные...
 Да, мы – такие!
 Но знаете, задумайтесь, а вы – другие?...

ТРИ МУЗЫ МАРИИ-ЭОЛЫ ЧЕКОЛТАН

*...С чего начинается мир,
С чего начинается творчество...*

Маша родилась 25 апреля 1995 года в г.Киши-нёве. С раннего детства она росла в атмосфере творчества, разговоров о культуре и искусстве – живописи, музыке, литературе, хореографии, часто бывая на съёмках телевизионной программы «Art-Club», автором, режиссёром и ведущей которой является её мама, Валентина Чеколтан. Эта передача вот уже более 10-и лет выходит в эфир на Национальном телеканале «Moldova-1».

Когда Маше было 7 лет, при поступлении в школу она сделала первый самостоятельный и решительный шаг, выбрав класс с изобразительным уклоном. Вероятно, сработали гены предков, и любовь к живописи, рисованию досталась ей от прадеда Ивана Рындина (отца Машиной бабушки, Лидии Ивановны Рындиной-Чеколтан, уроженки Воронежской области в России). Родственники из подмосковного г.Подольска рассказывали, что у прадеда Ивана были удивительные морские картины, хотя он никогда не учился живописи. К тому же, бабушка Маши работала в библиотеке, она очень любила литературу и собрала для внучки замечательную и разнообразную домашнюю библиотеку, где есть немало сборников стихов поэтов разных времён и народов.

Со стороны молдавской ветви родственников тоже были творческие люди. Например, дед Миша, Мефодий Григорьевич Чеколтан, в молодые годы активно участвовал в художественной самодеятельности в родном селе Подойма Каменского района Молдовы, играл в духовом оркестре, танцевал в народном ансамбле, любил шутить, был весельчаком и «артистом», как его называли друзья.

Был и Божественный толчок, определивший так, что день её рождения выпал как раз на дни Святой Пасхи, поэтому мир встретил её весенними цветущими деревьями, пасхальным перезвоном и восхитительным ароматом кулича. А ещё – чувством радости, умиротворения и желания сделать какое-нибудь доброе дело, чувством, которое осеняет в этот период всех людей...

Может быть, эта благотворная аура, окружившая её с самого раннего детства, и дала импульс к формированию того, что называется «творческий склад личности» и «творческое восприятие мира». А это уже, в свою очередь, обусловило и особый взгляд на мир и отражение его в художественных образах, линиях и красках картин, в стихотворных рифмах и даже, наконец, в музыкально-песенном жанре.

Были выставки, мастер-классы, олимпиады, дипломы и грамоты на мероприятиях самых разных уровней, школьных и не только. Участие и Диплом Жюри на Международном Фестивале детского творчества «Ангел надежды» в Санкт-Петербурге, поездки на Международные телекинофорумы с мамой в Ялту, Москву, знакомство с известными и интересными людьми, с природой Подмосковья и Крыма. Всё это насыщало и питало эмоциями, впечатлениями, необыкновенными идеями воображение, пополняя творческий багаж восприимчивого юного сознания, что вылилось в целую тетрадь стихов.

Стихов о Жизни и Благодарности за неё, о вечности в образе Вселенной, о взаимоотношениях со сверстниками, о друзьях, которые рядом в трудную минуту, об отношении людей к животным, о равнодушии и о преданности, конечно же, о любви, об ожидании её и способности к самопожертвованию ради этого великого чувства и ещё о многом, что окружает, увлекает, радует, смешит и «мучает» девочку её лет, юного Человека, вступающего в серьёзную жизнь.

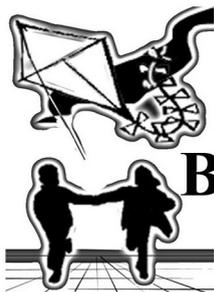
Творческий сезон 2009–2010 года стал особенно плодотворным для Марии-Эолы. Участие и победы в творческих конференциях учеников по живописи и дизайну одежды, Премия и Диплом лауреата, т.е. главного победителя в основном ежегодном конкурсе юных художников «Tînarul Plastician», участие в выставке на площади Театра оперы и балета 1 июня 2010 и работа над картиной для знаменитой Марии Биешу на день рождения «Чио-Чио-Сан Мира». Кроме этого, участие в концертах на сценических площадках города с песнями «Мы с тобой!» и «Ești cu noi!» (собственный перевод своего же стихотворения) и даже вокально-актёрский дебют в оперном спектакле «Аида» в роли эфиопской пленницы вместе с вокальной студией «Рапсодия» (рук. Наталья Барабанщикова). Была ещё и студия восточного танца «Таджа» (рук. Елена Кальян и Ирина Войтенко). Ну и, конечно же, Международный творческий лагерь Паркова под руководством знаменитого режиссёра Силвиу Силвиано-Фусу.

Была и пресса, было и телевидение. 2-го декабря 2009 года в газете «Аргументы и факты» вышла статья «Кто поручил Маше спасти планету?» и сюжеты в телевизионных программах на канале «JurnalTV» и «Moldova-1».

А в самый день 15-тилетия в библиотеке им. М.Ломоносова (директор Маргарита Щелчкова), состоялась персональная выставка Марии-Эолы Чеколтан, которая называлась «Творческий отчёт перед друзьями» и которая стала настоящим творческим вечером. Там были представлены картины «Снежный Ангел», «Молитва в горах», «Звезда души одинокой (по стихотворениям Эминеску)», «Цветные сны чёрно-белого музыканта», «Люди и их маски», «Аллея классиков. Кишинёв. Осень...», серия графических работ «Мир в линиях» и многие другие в самых разных техниках: холст, масло, пастель, уголь, тушь, смешанные техники. Звучали её стихи, и состоялась премьера песни «Мы с тобой» на одно из стихотворений юной поэтессы в исполнении самой же Марии-Эолы Чеколтан, которая, так уж сложилось, дружит сразу с тремя Музами.

Дай Бог ей в течение всей жизни сохранить и пронести в своей душе этот волшебный свет творчества, свет тонкого восприятия мира в красках, звуках музыки и стихотворных рифмах, чтобы никакие жизненные испытания не заставили её разочароваться в красоте этого мира и в высоком смысле жизни, искусства и творчества.

ВАЛЕНТИНА РЫНДИНА

Взлётная полоса

СПАСИБО, СЕЛИГЕР!

Лига Русской Молодёжи – одна из самых дружных, и, на мой взгляд, одна из самых перспективных организаций молодёжи в нашей стране.

Знакомство с Лигой у меня началось давно. Уже полгода я активно участвую в ее мероприятиях и акциях различного характера.

1 июля 2010 года стал для меня и для всего коллектива днем, с которого начались новые яркие впечатления и серьёзные испытания, прежде всего, самих себя, что мы можем в коллективе и на что пока не способны. В течение целого месяца мы отвечали на эти вопросы, и я с уверенностью могу сказать, что мы справились с этой задачей на десятку.

Ранним утром этого дня мы отправились на Всероссийский Молодёжный Инновационный Форум – Селигер, лагерь, разбитый среди российских лесов, в самой глубине Тверской области. Мы ехали 2 дня, дружным коллективом в 50 человек, и 3 июля, уставшие, высадились в пункте назначения – Селигере.

Первым, кто нас встретил, была охрана или группа контроля у контрольно-пропускного пункта перед входом в сам лагерь Селигер, которая проверила наш багаж на наличие наркотиков, оружия, алкоголя и другой дряни. После этой процедуры нас повели к месту будущего расположения. Прибыв туда, мы наскоро разобрали сумки, оборудовали палатки и легли спать. А с утра нам сразу же пришлось привыкать к суровым будням Селигера. Учились готовить в «диких» условиях, разжигать костёр. Чуть позже нам выдали бейджики, где были указаны страна, город и смена, в которую мы прибыли. В I-ой смене, международной, была в основном представители различных стран мира. У нас была возможность ближе узнать их культуру, обычаи, историю. В этот же день мы познакомимся с правилами Форума и были предупреждены, что за каждое их нарушение выставляется дырка в бейджик, а если дырок набирается 3, то тебя удаляют с Форума, и добираться до своей Родины как хочешь.

Правила Форума:

Правило 1. На всей территории лагеря действует «сухой закон», соблюдать который обязаны все.

Правило 2. На Селигере запрещены мат и сквернословие.

Правило 3. В час ночи – отбой! Начинается тихий час. Тот, кто его нарушит, – получает дырку в бейдж, если сильно повезёт – устное предупреждение.

Правило 4. Курящие обязаны курить только у костра.

Правило 5. Каждый участник обязан ходить на лекции; если во время лекции он будет замечен службой охраны – на озере, в палатке или в другом месте – дырка в бейджик и долой с Форума.

Следующие дни Международной смены были построены по единому графику, но, несмотря на это, каждый день проходил незабываемо и плодотворно. Подъём в 8 утра под Российский Гимн, затем ровно полчаса давалось на умывание и сбор, к 8.30 надо быть на Главной сцене. Там нас приветствовали директор форума Илья Костунов и другие официальные лица Селигера; говорили, что нас ждет в течение дня, какие гости будут нас посещать и прочее. Чуть позже нас отпускали на обязательную пробежку – 5 км. Выходили на нее в основном представители мужской части лагеря, так как для девушек был организован легкий шейпинг. 9.00–9.30 – завтрак, 10.00–13.00 – лекции, 13.30 – обед, 13.30–15.00 – свободное время (можно пойти на озеро покататься на байдарках, поплавать, либо на альпинистские горки); кроме этого, был тир, тренажеры на берегу озера и т.д. Каждый отдыхал как хотел. 15.00–18.00 – снова лекции, VIP – лекции, куда приглашались известные люди. 18–19.30 – свободное время, 20.00 – построение на Главной сцене, где устраивался «разбор полетов», обсуждались интересные события сегодняшнего дня, ставились цели и задачи на день следующий. 21.00 – ужин, 22.00–00.30 – свободное время, 01.00 ночи – отбой, тихий час.

В Международную смену мы познакомились с японцами, англичанами, немцами и американцами. Мы обменивались подарками и учили язык.

Все были очень рады, что приехали сюда. Во-первых, мы находились в России – стране Пушкина, Ломоносова, Толстого, в стране, где каждый из нас находил частичку себя, своего прошлого, настоящего и будущего. Никакая политика не в силах повлиять на нашу любовь к России, ее традициям и обычаям, к ее истории. Здесь перед нами открывались новые возможности. Именно тут мы поняли, каким путём идти, поняли, что будущее зависит от нас и от того, как мы будем работать на него.

Работа, как известно, сближает людей, делает их сплоченнее, сильнее. Так было и в нашем коллективе: мы вместе ходили за дровами, готовили пищу, таскали в бочках воду на плечах, делали поддоны для палаток, чтобы в дождь их ненароком не затопило. В процессе работы я подружился с ребятами из Кагула, Единец.

Время летело быстро, и вот уже кончалась первая смена. Временами очень хотелось домой, хотелось домашнего уюта, более привычной пищи. Наша еда состояла из обычного туристического набора – сухого пайка. Но из него дежурные умудрялись готовить вкусные блюда.

10-го июля закончилась Международная смена. Иностранцы с грустью покидали лагерь, где провели около недели, и обещали вернуться в следующем году. Мы тоже покинули территорию лагеря и переселись в лес.

В лесу нам понравилось больше, чем на Форуме. Здесь было гораздо больше свежего воздуха и свободного времени. Вода в озере тоже была чище, хотя нет – она была кристально чистая: было видно каждую проплывающую рыбку, каждый камень на дне. Палатки на новом месте мы разложили без проблем. Несмотря на более свободный и вольный образ жизни, у нас царила строгая дисциплина, а всё потому, что за любое нарушение правил, будь то опоздание или неявка, либо появление в нетрезвом виде, нас ждало суровое наказание – нарушитель должен был мыть посуду за всеми членами группы. . . Поэтому этих самых нарушений было очень мало.

За водой приходилось ходить в деревню, где был колодец. Воды у нас часто не хватало, и иногда приходилось пить прямо из озера, благо она там была не хуже, чем в самом лучшем источнике.

Вместе, по пять-шесть человек, ходили и за дровами, каждый раз это было весело и незабываемо. Однажды мы притащили в лагерь огромный ствол дерева длиной чуть ли не 12–15 метров!

Самое главное – сплочённость команды, все это поняли сразу. Если вместе работаем, то и вместе отдыхаем, по иному никак. У нас проводились тренинги, для чего были приглашены профессиональные ребята-инструкторы. Многочисленные упражнения на развитие командного духа и на сплочение уже после нескольких занятий сделали нас крепче, дружнее, мы научились в любое время, в любой ситуации принимать нужное и верное решение и всегда приходиться на помощь члену команды. Каждый из нас благодаря этим упражнениям сделал вывод: в команде ты добьешься больше, а тем более в команде, преданной духу верности, товарищества и братства. К концу всех тренингов инструкторы с удивлением констатировали факт: за всю практику их работы дружнее и сплоченнее ребят, чем в Лиге Русской Молодежи, они еще не видели. И это были не пустые слова!

Приготовлением пищи и охраной лагеря занимались по очереди, по 2 человека. Каждый должен был выполнять свои функции, но порой вся команда помогала дежурным справляться с обедом. Кто-то следит за костром, кто-то чистит картошку, кто-то режет салат и т.д. И вот уже через каких-то минут 20 готова долгожданная трапеза, которая в наших условиях казалась нам вкуснее самых изысканных блюд.

Долгожданным и приятным аккордом в конце каждого дня была вечерняя прогулка с друзьями на озеро. Это невероятное ощущение: уплыть на середину озера, остановиться, перевернуться на спину и смотреть в чудесное российское небо... **Белые ночи, эти белые ночи, которые уже никогда не уйдут из твоей памяти,** воздух, напоенный ароматами вековых деревьев и трав. И уже невольно забываешь обо всех переживаниях, о политике, о ностальгии по дому.

Но в час отбой, об этом мы никогда не забывали. До отбоя мы устраивали громкую дискотеку, пили чай, готовились ко сну.

Но, как говорил Вальтер Скотт, «время и прилив никогда не ждут». Так и наша жизнь в гостеприимном российском лесу заканчивалось.

19 июля мы снова переселялись на Форум, в смену, которой было суждено сыграть окончательную роль в становлении нашего коллектива как команды и научить нас быть первыми, быть лидерами. Это смена Лидерства. Нас разбили на два лагеря и разместили на разных точках. Началось новое испытание.

В это время Форум стал напоминать маленькое государство, со своими законами, своей политикой и своей властью. Во-первых, тут были собраны воедино практически все молодёжные движения России, в большинстве своём из Москвы. Особенно стоит выделить движение «Наши», которое и составляло костяк лагеря.

Для нас настоящим праздником стал визит знаменитых людей России, VIP-персон. С лекцией о политическом лидерстве выступил известный политик Владимир Вольфович Жириновский. Лекция прошла очень живо, ярко и насыщенно. Владимир Вольфович не забывал вставлять в нее анекдоты и смешные реплики, которые веселили всех присутствующих. Очень обстоятельно и серьёзно он ответил на все вопросы и поделился некоторыми секретами политической кухни. Но больше всего нам понравилась встреча с Дмитрием Носовым – великолепно

ным борцом, бронзовым призером Олимпийских Игр. Дмитрий завоевал бронзу со сломанной рукой в борьбе против сильнейшего соперника. Он ответил на многочисленные вопросы о спорте в России и о развитии единоборств, в частности. Он поразил всех исключительной искренностью и уважением ко всем присутствующим без исключения, подметив, между прочим, что ему нравится молдавская кухня. После лекции он с радостью сфотографировался со всеми желающими и раздал огромное множество автографов.

Мы слушали лекции о политике, о том, каким должен быть настоящий лидер и о том, что нужно делать, чтобы им стать. Это сейчас нужно как никогда. За нами, молодыми, – будущее нашей страны.

Стояла ужасная жара. В огромных палатках, где проходили лекционные занятия, негде было даже яблоку упасть – настолько они были забиты желающими присутствовать на очередных занятиях по лидерству.

Внеурочные занятия мы посвящали катанию на байдарках, стрельбе в тире, скалолазанию и чтению. Свободного времени в этой смене было ужасно мало.

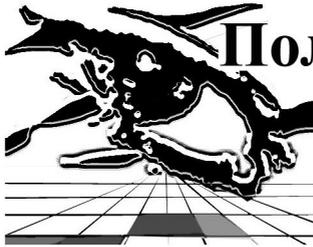
Однако в один прекрасный день нам всё же удалось вырваться в Нилову Пустынь. Нилова пустынь – не просто действующий мужской монастырь на острове посреди Селигерских озер, это одна из главных христианских святынь. Сюда ежегодно собираются тысячи паломников. Невероятно красивое и живописное место! Я заметил нарисованные часы, застывшие на без четверти двенадцать. Я спросил у одного из служителей, с чем это связано. Он, подумав, неторопливо ответил: «День, полный событий и труда, подходит к концу. Остаётся пятнадцать минут. Можно успеть сделать еще много добрых дел. Это время символ того, как скоротечна человеческая жизнь, мы должны ценить каждое ее мгновение».

Последние дни перед отъездом мы провели, помогая разбирать лагерь. Снимали флажки, собирали мусор, таскали поддоны от палаток. Форум стал напоминать полуразрушенный улей, без построек, палаток и огромного количества людей.

28 июля мы попрощались со ставшим для нас дорогим и священным местом – Селигером, с его озёрами, с его живописными местами. В последний раз окунулись в зеркально чистую гладь озера, поели и приготовили тяжёлые сумки. Вечером нас ждал автобус прямого назначения Селигер-Кишинёв, и через два дня мы уже были дома. У всех на лицах читалась смешанная с усталостью грусть от расставания. Но это расставание будет недолгим: мы теперь – команда, объединенная общими интересами и задачами. У нас впереди еще много испытаний, впереди новые достижения и успехи, новые цели и страна, которая нуждается в нашей помощи.

*АНТОН СЕЛЕНЕНКОВ,
студент II-го курса Славянского Университета*

ПОЗИЦИЯ

Поле зрения

ЛУЧИЯ ЗАПОРОЖАН

«ПРОГРЕСС» И НАРОД*

Материал подготовлен по предложению одной из столичных газет, но так и не был опубликован. Материал – только одно из рассуждений на тему, заданную новым витком политического противостояния в Республике Молдова. Видимо, как сейчас стало понятно, такое рассуждение никак не является единственным. Так думают многие политически неангажированные, искренне верящие в историческую справедливость ученые, деятели культуры, все те, кто на этой земле являются производителями – добра, истины, благ. Так думает каждый, кто кормит себя сам. Так не думает столица: – денег много, дармовых и грязных.

А эпопея исторической судьбы молдаван в истории европейских народов продолжается в той же манере и в том же духе...

«Все к лучшему» – банальность или эмпирически проверенный вывод?

Применим ли он ко всему, всегда и везде? Исторически оправдан?

НЕ знаю, но думаю, что он оправдывает все то, что происходит, и, как ни странно, практически почти всегда подтверждается. К «лучшему» предпринимались войны, совершались революции и реформы, перестройки и перезарядки, во всяком случае, каждый раз именно так объявлялись целевые задачи предпринятого действия. И что же? Хорошо. Мир людей стал почти независим от природы, стал многообразнее, совершеннее, свободнее. И только политические перевороты, погромы, клановые разборки, мафия, коррупция, беспредел и вседозволенность, номенклатурный, бюрократический застой, по моему мнению, не попадают под этот, казалось, всеобщий и всеми признанный вывод.

Может быть, и эта борьба, которая ведется на моей земле особенно яростно и агрессивно последние 20 лет, ведет к лучшему?

Вряд ли. Особенно губительными могут быть последствия для того, что есть *народ и народность* как в Молдове, так на современной карте политики и культуры мира в целом.

Во-первых, конфликт, противостояние приобретают все более зловещие черты, и предусмотреть траекторию возможного развития событий, как политического, так и этнического характера, достаточно сложно, хотя бы потому, что многие проблемы и их решения нередко складываются не на молдавской земле.

Примечателен в этом плане один образ из романа «Фрунзе де дор» Иона Друцэ, классика современной молдавской литературы и моего земляка. Образ художественно представляет извечное положение Молдовы в европейской истории: шагают по бельцкой степи телефонные столбы, жужжат телефонные провода, идут пере-

* В апреле 2010 года первоначальный вариант этой статьи был напечатан в московском альманахе «Братина».

говоры, согласуются решения с Востока на Запад и с Запада на Восток, а здесь, где внизу колосится пшеница, ничего не решается. Так было всегда, особенно на перепутьях и поворотах европейской истории.

Во-вторых, очень многое в поведении людей, в их отношении к тому, что происходит, можно объяснить только социально-психологическими особенностями общественных установок молдавского народа, а он, как ни смотри, остается если не главной действующей фигурой, так определяющим фоном постановки и решения актуальных социально-политических проблем. Что это за особенности?

1. Противостояние «своим» не соответствует сущности моего народа. Да, во времена турецкого порабощения молдаване показали себя мужественным и справедливым народом, однако тогда на своей земле народ вел борьбу против завоевателей. И тот, кто отстоял народ, землю и веру, кто крестом и мечом прикрыл Европу, стал Великим Воеводой, Государем Молдовы – Штефаном Великим. И таким, Великим, он останется навечно в памяти народа и в истории Европы.

Социально значимую борьбу развернул мой народ и в 30-е годы XX века, когда невыносимы стали притеснения социального и этнического характера. И тогда это была борьба за себя, за свое право считаться человеком и народом.

Был приглашен народ на сцену политической борьбы и в 90-годы, и сейчас, в 2009 году. Но и тогда, и сейчас в его протестах много надуманного, привнесенного, чужого, не народного назначения, да и вообще это не его протест. А кто это такой – народ? В научном понимании – ведущая структура этноса, в быденном – народом считаются, прежде всего, крестьяне, труженики непрестижной и почему-то никому не нужной сегодня материальной сферы (хотя кушать и к... должны все), которые не включаются в открытое политическое движение и всему дают одно определение – «минчунь» (вранье). Крестьян, рабочих неквалифицированного труда объявили (да и они сами себя так осознают) неграмотными, а вот учителя, считают крестьяне, – образованные, им можно верить, не задавая лишних вопросов в силу, конечно, собственной неграмотности и интеллектуальной нерасторопности. Хотя, если прислушиваться к словам такого необразованного крестьянина, который когда-то был агрономом, зоотехником, бригадиром, трактористом, полеводом, то найдешь столько опыта, мудрости и обстоятельного отношения к делу, сколько сейчас ангажированному государством – Республикой Молдова – интеллектуалу и государственному служащему (*funcționar public*) и в самом заветном сне не видать.

Народ – это также и те горожане, кишиневцы, учителя, врачи, ученые, люди творческих профессий, которые остаются на своих рабочих местах, не приемлют экстремизм, клеймят оголтелый фашизм, политические авантюризм и хулиганство и понимают как заданность, так и половинчатость многих лозунгов.

Суть народного социального действия – не противостояние, не разрушение, а созидание. Движение и борьба под лозунгом «против» – упрощенный и самый легкий вариант привлечения *толпы*, а не народа в политическое действие, особенно когда рядом с публично выставленным лозунгом «жос» (долгой) звучит публично не заявленное «грабь награбленное».

2. Есть одно непере译имое по сущности понятие – сущностное для того, чтоб понимать, кто такой и что такое в истории молдавский народ. Традиционно его представителем выступал крестьянин, а он ведущим в назначении человека на земле считал – **«а фи господар»** – **быть хозяином**, производителем, автономным, самостоятельным и трудолюбивым, обладать собственностью и семьей, успешно, честно и достойно вести свое хозяйство, быть мудрым и справедливым.

Крестьянин признавал необходимым и другой род деятельности – коммерцию, торговлю, развлекать и ублажать других за деньги, но считал это дело недостойным, неприемлемым для себя.

Чувство гордости и достоинства стало разрушаться тогда, когда от безземелья и бессилия он уходил в возникающие города, становился наемным работником (конец XIX – начало XX века).

Особенно разрушительной в этом смысле оказалась коллективизация – неплохое, по моему мнению, начинание, ведущее к экономически выгодному сельскохозяйственному производству, но, к сожалению, ни концептуально, ни практически не завершенное, к тому же еще и осуществленное недопустимыми методами и способами.

Хотя именно колхозное производство, социалистическое развитие создали неповторимое молдавское село 70-х годов XX века – с его красивыми домами, ухоженными улицами, библиотеками, школами, дворцами культуры, детсадами, книжными магазинами «Луминица» (светлячок), музыкальными школами, радио, телефоном, телевидением, путями сообщения с каждым, даже отдаленным, селом.

Были проложены дороги, подняты сады невероятной красоты и комплексы по производству и переработке сельхозпродукции. Созданы промышленное производство, система энергетики и коммуникаций. Кишинев стал городом и столицей. Сразу же после войны и в первые послевоенные десятилетия в Молдове была создана мощная система культуры, образования и науки – университет, институты по подготовке кадров, академия, театры, консерватория, филармония, киностудия, телевидение. Но крестьянин, как хозяин и производитель, постепенно разрушался: самостоятельным он мог быть не в производстве, а в потреблении и только в устройстве своего, экономически зависимого от колхозного, индивидуального хозяйства.

Следующий сокрушительный удар по чувству хозяина, достоинству и доблести молдаван произвела перестройка. Все, что было создано таким трудом, усилиями **всех**, разрушено, разграблено, продано, стало собственностью **некоторых**. Крестьянам выделили землю без финансовой и технической поддержки. Производительный, технически, энергетически оснащенный, экономически оправданный труд стал для него недоступным.

В противоположность традиционным основными ориентирами жизни стали индивидуализм, вседозволенность, моральный вакуум: «ты всего достоин и решаешь сам, каким и с кем быть», «будь свободным», «дозволено все, что не запрещено законом», «думай свободно». Свободно – это как? Свободно – от чего? Свободно – для чего? Такая свобода однозначна по своему значению – поступать, выбирать, не задумываясь, не вникая, не сравнивая, не сомневаясь.

«Думай свободно» – значит, освободись от

- консерватизма и консерваторов, от идеологии, от советского прошлого – гласно заявленная цель,
- от традиций, от своей истории и своего народа, от того, что знаешь и во что веришь, от себя.

Правители от культуры хорошо усвоили, что к эстетическим образцам народного искусства время от времени надо прибегать. Главное – не вдаваться в подробности: был в народной традиции праздник святого Андрея (в начале декабря), когда допускалась разная языческая чертовщина, так нет же, вводится Хэллуин с его страшилками и мертвецами.

Кстати, к смерти мой народ относится мудро, спокойно, по-христиански, но старается её не трогать, ни в мыслях, ни в делах.

Главная идея новой идеологии – отказаться от советского прошлого, всего того, что собой в XX веке представлял Советский Союз, Победа в 1945 году, от марксизма (хотя марксизм, ленинизм и советизм не совпадают, да и те, кто их отрицают, судят обо всем поверхностно, по лозунгам, ничего не зная о сущности теории и практики коммунизма и советской истории).

Постоянно внедряется вывод, что социалистическое развитие увело молдавский народ от европейской траектории развития, что было все, абсолютно все, плохо, несостоятельно, вредно и подло. НЕ было свободы – и все. Сейчас – есть. Все есть – демократия, плюрализм, рыночная экономика, кумиры, звезды и товары. Ты свободен выбирать, но – только Запад. Это – хорошо, это – верно. Все, кто такой выбор сделали, живут хорошо, хотя почему-то сейчас не все и не всему рады.

Это все адресовано молодежи и впитывается ее мозгом и сердцем. И если бы разговор шел лишь об освобождении от диктата, монополизма неграмотности, от фантомов и иллюзий! Но нет! Людей идеологически освобождали и освобождают от своей сущности и корней, от своего прошлого, от любви к тому, что есть свое, от традиций, от сокровенной связи с родителями. Вводился и вводится следующий диктат, только вводился тайком, иезуитски, кощунственно, подло – под видом добра и содействия, помощи, под видом перехода на другой более высокий стандарт жизни – демократический, свободный. Безусловно, это – общее направление воздействия на людей через технологии (адские) манипулирования сознанием. Но это происходит в совсем не подготовленной к этому стране, слишком традиционной, чистой и «не развитой» для того, чтоб все это воспринимать без ужаса, без слез на глазах.

Именно так был нанесен сокрушительный удар по основам крестьянской, народной жизни. Вековая направленность на производящий и производительный труд, на единство с землей, с семьей не удержалась, рухнула. Идеологически были вырваны корни существования народа, его вековой этнической идентичности.

И люди стали уходить, впервые в истории добровольно стали уходить со своей земли, оставляя празднично убранные дома, стариков, детей, покрытые цветущим бурьяном поля. Уходили самые энергичные, не боящиеся труда и трудностей, готовые на новую жизнь. Уходили сначала «в город», затем, любой ценой – за границу. О былом достоинстве не осталось и речи: «Деньги не пахнут». «В Молдове ничего не происходит, потому что нет денег, у нее нет будущего» – этим объясняется все, что происходит в Молдове. Неправда! Ничего не происходит потому, что нет воли, доброй воли – помочь народу, удержать, поднять народ. Клановая политика не решает народные проблемы. И еще – не все его «друзья», «друзья и благодетели» Республики Молдова заинтересованы в ее успешном развитии, да и не только в её развитии. Есть примеры. Близлежащие.

3. Величие молдавского народа – в его стойкости и мужестве *быть* наперекор жестким природным и несправедливым историческим условиям.

Народ центра Европы, веками эксплуатируемый, неоправданно униженный и оскорбленный (байками, анекдотами, прозвищами) молдавский народ жил и трудился на своей земле, покорно и с любовью пропускал ее через свои руки и сердце, в абсолютно истинном смысле окроплял ее слезами, потом и кровью, трудом и творчеством утверждал себя, свою неимоверно сложную и во многом к нему несправедливую историю.

В какой еще европейской стране, за Днестром или за Прутом, электричество окончательно пришло в село (основной вид поселения молдаван) в 70-е годы XX

века? В какой еще стране ручной, физический труд человека, угнетающий и оупляющий его, до сих пор является основой сельскохозяйственного производства? Где еще народ, своими руками производящий экологически чистую, генетически немодифицированную продукцию, продает ее с рук в подворотнях и в пыли переулков и тротуаров? Это, так сказать, предпринимательство индивидуальных производителей. Почему им нет доступа на центральный рынок Кишинева? Почему он стал основным местом реализации турецких и китайских товаров, товаров перекупщиков и монополистов? На обочинах улиц продают крестьяне, мелкие производители, творог и яйца, молоко и вино, овощи и фрукты, тайком от полиции иногда и свежезабитую птицу. Половину привезенного товара крестьянин прячет в кустах на противоположной стороне улицы, на всякий случай – вдруг нагрянет полиция...

Корзины, ведра, коробки накрыты домоткаными полотенцами и чистыми женскими платками. Эти честные и доверчивые глаза, натруженные руки ждут, что сытый и ухоженный горожанин купит у него хоть что-нибудь и он еще раз сегодня к вечеру опять приедет в Кишинев, на своих руках, на своем горбу будет тащить своим трудом выращенный урожай. И реализаторами, не могу сказать продавцами, являются чаще всего женщины, не только молодые. Им невероятно повезло – они живут недалеко от Кишинева, от трассы, ведущей в столицу, они могут хоть что-то продать. Те, кто живет далеко от трасс и немногочисленных городов, ведут в основном натуральное хозяйство, обеспечивая себе пропитание.

4. Молдавский народ любит, ценит и гордится своей культурой. В не всегда благоприятных исторических условиях, даже тогда, когда она развивалась под давлением господствующих культур других государств, ему удалось сохранить её оригинальность и неповторимость. Ведущие достижения и имена молдавской культуры: дойна и баллада «Миорица», Григоре Цамблак (XIV век), «Уложение» (свод законов) Василия Лупу (1646), хроники и летописи Григоре Уреке, Мирона Костина, Иона Некулче, государственно-политическая деятельность Штефана чел Маре (Великого) и Александру чел Бун (Доброго), научная деятельность Н. Милеску-Спэтару, Димитрия Кантемира, литературная деятельность Антиоха Кантемира, К.Стамати, Г.Асаки, К.Негруци, А.Донича, А.Руссо, В.Александрю, Б.П.Хаждеу, патриарха молдавской культуры И. Крянгэ, М.Еминеску, М.Садовяну, А.Матеевича, И.Друцэ, архитектурные ансамбли Кишинева; имена музыки, театра и кино: М.Биешу, Е.Доги, Е.Лотяну, Г.Григориу, М.Мунтяну, ансамбли «Лэутарий», «Жок», капелла «Дойна» – органично и содержательно вписываются в альманах достижений европейской культуры.

Достояние молдавской культуры – крепости и монастыри, летописи и церковные книги, исторический опыт и народный образ жизни, вера и язык. К языку народ особо внимателен. По необъяснимым признакам (фонетическим, артикуляционным, по ритму и синтаксической структуре фраз) признает своим то, что созвучно его неспешному, несверкающему, незаметному и трудному бытию. Все другое – красиво, звучит и переливается, красочно, впечатляет, но – не свое. Богатство и самобытность молдавского языка отстаивал в борьбе против арделенизмов Алеку Руссо, на праве народа сохранить себя таким, каким исторически стал, гордиться своим языком настаивал Алексей Матеевич. Свое – это то, для чего не требуется особых усилий и условий, эзерсисов, для того, чтобы понять и принять.

5. Этническое сознание «самости» и правомерность своей этнической идентичности молдавский народ отстаивает и оспаривает в жесточайших ус-

ловиях давления и идеологического хулиганства, которые незамедлительно и незаметно переходят в политический экстремизм.

В общественное сознание внедряются не допускающие никакого сомнения и обсуждения, так сказать, неоспоримые научные выводы: молдавский народ, в принципе, вообще, – и не народ вовсе, его язык – диалект, его культура – не самостоятельна и производна. И такую позицию признают и ученые Петербурга и Москвы. Научная, беспристрастная истина? Преклоняемся и подчиняемся, но что же делать с этим непокорным и неподдающимся народом? Почему и зачем он себя считает молдавским? В угоду русским геополитическим интересам? Именно так воспринимается его историческое упрямство. Нет, вовсе нет. В такие детали он проникает невероятно трудно, да и некогда ему. Это – только политический подтекст его «самостийности, духовной, этнической, этической стойкости.

Л.Н. Гумилев в своей теории этнических систем утверждал, что этническое своеобразие сообществ – объективно заданное измерение и определяется способом взаимодействия людей с природой, с землей.

Видимо, так и есть: чувствует свою неповторимую идентичность, право быть самим собой на своей земле тот, кто ближе к земле, тот, кто взаимодействует с природой на основе особой организации быта и своего *производительного* (физического или умственного, созидательного или исполнительского) труда.

Этническое, народное – это не столько знание, сколько *чувство* своей идентичности с другими людьми, чувство принятия своего как близкого, родного, понятного, предсказуемого и безопасного.

Результаты выборов не всегда удовлетворяют политические амбиции, так сказать, политических игроков. Печатные средства *бомонда*, политических кумиров с *vip*-обложек внедряют в общественное сознание этически, эстетически, социально непривлекательный образ крестьянина, сельского жителя, села.

Самое несправедливое состоит в том, что понятие «народ, молдаванин» стало понятием-ярлыком, прозвищем того, кто мало знает, неуклюж, плохо и медленно говорит, не может думать самостоятельно, тот, кто ведом и манипулируем прошлым, невоспитан, согласен на самое простое, непритязательное в жизни и в политике.

О молдаванах сочиняются абсолютно недопустимые, оскорбительные байки, анекдоты, даются прозвища, которые муссируются в молодежной, а также в, так сказать, «образованной», интеллигентствующей среде. В «элитных» кругах его не ценят и недооценивают. Порой по-барски идут «в народ», считают нужным высказаться по поводу его эстетического вкуса, однако, по их мнению, народ – это те, кто ни в чем не разбирается и не умеет, да и не смеет решать основные вопросы общественного, государственного бытия. Он – «бэдэран» (не переводится). И так считает часть выстрадавшая эти народом политического класса, интеллигентствующих кругов.

Возможно, это лишь эпатаж, стремление нравиться другим («мы все – свои, друг друга знаем, любим и простим, а вот другим – нравиться надо»).

Как можно и в каких целях *можно* отказаться от отцов и матерей, от веры и морали предков, от трудности и неоднозначности своей истории? Почему и кому, на каких основаниях позволительно оспаривать право народа на свое мнение, на свой вывод и на свой выбор?

Можно по-разному понять и оценить то, что происходит, но никому не дано право навязывать народу свой выбор. Если человек европейской страны, пусть и Восточной Европы, считает нужным считать себя молдаванином, считает свой язык молдавским, надо признать это его право, уважать его мнение, не стыдить его, не клеймить, не применять к нему средства психологического и морального давления.

6. Сейчас остро встал вопрос о государственности Республики Молдова, т.е. о стержневом в современном мире образовании этноса. Именно государственность как несущая конструкция молдавского этноса неоднократно подвергалась нападкам и испытаниям: в 1812, в 1859, в 1918, в 1941 году, в 90-е годы XX столетия, когда независимость, как оказалось, являлась только первой половиной вопроса об исторических перспективах Молдовы. И в 2009 году, – изощренно, агрессивно и, как никогда, результативно, Молдова теряет свой суверенитет, конституционные и законодательные основы общественного и политического бытия, право граждан на инакомыслие.

Вопрос о государственности Молдовы стал вопросом ожесточенного политического противостояния. Действительно, ПКРМ на условиях правящей партии в 2001–2008 годах укрепляла молдавскую государственность, развернула программу поддержки народа, его культуры, сделала много для того, чтобы он воспрял, вздохнул после потрясений либерализации и денационализации 90-х годов и встал на ноги.

ПКРМ собрала хорошую, грамотную команду хозяйственников и финансистов, сделала многое для культуры и молодежи, развернула достаточно осторожную и выдержанную международную политику, выпрямила линию отношения к русскому языку, к русской культуре, к русским и к другим нацменьшинствам Молдовы (так сказать – короче, но никак могу привыкнуть к тому, что есть нацменьшинство русских, украинцев).

ПКРМ сделала не все и не все сделала так, как надо, допустила и то, что совсем народу не надо, но абсолютно ничего не удалось ей в сфере образования.

Во-первых, проблемы образования это, прежде всего, проблемы личности, человека, формирования его в качестве субъекта собственной жизни и субъекта жизни страны. Чиновники и бюрократы, специалисты с двойным мировоззренческим и гражданским дном не могут решать эти проблемы. Госполитика в области образования реализовалась половинчато, неграмотно, без серьезного научного анализа, с оглядкой на европейские структуры, плохо понимая социальное значение европейских стандартов и не разрабатывая методологию их внедрения.

«Наши дети», как принято сейчас обобщать, вышли на площадь, пошли на погром правительственных знаний не только из-за гнусных политических игр, но и из-за безалаберности семейного воспитания, отказа от понятий «Молдова, патриот, патриотизм», в силу неопределенности и разночтения в школе исторических событий, отказа от принципа социально и патриотически формирующего содержания, курсов истории, языка и литературы.

Необходимо сохранить молдавскую государственность для того, чтобы сохранить молдавский народ. Но для этого надо отказаться от коррупции и мафии, от клановых основ политики, ввести в общественную, правовую и политическую жизнь принцип уважения к народу, верности ему, его исторической судьбе.

Понимаю, что глобализация уничтожает любую самобытность и самостоятельность. Понятие *народ* становится эфемерным, несущностным, а народ, особенно немногочисленный, в масштабах глобальной и глобализирующейся истории становится несуществующим.

Молдавский народ чувствует, что исчезает, что подорваны его экономические, социально-политические и духовные основы, он остается без истории, без языка, без имени. 650 лет его государственности, победы и достижения – не аргумент и ни для кого не указ. Народ чувствует, что перестает быть субъектом собственной судьбы, и с этим он не согласен. Сохранил себя, свое имя, своих детей, культуру и веру на своей исторической земле, никого не завоевывал, никому не объявлял

войн, только защищался, невыносимым терпением и страданием убеждал всех в своем праве быть таким, быть здесь свободным и самостоятельным. Не убедил?

Пусть благоустроенная Европа, великие державы знают, что сейчас в центре Европы создаются предпосылки исчезновения молдаван как этноса, происходит девальвация имени и истории извечно европейского, немногочисленного, гордого и трудолюбивого, красивого и достойного народа.

Допускается большая несправедливость. Народ безропотен и безгласен, он занят проблемами выживания. Когда он решается назвать свой, как считают, неграмотный выбор, с ним не считаются, ему, его опыту жизни и мудрости не доверяют. По мнению экстремистски настроенных либеральных радикалов, народ, бывшие колхозники, рабочие, пенсионеры – все, кто не с ними, – совки, отработанный, ненужный шлак. Такие выводы –противоправны, человечески несостоятельны и губительны.

Народ смеет на абсолютно законных основаниях – через выборы – сделать свой выбор, спутать намерения и надежды, перспективы и обязательства политических групп.

Нельзя народ делить на образованных и необразованных, на стариков и молодежь, на прорусских и прорумынских. Народ – единое образование, народ – это тот, кто трудится и создает материальные и духовные ценности, творит все явления культуры, выражая этим свою историческую самобытность и духовную неповторимость.

Быт и образ жизни, исторический и культурный опыт молдавского народа – неизведанная кладезь мудрости и знаний, образов и образцов справедливости, истины, красоты, «но это все – неведомо для нас». Такие проблемы академические круги не исследуют (пока?).

Но классически величие народного быта, сущность его бытия представлены в произведениях художественной культуры, например, в творчестве Иона Крянгэ и Иона Друцэ.

Каждое произведение Иона Крянгэ настолько емко, настолько народно, что великий летописец крестьянской жизни практически непереволим на другой язык. Текст его произведений идиоматичен, лучший из переводов не передаст глубину опыта жизни, мудрость, спокойствие и трудолюбие молдаванина, красоту и зрелищность его ежедневных забот. И все это – с легкой иронией, юмором, таинством не высказанного до конца слова.

Ион Друцэ переводим на другие языки, но, я уверена, при переводе многое ускользает, и только на молдавском языке можно почувствовать невысказанную грусть молдаванина, когда он, под мелким, тихим осенним дождем, вдумчиво вглядывается во вспаханное поле, в сине-голубой-черный отлив только что перевернутой борозды: ушло лето, наступает зима, тишина, уходит время, но есть надежда на весенние нежные всходы...

Кишинев, 2009–2010

ЛУЧИЯ ЗАПОРОЖАН, доктор философии, конференциар. Родилась в 1940 г. в селе Сударка Дондюшанского р-на Молдавской ССР, молдаванка. Закончила аспирантуру по кафедре философии Кишиневского госуниверситета им В.И.Ленина, специальность – история философии. В 1970 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Революционный демократизм Молдавии, Валахии и Баната в 1848 году». Работала зав.кафедрой философии и политэкономии, проректором по научной работе, деканом факультета экономики и права Бельцкого университета.

РУССКОЕ СЛОВО

russlovo.md

Подписной индекс
21555